

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
РОССИИ**

1 – 1 1

**МОДЕРНИЗАЦИЯ
ЭКОНОМИКИ
И ИННОВАЦИОННЫЙ
ПРОЦЕСС**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**МОСКВА
2011**

УДК 332(470+571)
ББК 65,9(2Рос)
Э 40

Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел экономики

Редакционная коллегия:

Н.А. Макашева – д-р экон. наук, председатель,
Г.В. Семеко – канд. экон. наук, зам. председателя,
В.С. Автономов – чл.-кор. РАН,
Н.И. Иванова – чл.-кор. РАН,
Е.В. Виноградова – канд. экон. наук

Редактор и составитель выпуска –
канд. экон. наук *Б.Г. Ивановский*

Э 40 **Экономические и социальные проблемы России:**
Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-
информ. исслед. Отд. экономики; Ред. кол.: Макашева Н.А.,
гл. ред., и др. – М., 2011. – **№ 1: Модернизация эконо-**
мики и инновационный процесс / Ред. и сост. вып.
Ивановский Б.Г. – 174 с.

Рассматриваются проблемы перехода России к устойчивому росту на основе модернизации экономики. Анализируются различные подходы и принципы инновационной политики, в том числе опыт зарубежных стран по стимулированию инновационной деятельности, освещается роль региональных органов власти по поддержке современных наукоемких производств.

Для научных работников, специалистов в области государственного управления, преподавателей, аспирантов и студентов.

The issue deals with the problems of Russia's transition to sustainable growth through the modernization of the economy. Different approaches and principles of the innovation policy are analyzed, including the experience of foreign countries in promoting innovation. Highlighted is the role of regional authorities in supporting advanced science-intensive industries.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

УДК 332(470+571)

ББК 65.9(2Рос)

ISSN 1998-1791

© ИНИОН РАН, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
<i>И.Ю. Жилина.</i> Модернизация российской экономики: Пути и перспективы.....	8
<i>Б.Г. Ивановский.</i> Модернизация экономики – курс на выживание	40
<i>Б.Г. Ивановский.</i> «Сколково» – инновационный прорыв или кормушка для «реформаторов?»	75
<i>Е.А. Пехтерева.</i> Модернизация банковской системы России. (Обзор)	94
<i>Л.А. Зубченко.</i> Государственная политика стимулирования инноваций во Франции	118
Человеческие ресурсы и модернизация России. (Реферативный обзор).....	137
<i>А.Б. Докторович.</i> Социоинновационное развитие России в XXI в.	154

ПРЕДИСЛОВИЕ

Период с начала 2000-х годов до начала кризиса 2008 г. характеризовался заметным улучшением социально-экономической ситуации в России. ВВП увеличивался в среднем на 4–5% ежегодно, росли не только номинальные, но и реальные доходы населения, обеспечивалась финансовая стабильность. К сожалению, все это поддерживалось в основном благодаря высоким ценам на сырьевые ресурсы, т.е. страна продолжала развиваться на базе экспортно-сырьевой модели.

Ограниченность такого типа экономики ярко проявилась во время мирового кризиса. Из-за слабости финансового рынка, низкой конкурентоспособности обрабатывающего сектора и зависимости от экспорта сырья Россия оказалась в числе наиболее пострадавших стран.

Однако из этого не были извлечены необходимые выводы. Страна продолжает восстанавливаться благодаря высоким ценам на топливно-энергетические ресурсы, что поддерживает рост сырьевого экспорта. Доля обрабатывающего сектора в экономике снизилась к 2010 г. по сравнению с 2008 г. на 2 п. и составила 12%.

Сырьевая экономическая модель в сочетании со специфическими проявлениями фискальной и бюрократической систем препятствует развитию конкуренции, создает преграды развитию отечественного бизнеса даже там, где на его продукцию и услуги возникает спрос.

Для преодоления такого положения России требуется полномасштабная, системная модернизация, позволяющая полностью обновить инфраструктуру и структуру промышленности, изменить структуру экспорта, улучшить состояние социальной сферы. Необходимо создать миллионы рабочих мест, реконструировать и построить десятки тысяч новых конкурентоспособных предприятий. Решить эти задачи не представляется возможным без резкого

роста предпринимательской активности, масштабных инвестиций, использования опыта инновационной деятельности и т.д. Для этого необходимо привлечение прямых производственных иностранных инвестиций. Важнейшая роль в этом процессе принадлежит частному бизнесу. Именно он должен стать главным агентом будущей модернизации, а не бюрократия или сырьевой бизнес, которые заинтересованы в сохранении статус-кво в социально-экономической сфере. Роль же государства в реализации этих процессов должна состоять в том, чтобы выполнять свою главную функцию в экономике – формировать условия для развития частной инициативы, свободного рынка, честной конкуренции, создания инвестиционного климата, при котором в России станет выгодно и безопасно развивать бизнес.

Прежде чем приступить к модернизации России, необходимо понять, в чем состоят главные проблемы. Перед исследователями и практиками стоит задача понять сущность процесса модернизации и осознать проблемы, которые необходимо решить при ее проведении и сопоставить возможные способы ее осуществления. Этим вопросам посвящен обзор «Модернизация российской экономики: Пути и перспективы».

В стране сформировалась неконкурентоспособная, рентная, государственно-бюрократическая, мнимая рыночная экономика. И как следствие сформировалась безответственная, а потому некомпетентная, коррумпированная государственная и муниципальная власть, которая неспособна создавать условия для мотивации к труду и инновационного развития, компетентно управлять государственными ресурсами.

Такое государство не может справиться с монополизмом в экономике и постоянным ростом инфляции, эффективно собирать налоги и расходовать бюджет, качественно и своевременно оказывать государственные и муниципальные услуги людям.

В общественной дискуссии, как среди управленческой элиты, так и экспертного сообщества не существует единого методологического подхода к определению способов модернизации. Одни считают, что только авторитарная власть, насильственно мобилизующая все необходимые ресурсы, способна успешно осуществить модернизацию страны. Другие видят выход в создании демократической модели модернизации. Сравнению этих позиций и рассмотрению различных моделей модернизации на примере стран с переходной экономикой (Китай, Аргентина, Бразилия), посвящен обзор: «Модернизация российской экономики – курс на выжива-

ние». Опыт развитых стран (на примере Франции) освещается в обзоре: «Государственная политика стимулирования инноваций во Франции». Авторы приходят к выводу, что мобилизационная модель насильственной модернизации несостоятельна, поскольку исчерпала все свои ресурсы еще в начале 50-х годов прошлого века.

Мировой опыт свидетельствует, что в современных конкурентных условиях мирового развития эффективной может быть модернизация, которая осуществляется главным образом с помощью демократических механизмов и институтов.

В Послании Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию 12.11.2009 г. был провозглашен курс на модернизацию России: «...благополучие России в относительно недалеком будущем будет напрямую зависеть от наших успехов в развитии рынка идей, изобретений, открытий, от способности государства и общества находить и поощрять талантливых и критически мыслящих людей, воспитывать молодежь в духе интеллектуальной свободы и гражданской активности»¹.

При этом главную цель Д. Медведев видит в переориентации российской экономики на реальные потребности людей, которые сегодня главным образом связаны с обеспечением безопасности, с улучшением здоровья, с доступом к энергии и к информации. Этим определяется и выбор стратегических направлений модернизации, которые были определены президентом в программной статье «Россия, вперед»²: развитие энергетики, информатики, ядерных медицинских, космических и телекоммуникационных технологий.

Однако этим не исчерпывается перечень государственных задач. Правительство должно активно проводить программы развития и других секторов экономики, ориентируясь на повышение доли добавленной стоимости, производимой внутри страны.

Основой экономической модернизации, безусловно, является развитие инновационных процессов на основе внедрения новейших технологических разработок. Однако в России единственным крупным инновационным проектом в настоящее время является инноград, сооружаемый в ближайшем Подмосковье – в Сколково. Этот проект должен стать отправной точкой для перевода экономики России на инновационные рельсы путем соединения бизнеса и науки. Для привлечения инвестиций там создаются благоприят-

¹ Режим доступа: <http://viperson.ru/wind.php?ID=515516&soch=1>

² Режим доступа: <http://www.gzt.ru/addition/259509.html>

ные условия, носящие экстерриториальный характер, включающие налоговые и законодательные послабления. Однако в экспертном сообществе существуют опасения, что российская «Силиконовая долина» может превратиться в офшор для «отмывания» бюджетных и частных финансовых средств. Эти проблемы рассматриваются в обзоре: «“Сколково” – инновационный прорыв или кормушка для реформаторов?»

Социальным аспектам проявления процессов модернизации посвящен обзор: «Использование человеческого потенциала в условиях модернизации» и статья: «Социоинновационное развитие России в XXI в.».

Среди экспертного сообщества существует опасение, что несмотря на все благие пожелания президента по поводу осуществления модернизации экономики могут остаться лишь благими намерениями, если не будет создан инструмент их реализации – эффективное государство. Без этого невозможно преодолеть в стране беззаконие, коррупцию, которые порождают экономические преступления, а также монополизм, инфляцию и некомпетентность государственного регулирования экономикой.

Вместе с тем, если у правящей элиты будет реальное желание модернизировать экономику – ее можно осуществить и в сложившихся условиях. Высокие цены на нефть, складывающиеся в настоящее время, вполне способны ускорить экономический рост, а также сократить бюджетный дефицит и создать условия для интенсификации инновационных процессов. При наличии политической воли и разумном использовании бюджета вполне возможно постепенно переориентировать российскую экономику с сырьевого сектора на инновации.

Б.Г. Ивановский

И.Ю. Жилина

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ПУТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Хотя российская экономика в предкризисные годы демонстрировала довольно высокие темпы роста, обеспечившие ее вхождение в первую десятку экономик мира по размеру ВВП, российский душевой ВВП составляет примерно треть американского показателя и около 45% душевого ВВП Германии, Франции, Великобритании (35, с. 158). «Главная потеря последних десятилетий – демодернизация российского экономического потенциала (производственного и инновационного), что привело к заметному росту сырьевой доли экономики и продолжению ее примитивизации» (13, с. 144). Отставание России от ведущих стран Запада, новых индустриальных стран стало принимать характер необратимого разрыва. Проводившиеся в стране реформы не только не привели к модернизационному рывку, но и отбросили страну далеко назад в технологическом, структурном и экономическом плане (12). Начавшийся в 2008 г. мировой финансовый кризис только лишний раз подтвердил необходимость системной трансформации российской экономики и общества в целом.

В целом, констатирует Д. Белоусов, необходимость модернизации в последние годы стала практически консенсусом, поскольку, несмотря на 6–7%-ные темпы роста (с опережающей динамикой инвестиций, ростом доходов населения, постепенным снижением инфляции), модель экономики, как она сформировалась в предкризисный период, оказалась стратегически исчерпанной (4, с. 138).

Актуальность модернизационного проекта для страны в немалой степени связана также с трансграничным геополитическим и цивилизационным положением России. Контроль над рядом

сырьевых, в частности энергетических, ресурсов превращает ее в объект для самого серьезного давления при том, что борьба за эти ресурсы, по мнению большинства экспертов, будет определять мировую политику в первой трети XXI в. (14).

Активное обсуждение проблемы было инициировано публикацией в сентябре 2009 г. программной статьи Президента РФ Д. Медведева «Россия, вперед!», ставшей своего рода манифестом модернизации. В ней президент определил пять стратегических векторов экономической модернизации страны (развитие энергетики, ядерных технологий, информатики, космических и медицинских технологий и оборудования), что позволит России «стать страной, благополучие которой обеспечивается не столько сырьевыми, сколько интеллектуальными ресурсами: “умной” экономикой, создающей уникальные знания, экспортом новейших технологий и продуктов инновационной деятельности» (15). Хотя основные тезисы статьи впоследствии многократно озвучивались и развивались, и сегодня проблема модернизации вызывает в научной среде и обществе принципиальные споры. Складывается впечатление, что стратегия модернизации вообще не была продумана и ее содержательное обсуждение только начинается. В данном обзоре делается попытка представить восприятие модернизации экспертным сообществом и гражданами страны и ее перспективы.

Теории модернизации

Теории модернизации, зародившиеся в 1950-е годы, являются продуктом эпохи, начавшейся после Второй мировой войны. Они отразили сложившееся разделение человеческого общества на три «мира»: развитые индустриальные общества, включая Западную Европу и США; авторитарные «социалистические» общества во главе с СССР, продвигавшимся по пути насильственной индустриализации за счет серьезного социального ущерба; постколониальные общества юга и востока, многие из которых задержались в своем развитии на доиндустриальной стадии» (49). Ранние теории модернизации реконструировали историю развития Запада и базировались на либеральной вере в гарантированный прогресс, а также в универсальность американских ценностей, которые распространяются во всем мире (14).

Основополагающими категориями теории модернизации являются понятия «традиционное общество» и «современное общество». Классическая модернизационная теория определяет модер-

низацию как переход от традиционного общества к современному (modern society, modernity). Оно отличается от традиционного ориентацией на инновации и преобладание инноваций над традицией; светским характером социальной жизни; поступательным (нециклическим) развитием; демократической системой власти; способностью производить не ради насущных потребностей, а ради будущего; индустриальным характером; массовым образованием и рядом других характеристик (27).

За свою 60-летнюю историю общая теория модернизации прошла длительную эволюцию, радикально меняя свою направленность и структуру. Период ее популярности в классической, первоначальной форме приходится на 1950-е – середину 1960-х годов. Ранние теории модернизации, базировавшиеся на либеральной вере в гарантированный прогресс и универсальность американских ценностей (14), трактовали модернизацию как линейный переход ряда стран на путь индустриализации. Американские и британские специалисты (Т. Парсонс, А. Гершенкрон, Зб. Бжезинский), беря в качестве образца западное индустриальное общество, доказывали, что модернизация является неизбежным процессом, имеющим одни и те же закономерности и стадии развития для всех стран и народов.

В начальный период развития в общей теории модернизации уделялось серьезное внимание политической составляющей модернизационных процессов. Поэтому модернизация рассматривалась и как стадия общественных преобразований, и как процесс перехода к современным обществам (47, с. 16). При этом с момента возникновения теории модернизации ее создатели активно использовали междисциплинарный подход к объяснению и обоснованию общественного развития.

Второй этап развития теории модернизации относится к 1970-м – середине 1980-х годов. В этот период она была подвергнута сильнейшей критике вплоть до полного отрицания (49). Прежде всего подчеркивались нелинейность и многомерность исторического развития, осуществляющегося разными путями в зависимости от стартовых позиций тех или иных обществ и проблем, с которыми они сталкиваются. Ряд страноведческих исследований показал, что модернизация традиционного общества может протекать в рамках национальной традиции и не во всех случаях сопровождается ее радикальной ломкой. Напротив, традиция порождает специфически национальные формы модернизации.

Кроме того, стало очевидно, что попытки модернизировать общество не приводят к обещанным результатам. Нищету в отсталых странах преодолеть не удалось, более того, ее масштабы даже увеличились. Не только не исчезли, но и широко распространились авторитарные и диктаторские режимы, обычным явлением стали войны и народные волнения, возникли и новые формы религиозного фундаментализма и национализма (5). Оппоненты ставили под сомнение и строгую последовательность стадий модернизации.

К середине 1980-х годов, когда был накоплен как положительный, так и отрицательный опыт большого числа стран «третьего мира», реализовавших разнообразные проекты развития (как по западному, так и по социалистическому образцу), сложились теоретические представления, пригодные для обоснования относительно внеидеологизированной модернизационной политики. К этому же периоду относится и философское осмысление этой теории, которое позволило расширить пространство анализа, включив в него практически все страны мира, а не только развивающиеся (14).

Третий этап в развитии теории модернизации, начало которого приходится на вторую половину 1980-х годов, характеризуется сложностью и противоречивостью. Окончательно складывается концепция «модернизации в обход модернити», признававшей значимость сложившихся социокультурных типов как основ устойчивости и самостоятельности общества; делался акцент на устойчивости ценностно-смысловых факторов в регуляции как политической, так и хозяйственной жизни; признавалась большая вариативность институциональных, символических, идеологических интерпретаций, которые различные общества и цивилизации дают понятию модернизации (5).

В конце 1980-х годов появляются новые версии теории модернизации: «неомодернизация» и «постмодернизация».

В общем виде представления сторонников неомодернизации сводятся к следующему. Модернизация является результатом действий индивидов и коллективов, а не продуктом автоматического развития системы. Поэтому они должны искать новые пути достижения своих целей и реализации ценностей. Однако возможность достижения целей зависит от располагаемых ресурсов.

Постмодернизация предусматривает отказ от акцента на экономическую эффективность, бюрократические структуры власти и научный рационализм, которые были характерны для модернизации, и знаменует переход к более гуманному обществу, где само-

стоятельности, многообразию и самовыражению личности предоставляется большой простор (27).

В теории модернизации выделяется два типа. При оригинальной (органической) модернизации переход к рациональному общественному устройству происходит в результате длительного внутреннего развития. Неорганическая (догоняющая, запаздывающая – сегодня чаще употребляются именно эти термины) модернизация характерна для стран, отставших в своем развитии и пытающихся догнать передовые за счет заимствования чужой технологии, приглашения специалистов, обучения за рубежом, привлечения зарубежных инвестиций. Соответственно меняется система управления, вводятся новые социальные институты, меняется система ценностей и т.д. Догоняющая модернизация начинается не с культуры, а с экономики и политики.

Догоняющая модернизация подразделяется на три типа.

- Приближение изначально незападного общества к западному (вестернизация). К этому типу относятся реформы Петра I в России, «Революция Мэйцзи» в Японии, реформы М. Кемаля в Турции.

- Попытка вписаться в западноцентричный мир за счет эксплуатации сырьевых ресурсов (Латинская Америка, нефтедобывающие арабские страны Персидского залива).

- Попытка достичь военного и технологического паритета при сохранении социальной и политической самобытности (индустриализация в СССР).

Органическая модернизация присуща странам первого эшелона развития капитализма. Все этапы развиваются естественным, эволюционным путем без форсирования процессов со стороны государства (США, Западная Европа). Догоняющая модернизация – страны второго эшелона капитализма (Россия) – форсирование модернизации со стороны властей, что приводит к некоторым деформациям в развитии капитализма. Иначе говоря, органическая модернизация происходит «снизу», а неорганическая – «сверху» (16).

В политическом плане различают либеральную и консервативную модернизации. Для либералов успешное развитие и модернизация связано со степенью вовлеченности рядовых граждан в систему представителей демократии и возможностями для открытой и безопасной конкуренции внутри правящей элиты за голоса избирателей, а по мнению консерваторов, модернизация требует высокоцентрализованных, политических институтов, жесткого режима, способного обеспечить стабильность, порядок, интеграцию общества.

Как понимает модернизацию экспертное сообщество

Идущие уже больше года дискуссии о модернизации показывают, насколько различны мнения о том, что такое модернизация, какие области жизни она должна охватывать, а какие – что не менее важно – не должна, кто и как должен ее осуществлять. Согласие, пожалуй, существует только по вопросам о целях модернизации. Практически все участники дискуссии согласны с тем, что основными целями социально-экономического развития являются обеспечение высокого качества жизни, создание современных демократических институтов и развитого гражданского общества, поддержание высокого престижа России в мире.

По мнению большинства экспертов, для достижения этих целей необходимо: расширение частной инициативы и конкуренции; эффективная социальная и промышленная политика; налаженное взаимодействие бизнеса, государства и общества; сильное (но не чрезмерно сильное) государство; повышение качества институтов (защищенность прав собственности, независимость и неподкупность судей, снижение уровня коррупции, укрепление законности, улучшение качества государственного управления); обеспечение высокого уровня человеческого капитала; создание инновационной экономики (34, с. 5).

Официальная точка зрения как самого Д. Медведева, так и в еще большей степени В. Путина и «единороссов» предполагает консервативную по содержанию, ненасильственную по методам, демократическую с точки зрения опоры на сложившиеся национальные демократические институты модернизацию. Это предполагает эволюцию, а не слом политической и социально-экономической системы (7).

Определения модернизации

В свою очередь В. Тамбовцев отмечает, что водораздел в трактовках модернизации проходит по линии: модернизация российского общества в целом, включая экономику, социальную сферу и политическую систему, что соответствует классическому понятию модернизации; либо модернизация только экономики или даже еще более узко – модернизация технологической базы экономики.

Власти, провозгласив модернизацию, понимают ее прежде всего в технико-технологическом смысле, аргументируя свою позицию тем, что российское общество, пройдя через коллективиза-

цию и индустриализацию, не является традиционным и поэтому в модернизации не нуждается (30; 45).

Судя по словам председателя РСПП, который понимает модернизацию экономики как создание процесса обновления производства и постоянной ориентации на потребителя, совершенствования производства (36, с. 25), по крайней мере часть бизнес-сообщества также ориентируется на ее технологическую составляющую.

Одни специалисты при этом указывают на политическую ангажированность модернизационных проектов, другие трактуют их как чисто технократические. Так, И. Дискин отмечает, что «модернизация всегда представляет собой некий политический проект, а не продукт предшествующего “естественного” развития. Проекты, подаваемые как технократические, политически нейтральные, на деле далеко не таковы. Продвигающим их политическим силам зачастую не с руки акцентировать идеологическую и политическую подоплеку преобразований» (14).

Сходной точки зрения придерживается и В. Тамбовцев, полагающий, что за любым модернизационным решением всегда стоят конкретные политики. Именно поэтому долгосрочные модернизационные проекты в условиях мягких политических режимов в случае обнаружения в них ошибок не пересматриваются (политики боятся потерять лицо), а тихо забываются, уступая место еще более модернизационным (45).

В свою очередь В. Иноземцев рассматривает модернизацию как чисто технократический проект: ее первые шаги он видит «в повышении хозяйственной, а не политической свободы, так как (что давно признано западными исследователями) зрелые демократические режимы чаще вырастают из либеральных автократий, чем из нелиберальных демократий» (иноземцев, хлеб нужнее). Он уверен, что «российская модернизация, если она вообще произойдет, начнется с экономики, а не с политических перемен» (17).

Предлагаемые специалистами определения включают различные интерпретации понятия «модернизация». Так, Т. Гурова, определяет модернизацию как «планируемый и управляемый процесс преобразования социально-экономического уклада какой-либо страны при активном внедрении в хозяйственную жизнь современных форм и технологий экономической деятельности». При этом модернизация является процессом плановым и управляемым. Приступая к ее осуществлению, необходимо адекватно оценивать современные экономические тренды в мире и экономические возможности страны, а план и идея модернизации должны соответ-

воватъ естественнo складывающимся в странe экономическим и технологическим силам и трендам, развивать их, а также давать преимущества передовым, но достаточно широким социальным слоям (29, с. 38–39).

Модернизация «сверху» или «снизу»

Опираясь на опыт предшествующих российских модернизаций¹, который показывает, что в России они инициировались, направлялись и осуществлялись государством, большинство экспертов основную роль в формировании стратегии современной российской модернизации отводят именно государству, полагая, что модернизация должна проводиться «сверху».

Эксперты ЦИПО считают, что в России модернизация по инициативе государства вообще является единственно возможным вариантом, отмечая, что «только так начинались (и в дальнейшем развивались) все успешные модернизационные преобразования – от Японии до Бразилии, от Франции до Республики Корея, от царской России и Советского Союза до современного Китая. Ни в одной стране мира модернизация не была естественным процессом,

¹ Россия вступила в модернизационный процесс так же, как и большая часть европейских стран, в XVII в., однако свой «фирменный стиль» российская модернизация обретает при Петре I – создателе регулярной армии, Табели о рангах, новой административной системы, Академии наук, инициаторе языковой реформы (алфавита и литературного языка). Именно эти и им подобные социальные проекты предопределили «модернизационный прорыв» Петровской эпохи, тогда как ее успехи в технической и экономической сферах в значительной мере продолжали опыт предшественников. Преемники Петра, по большей части, мыслили себя продолжателями его проекта. В результате в начале XX в. Россия стояла на пороге общества модерна и современного национального государства, т.е. сформировала базовые шаблоны современной социализации (инфраструктурный каркас общества модерна), но не успела распространить их на все общество, т.е. полностью «ассимилировать» собственное общество в состояние модерна.

СССР в значительной мере продолжил модернизационную траекторию царской России. При этом, с одной стороны, были катастрофически «обрублены» некоторые линии развития, с другой – в опыт отечественного модерна были привнесены такие черты, как массивная индустриализация, урбанизация, система всеобщего социального обеспечения, всеобщего образования, развития научного знания, массовая идеология и массовая партия (как основа управления, социальной мобильности и социального контроля). В целом, советское общество было оригинальной версией развитого общества модерна, что признавалось добросовестной частью его идеологических и геополитических оппонентов (37).

не выступала логичным ответом частного сектора на мировые экономические вызовы, не проводилась без прямого и непосредственного вмешательства государства в экономику» (38, с. 24–25). При этом опыт показывает, что модернизации органические, опирающиеся на нацию, как правило, успешны, а успех авторитарных модернизаций очень кратковременен (29, с. 39).

Такого же мнения придерживаются О. Гаман-Голутвина, отводящая роль проводника модернизации госструктурам, особенно учитывая, что власти готовы софинансировать инновационные проекты и облегчать налоговое бремя для заинтересованных. «Для развития модернизации очень важен импульс сверху, – полагает М. Ремизов. – Если вспомнить историю (к примеру, Петровскую эпоху или Францию времен Кольбера), то именно государство форсировало развитие, когда понимало, что дальнейшее бездействие может привести к краху» (23).

Для подтверждения этого тезиса В. Тамбовцев ссылается на то, что ряд проектов модернизации (история города Бразилиа, спроектированного Ле Корбюзье, идеальные «государственные деревни» в Эфиопии и коллективизация в СССР) привели к негативным результатам из-за того, что власть «забывала» спросить у людей, чего они хотят, полагая, что это известно только ей. В. Тамбовцев также подчеркивает, что хотя такие проектные модернизации как промышленная революция Петра I и индустриализация действительно обеспечивали технологические изменения в индустриальную эпоху, это не значит, что технологии в XXI в. можно модернизировать теми же методами. Это связано с уплотнением и соответственно увеличением скорости обновления инновационного потока в наши дни (45).

На ошибочность и архаичность модернизации «сверху» указывает также Н. Петров (фонд Карнеги), отмечающий, что «можно производить инновации, но невозможно заставить их потреблять». К тому же нельзя игнорировать территориальный аспект. 140 млн. человек рассредоточены на громадной территории, поэтому о модернизации пока можно говорить лишь как об «очаговой» (23).

Институты или экономический рост?

Среди специалистов существуют довольно серьезные разногласия в связи с вопросом о том, должна ли стратегия модернизации опираться главным образом на методы и инструменты стиму-

лирования экономического роста, либо следует сосредоточить усилия на совершенствовании институтов (34, с. 5).

Хотя необходимость совершенствования институтов практически никем не отрицается, ряд экономистов считают, что пока не будет экономического роста, не будет и модернизации. Взяться за модернизацию можно, уверен академик В. Ивантер, лишь после того, как страна выйдет на траекторию в 7–8% экономического роста (23).

Той же точки зрения придерживается и В. Полтерович, отмечая, что через 10–15 лет быстрого экономического роста (желательно порядка 8% в год) Россия выйдет на нижний уровень (будущего) европейского душевого ВВП, или примерно 50% от США. Тогда ситуация радикально изменится: в стране будет значительный средний класс – основа для движения к демократии и Россию, скорее всего, перестанут бояться, что очень важно (19).

Подчеркивая взаимосвязь между институтами и ростом, он также отмечает, что «поддерживая в течение определенного времени быстрый рост за счет промежуточной (переходной) системы институтов, мы сумеем улучшить качество управления, уменьшить масштабы теневого сектора и коррупции, укрепить законность, снизить административные барьеры и постепенно сделать рост самоподдерживающимся» (34, с. 24).

Вместе с тем сегодня в мире не существует ни одной страны с уровнем душевого ВВП более 18 тыс. долл. по паритету покупательной способности, в которой уровень институционального развития соответствовал бы российскому или был ниже. По всей видимости, это означает, что институциональное отставание не может беспредельно увеличиваться и при определенном уровне развития страна столкнется с ситуацией, когда без институциональных изменений дальнейший рост невозможен (46).

Сторонником поддержания высоких темпов экономического роста является Д. Белоусов. Из трех предлагаемых им стратегий модернизации России (индустриальная – попытка максимизировать темпы экономического роста и обеспечить «динамическую стабильность» экономики за счет ее максимальной диверсификации и возникновения новых центров экономического роста на фоне исчерпания финансовых резервов; постиндустриальная – попытка «перепрыгнуть» через позднеиндустриальный этап развития; либерально-консервативная – сохранение сложившейся структуры экономики с доминированием энергосырьевых компаний), самой

оптимальной, по мнению самого разработчика, является стратегия индустриальной модернизации.

Хотя такая стратегия достаточно сложна с точки зрения администрирования, что связано с реализацией крупномасштабных проектов в рамках государственно-частного партнерства, управления инновационным процессом, реформы системы институтов, именно она обеспечивает наиболее высокие темпы экономического роста, которые к 2017 г. достигнут 6,6% (3, с. 15–16). Однако такой сценарий может быть реализован лишь при условии формирования в ходе взаимодействия государства (федерального центра), крупных компаний и представителей развивающегося слоя частного бизнеса (4, с. 140). Такой подход нашел поддержку у В. Иноземцева, по словам которого два других сценария даже нельзя назвать вариантами. Они не принесут никаких позитивных изменений (39).

Сторонники «институциональной модернизации» делают упор на институциональные реформы, направленные на улучшение государственного управления и судебной системы, подавление коррупции, устранение административных барьеров, совершенствование человеческого капитала и т.п.

При этом, по мнению И. Дискаина, опыт зарубежных стран в проведении модернизации свидетельствует о том, что успешными были только те модернизации, в которых учитывалась институциональная компонента. Именно успех институциональных преобразований позволяет удерживать изначальный курс модернизации, дает возможность реализовывать проект, корректировать его с учетом реалий, а не превращать в «крестовый поход». «Если институты эффективны, то модернизация будет иметь успех, если нет, то нет», т.е. необходимо использовать «эффективные институциональные преобразования для решения актуальных проблем развития в наличных специфических социально-исторических условиях» (14).

Институциональный подход характерен для группы экономистов «СИГМА», Института современного развития (ИНСОП), с которым «СИГМА» активно сотрудничает.

Суть позиции «СИГМЫ» в изложении ее участников сводится к следующим положениям.

Реальный выбор стратегий развития на обозримое будущее невелик:

– рантье – максимизация ренты от природных ресурсов и ее перераспределение в форме социальных трансфертов населению;

– мобилизация – концентрация ресурсов государством и их перераспределение в пользу выбранных по геополитическим мотивам приоритетных направлений (инфраструктура, энергетика, авиастроение, нанотехнологии и т.п.), которые должны создать потенциал для надежной обороноспособности и повышения качества жизни населения;

– инерция – маневрирование между группами интересов, борющихся за доступ к ресурсам, акцент на меры тактического характера, приоритет экономической и политической «стабильности» над болезненными преобразованиями, необходимыми для развития;

– модернизация – поэтапное формирование общественных коалиций для глубокой модернизации институциональных механизмов, отвечающих за инновационную и инвестиционную активность, качество общественных институтов и государственного управления (подробнее см.: 21, с. 69–81).

Понимая модернизацию не как набор инвестиционных проектов, которые сами по себе могут быть полезными и успешными, а как трансформацию общества, в частности укрепление гражданского общества, бизнеса и государства, авторы отмечают, что в ранее подготовленных и принятых программах развития игнорировались группы интересов российского общества, что является фундаментальной причиной их неудач. Как сами программы, так и механизмы реализации и ресурсы, применяемые для их реализации, затрагивают интересы различных групп, вызывая ответную реакцию (поддержку, сопротивление, безразличие, имитацию), т.е. каждой стратегии соответствует своя коалиция.

Для достижения всесторонней модернизации страны необходимо создать Большую Коалицию для Будущего, определить структуру стимулов ее участников. Последние должны сознавать невозможность полной реализации всех своих интересов одновременно и сразу без ущерба для других, и направить свои усилия на обновление гражданского общества, бизнеса и государства (20).

По мнению членов «СИГМЫ», три первых сценария являются тупиковыми, а наиболее желательным, но не наиболее вероятным в силу трудности его реализации для всех участников является модернизационный сценарий (21, с. 14).

Для проведения модернизации необходимо четко понимать, кто будет ее осуществлять и какие у этого субъекта, действующего в собственных интересах, сложатся отношения с прочими. Первостепенную роль при этом играет механизм компенсации – пере-

распределения выгод и издержек субъектом так, чтобы трансформация оказалась возможной и не тормозилась ее противниками. Получаемой выгоды должно быть достаточно для компенсации не всем, а лишь влиятельным группам противников.

Развивая идеи, изложенные в работах «СИГМЫ», президент Института национального проекта «Общественный договор» А. Аузан выводит уникальную для каждой страны формулу модернизации, которая включает следующие элементы: учет социального и культурного капитала страны наряду с обычно учитываемыми ресурсами; проектирование формальных институтов с учетом структуры неформальных институтов, несущих в себе национальную специфику; балансировка формальных и неформальных институтов через ценности. При этом вход в модернизацию определяется принципом дополнительности, т.е. развитием тех ценностей, которые несвойственны инерционному историческому движению страны (1, с. 136).

Экономическую и финансовую модернизации предлагается начать с изменения сложившейся системы институтов, системы выработки и принятия экономических решений с опорой на гражданское общество при выработке планов инновационного развития. Первыми шагами в этом направлении являются дерегулирование экономики, ее дебюрократизация через деэкономизацию бюрократии, т.е. радикального пресечения получения дохода за выполнение государственных функций и публичных услуг, ликвидации системы аффилированных окологосударственных предприятий (40, с. 12); сокращение возможностей создания рент на уровне органов исполнительной власти; повышение качества человеческого капитала, обеспечение возможности развития инновационного бизнеса в любой отрасли или любом регионе, а не только в разнообразных «зонах»; структурная модернизация финансовой системы, стабильность и внятные перспективы развития которой облегчат проведение реструктуризации реального сектора экономики, позволят использовать национальные сбережения внутри страны (40, с. 61–62). Авторы ратуют за конкурентную среду, пресечение рейдерства, скрытой национализации, за работу бизнеса «в белую» (40, с. 35).

В социальной сфере предусматривается жестко увязать увеличение расходов с повышением их эффективности, в первую очередь в системе здравоохранения, в которой до сих пор не выбрана оптимальная для России модель; отделить пенсионное обеспечение от пенсионного страхования. Первая сфера должна включать в себя материальное обеспечение нынешних пенсионеров и тех, кто выйдет на пенсию в ближайшие 10–15 лет. Они уже не попадают в

сферу пенсионного страхования, в которой размер будущей пенсии напрямую зависит от суммы накопленных за трудовую жизнь взносов как в государственные, так и негосударственные пенсионные фонды. Поэтому система пенсионного обеспечения должна финансироваться из федерального бюджета, в котором для этого требуется создать специальный фонд. Его доходы могут формироваться, помимо налогов, за счет средств, полученных от приватизации государственной собственности, а также от ее коммерческого использования (40, с. 59–60). Правда, авторы не называют конкретных сроков реализации своих предложений.

Доклад ИНСОРа вызвал оживленную дискуссию в экспертном сообществе. Одни видят в нем путь к светлому будущему, другие – призыв к дестабилизации. По оценке генерального директора Агентства экономических и политических коммуникаций Д. Орлова, «этот доклад не анализирует реальное состояние страны и ее институтов, он предлагает некий политический идеал авторов доклада. Он утверждает, что «в стране нет ни одной значимой силы, которая могла бы эту программу взять на вооружение, а главное, нет такого запроса со стороны общества... Цель этого доклада – текущая дестабилизация политической системы. Никаких долгосрочных и созидательных целей у него нет» (цит. по: 2, с. 11).

Наиболее острой критике подвергаются утверждения о том, что экономическая, а тем более инновационная модернизация невозможна без социально-политической; что демократизация должна предшествовать модернизации.

Отвечая критикам, руководитель Центра социальной политики Института экономики РАН Е. Гонтмахер подчеркивает, что авторы доклада не призывают сначала реформировать политическую систему и только потом приступить к модернизации экономики. Начать менять жизнь нужно во всех сферах одновременно, но, конечно, с разной скоростью и в разных формах (10).

В целом «образ желаемого завтра», представленный в докладе, подразумевает движение по европейскому пути, по которому сегодня идет развитый мир – Европа, США, Австралия, даже Япония. Альтернативных вариантов, полагает Е. Гонтмахер, нет. Особо, в частности китайского, пути не существует. Даже китайские эксперты признают, что через три-четыре десятилетия Китай придет к демократии европейского типа (9).

Практически все сторонники доклада согласны с тем, что именно по этому пути России и следует идти, хотя раздаются предложения (Т. Гурова) адаптировать европейскую демократию к

имперской по масштабам и традициям стране (29, с. 60). С этим категорически не согласен В. Иноземцев, утверждая, что России нужно двигаться в сторону Запада, а не «искать каких-то имперских идентичностей» (43).

Серьезный интерес представляет независимый экспертный доклад «Модернизация России как построение нового государства» (Экспертный доклад) (37), авторы которого также в целом стоят на позициях институционализма. Позиция его авторов, как, впрочем, и позиция «СИГМЫ», во многом сходна с позицией ИНСОРа.

Они исходят из того, что в современной России традиционное общество было разрушено в ходе нескольких предшествующих модернизаций, поэтому России придется стать пионером построения общества модерна из общества потребления, существующего на обломках прежних модернизационных проектов. Это потребует масштабных, фундаментальных реформ сразу в нескольких сферах (высшее и среднее образование, научное развитие, государственная служба, военное строительство, правоохранительная система, судопроизводство, массовая культура и идеология).

При этом авторы считают ошибочным представление о модернизации как об однократном проекте, который, в случае успеха, заведомо не нуждается в повторении или возобновлении: модернизационные усилия государства должны быть перманентными. Сформировавшееся общество модерна должно сохранять способность к ревизии собственной системы институтов и – при необходимости – к их реконструкции.

Хотя, по мнению авторов, либеральная демократия не является необходимым и, тем более, достаточным условием модернизации: модернизация в России вряд ли может обойтись без политической реформы, которая важна как фактор формирования модернизационной элиты, создания механизмов вертикальной социальной мобильности, выработки эффективной модели управления модернизационным процессом. Авторы ратуют за активизацию механизмов внутри- и межпартийной конкуренции; увеличение полномочий парламента, в том числе кадровых (по обсуждению и утверждению / назначению кандидатур членов правительства, руководителей иных государственных и государственно-корпоративных структур) и контрольных (механизмы парламентского расследования, механизмы контроля над использованием государственной собственности, деятельностью стратегически важных корпораций и т.д.).

Поддерживая тезис сторонников институционального подхода к модернизации о том, что ее стратегия должна уже на стадии разработки опираться на взаимодействие всех заинтересованных сторон, В. Полтерович предупреждает, что на создание структур развитого гражданского общества необходимо время, поэтому надо использовать уже сформировавшиеся в России коалиции. «Площадкой» для взаимодействия могла бы стать система индикативного (интерактивного) планирования – модернизированный аналог систем, применявшихся в большинстве стран «экономического чуда» (34, с. 6).

Как показывает опыт, интерактивное планирование – это институт, который, в принципе, может работать в несовершенной институциональной среде. Такая система создает стимулы для создания объединений и ассоциаций, ускоряет развитие гражданского общества. Открытый характер обсуждений, относительная прозрачность процедур отбора проектов для государственной поддержки сужают возможности лоббирования и коррупции и стимулируют модернизационную активность. Однако для становления СИУР нужна сплоченная команда руководителей, верящих в успех (35, с. 161).

Постиндустриализм или неоиндустриализм?

Хотя руководство страны ориентируется скорее на построение постиндустриального общества, многие специалисты считают, что при практически полном отсутствии в стране производств V технологического уклада (ТУ) «перескочить» в постиндустриальное общество не удастся. «Инноватизация без модернизации», т.е. попытка формирования постиндустриальных секторов экономики без реконструкции ее индустриального каркаса, в лучшем случае, приведет к формированию крайне узкого, анклавного «постиндустриализма». Страна не может сформировать полноценную экономику знаний, если не использует эти знания в собственном производственно-практическом опыте. Она не сможет обеспечить поступательное развитие всего общества без развитой на современном технологическом уровне индустриальной системы (37). Поэтому «новая индустриализация» является одним из важнейших аспектов модернизации.

Последовательным сторонником «новой индустриализации», т.е. создания конкурентоспособной промышленности, прежде всего машиностроения, судо-, авиа- и автомобилестроения, производства

товаров народного потребления и электронной промышленности, выпускающих продукцию большинства товарных позиций, является В. Иноземцев.

Хотя в России принято считать, что промышленно развитые страны давно занимаются исключительно разработкой технологий, это далеко не так. Исследования, проведенные в Институте прикладной математики РАН, показали, что отраслевая структура промышленности наиболее успешно развивающихся стран (в основном членов ОЭСР) в ходе развития сближались. Это позволило сформулировать «правило одной пятой и половины»: в структуре современной экономики на обрабатывающую промышленность должно приходиться 20%, на финансы – 25, услуги – 22%. При этом в обрабатывающей промышленности на высокотехнологичный сектор должно приходиться 20%, на среднетехнологичный – 30%. Поэтому важнейшим инструментом управления экономикой является промышленная политика, направленная на структурные сдвиги, ведущие к оптимальным пропорциям для основных областей хозяйства. Часть промышленного и сельскохозяйственного производства независимо от уровня развития «экономики знаний» необходимо иметь внутри страны (24).

В России же сложилась аномальная экономика, подобная той, что существует только в арабском мире. Необходимо устранить этот перекося, развивая промышленность, а по мере ее развития возникнут предпосылки для каких-то серьезных технологических прорывов. Прежде всего нужно создать ту часть экономики, которая породит спрос на инновации, который сегодня практически отсутствует. Пока он не появится, положительных результатов в сфере инноваций не будет. Поэтому модернизация России должна стать модернизацией промышленности с параллельным обновлением инфраструктуры и лишь в отдаленном будущем – инновационной модернизацией (18; 35, с. 158).

Мысль о необходимости создания мощных производительных сил по всей стране, а не проведения анклавной модернизации, поскольку существование инновационных сегментов не имеет смысла, если не заниматься развитием современной индустрии в целом, содержится и в представленном на Мировом политическом форуме докладе Института общественного проектирования (ИНОП) (29).

Д. Белоусов также утверждает, что масштабы проблем требуют технологической модернизации широкого спектра обрабатывающих производств, не только высоко-, но и среднетехнологичных. В этой ситуации «анклавная модернизация» представляется,

скорее, риск-сценарием, поскольку, вероятно, не только не создаст достаточных условий для преодоления сформировавшихся ограничений экономического развития, но и будет способствовать закреплению стратегически тупиковой модели «разомкнутой инновационной системы» (3, с. 13).

В свою очередь коллектив авторов из ИМЭМО РАН (28) советует не противопоставлять два основных ресурса роста хозяйства: стратегические инновации и сырьевые ресурсы, преобразованные в высоко конкурентоспособные продукты конечного потребления на внутреннем и мировом рынках, которые в перспективе совместно обеспечат экономический рост в России. В реальной экономике необходимо решать проблемы диверсификации в рамках как инновационных видов экономической деятельности, так и внутри сырьевого сектора. При этом важно определить приоритеты развития инновационной и сырьевой составляющей хозяйства как по стране в целом, так и по регионам и субъектам РФ, отличающимся большим разнообразием сочетаний этих ресурсов развития.

Догонять или опережать?

Многие специалисты полагают, что единственным шансом России провести новую индустриализацию, а затем выйти на путь инновационного развития является заимствование западных технологий. Такую точку зрения последовательно отстаивает, в частности В. Полтерович.

По его мнению, теория и исторический опыт говорят о том, что попытка догнать развитые страны с помощью «инновационного прорыва» обречена на неудачу. В России, как и в других странах аналогичного уровня развития, фирмы за редким исключением не предъявляют спрос на инновации: им выгоднее заимствовать. Задача заимствования проще и связана с меньшими издержками, чем разработка «принципиально нового».

Успех политики заимствования зависит от абсорбционной способности страны, т.е. умения распознавать ценность новой внешней информации, усваивать ее и применять для коммерческого использования. Для успеха догоняющего развития и перехода к инновационному развитию ее необходимо повышать с помощью следующих инструментов: регулирование импорта нового оборудования и технологий, покупка лицензий и тарифная политика; регулирование прямых иностранных инвестиций в отечественную

экономику и за рубеж, а также процессов формирования совместных предприятий; стимулирование аутсорсинга; освоение новых методов организации производства в результате конкуренции на мировом рынке; интенсификация взаимодействия с зарубежными специалистами: обучение и стажировка за рубежом, приглашение зарубежных преподавателей, совместные исследования; предотвращение утечки мозгов, стимулирование возвращения россиян, получивших образование или опыт работы на Западе; политика прямой государственной поддержки заимствований (приобретение патентов, финансирование центров трансфера технологий); стимулирование развития исследовательских отделов крупных фирм. При этом и теория, и опыт стран «экономического чуда» показывают, что в процессе заимствования решающая роль принадлежит крупным фирмам (32, с. 25–27; 33).

В. Полтерович считает, что попытки правительства идти против рынка, навязывая ему «инновационную стратегию», могут привести лишь к дальнейшему снижению эффективности. Немногие предприятия, способные получать прибыль от освоения принципиально нового, сосредоточены в нескольких передовых регионах и работают почти исключительно на экспорт. Остальные оказываются на периферии государственного внимания. Это ведет к разобщенности бизнеса и государства, к обилию незавершенных инициатив и масштабным издержкам. В модернизационном проекте продолжает доминировать концепция «точек роста», реализуемая в форме поддержки государством априорно отобранных «приоритетных» направлений. При этом даже не рассматривается вопрос о механизме влияния выбранных «приоритетов» на экономику в целом (35, с. 158).

Кардинально противоположной точки зрения придерживается академик С. Глазьев, который считает, что, исходя из закономерностей долгосрочного экономического развития, России нужно делать ставку на опережающее развитие. Догоняющая модернизация, догоняющее развитие, попытка следовать по уже проложенным технологическим траекториям – это путь в тупик, потому что страны-последователи, как правило, никогда не догоняют лидеров.

По его мнению, любой уже сформировавшийся, достигший насыщения ТУ потребует все больших затрат и даст меньше прибыли, которая в конце концов станет отрицательной, в то время как лидеры научно-технической гонки наращивают превосходство. И вход в эту технологическую траекторию для новичков оказывается все более дорогостоящим и экономически рискованным. Про-

изводства же принципиально нового технологического уклада существенно менее затратны, чем предыдущего.

Поэтому именно сейчас, когда траектории VI ТУ еще не сформировались и идет конкуренция альтернативных технологий, у России есть шанс захватить лидерство на перспективных направлениях становления нового ТУ и тем самым «оседлать» восходящие потоки новой длинной волны экономического роста (8).

Несколько иного, можно сказать промежуточного, подхода придерживаются авторы Экспертного доклада. Они считают, что наряду с импортом промышленных технологий, когда он осуществим на приемлемых политических финансовых и иных условиях, необходимо формировать национальную инновационную систему, опираясь на остатки советского научно-технического потенциала. Широкая ориентация на импорт создаст не догоняющую, а вечно отстающую индустриализацию (37).

Рассматривая технологическое взаимодействие России с Западом на многочисленных примерах сотрудничества с европейскими компаниями, Т. Гурова выделяет три типа такого взаимодействия.

Первый – наиболее явный и масштабный – чаще всего применяется при осуществлении государственных проектов. В подобных случаях чаще всего реализуются простые схемы интеграции: либо покупка технологичных продуктов, либо совместные предприятия, где контрольный пакет или сразу, или с течением времени переходит к европейской компании (29, с. 46).

Второй путь реализуется частными или региональными субъектами: российские компании города или губернии, чувствуя дефицит компетенций, сами ищут западных партнеров и либо создают совместные предприятия, либо привлекают их в качестве подрядчиков. Причем если в первые годы рынка речь чаще шла о совместных предприятиях, то сегодня – о тех или иных формах подряда.

Третий вариант – продажа состоявшихся бизнесов европейцам. Это явление не менее распространено в среде среднего бизнеса, чем поиск западных партнеров и связано, как правило, с недостаточной финансовой мощью российских компаний. Все чаще в этих случаях Россия предоставляет не только большой рынок, но и новые технологические решения.

Таким образом, сегодня существуют три варианта получения доступа к технологиям: легкая и масштабная модернизация текущих технологий; долгий путь абсорбции западной культуры и выращивания собственной культуры; продажа качественных активов (29, с. 47).

Некоторые эксперты отмечают, что внутренний российский рынок недостаточен для того, чтобы обеспечить высокие количественные и качественные параметры промышленного роста, а также, что импортозамещение не будет долгосрочно успешным без ориентации на внешние рынки. В то же время не стоит забывать, что внешние рынки промышленной продукции заняты, «затоварены», и одним из главных факторов конкурентоспособности на них является дешевая рабочая сила.

Таким образом, выбор в пользу экспортно ориентированной индустриализации означает поддержание режима искусственной бедности населения, что недопустимо не только с политической и этической точек зрения, но и с точки зрения эффективности, поскольку бедное население может быть производительным, дисциплинированным, трудоспособным только на выходе из традиционного общества. В России высокую производительность труда может дать только «европейский», а не «азиатский» подход к рабочей силе, т.е. ставка не на ее дешевизну, а на ее квалификацию, инновационность, производительность. Это означает, что приоритетной на данном этапе, особенно учитывая стагнацию западных экономик, должна быть ориентация на внутренний рынок (масштабное импортозамещение) с ориентацией на преодоление его региональной «разорванности» (37). Тем более, что даже в современной России уже есть примеры удачной модернизации отрасли на основе развитого внутреннего спроса. Так, металлургическая отрасль к 2010 г. смогла полностью решить проблему производства высококачественных труб, вытеснив импорт и заняв собственный огромный рынок (27, с. 48).

Вместе с тем, считают авторы Экспертного доклада, экономическая стратегия неоиндустриального проекта не должна ограничиваться масштабами внутреннего рынка. Необходимо создавать монопольные факторы в мировом масштабе, т.е. в таком использовании особенностей российской экономики, территории, общества, которое позволит занять эксклюзивные ниши в системе глобального спроса.

Таковыми нишами могут быть новая энергетика (переход российского ТЭКа к экспорту продукта, а не сырья; малая атомная энергетика и т.д.); трансконтинентальный транзит; экологически ориентированное сельское хозяйство; экологический туризм; информационные технологии (производство эксклюзивного программного продукта); гуманитарные технологии (экспорт услуг обра-

зования (в случае успеха в построении новой образовательной модели и т.д.) (37).

Если, добавляет Т. Гурова, у России не будет программы развития высокотехнологичных отраслей за счет внутреннего рынка в любых сферах экономической деятельности, то, скорее всего, через десять лет технологически развитыми кажутся только крупные сырьевые компании, которые сегодня обладают достаточной финансовой мощью, чтобы вытеснять с рынка иностранцев. Прочие же компании, даже те, что сегодня находят и внедряют новые отечественные разработки, окажутся поглощенными иностранцами, так как сами финансово слабы, а государство не предлагает им никакой системы помощи и защиты (29, с. 48–49).

Как видно, единого взгляда на стратегию модернизации нет, однако можно выделить два основных подхода к этому вопросу.

Экономисты и политологи в основном являются сторонниками комплексной модернизации, затрагивающей не только экономику, но и общество и политическую систему, т.е. выступают за полный пересмотр парадигмы развития. При этом главными условиями модернизации России являются демократические преобразования: обеспечение независимости ветвей власти, многопартийная система, демонополизация сферы принятия решений.

Бизнес-сообщество вполне устраивает сложившийся в России проектный тип модернизации, в рамках которого в разных отраслях экономики иницируются проекты, в которых участвует не только бизнес, но и бюрократия, и политические власти при широкой экспертной поддержке: большинство крупных инновационных проектов, широко освещаемых СМИ, так или иначе связаны с государством.

Как понимает модернизацию население России

Что же думает о модернизации, одним из лозунгов которой является повышение уровня и качества жизни населения, само население?

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), опубликованным в декабре 2009 г., подавляющее большинство россиян не видели будущее модернизации. Почти 60% граждан не знали, какие общественные группы могут стать движущей силой инноваций, а еще 23% были уверены, что таких нет вообще.

Другие социологические опросы, проведенные в 2009 г., показали, что даже среди самых активных и состоятельных граждан всего около трети верили в то, что модернизационная кампания даст положительные результаты. Этот массовый скептицизм социологи объясняют тем, что граждане считают себя исключенными из общественных процессов модернизации. При этом, по данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), социальные инноваторы (группы с качественными образовательными, социальными и стабильными экономическими ресурсами) более пессимистично, чем все население в целом, оценивали возможные результаты модернизации и технологического обновления через год. Около 38% инноваторов не верят в позитивную динамику модернизации, тогда как среди населения в целом таких скептиков 27%. Еще 28% инноваторов затруднились с ответом, а 34% – надеются, что положительные изменения возможны в течение ближайшего года.

Говоря о конкретных путях модернизации, инноваторы советовали правительству сосредоточиться прежде всего на борьбе с коррупцией (33% опрошенных), развитии малого и среднего бизнеса (30%), развитии несырьевых отраслей экономики (22%), поддержке науки, научно-технического прогресса (17%) (6).

В 2010 г. ситуация несколько изменилась. По данным проведенного группой «Циркон» совместно с ОМІ Russia в июле 2010 г. опроса (1600 респондентов), 65% россиян выбрали путь модернизации, предпочтя ее стабильности. При этом 28% – отметили, что России никакие преобразования не нужны, главное – сохранить стабильность. Однако 61% россиян, опрошенных порталом Superjob.ru в сентябре 2010 г., уверены, что модернизация началась лишь на словах, а не на деле (41).

Неоднозначны и результаты первого общенационального социологического проекта, посвященного проблематике различных аспектов модернизации, проведенного Институтом социологии РАН в сотрудничестве с Представительством фонда им. Ф. Эберта в РФ в марте-апреле 2010 г. В опросе участвовали 1750 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, жители всех типов поселений и территориально-экономических районов РФ, представляющих основные социально-профессиональные группы населения (12, с. 4).

В первую очередь авторы выясняют, каково смысловое наполнение термина «модернизация» для россиян. Отмечается, что три четверти россиян относятся к этому термину положительно, а у четверти он вызывает скорее негативные чувства. Однако для

различных групп населения данный термин имеет совершенно разную смысловую нагрузку.

По данным опроса, 41% населения считают ключевыми идеями модернизации обеспечение соблюдения прав человека и равенства всех перед законом. Незначительно отстает по количеству сторонников вторая ключевая идея, которая, по мнению 38% россиян, могла бы лечь в основу модернизации в России – жесткая борьба с коррупцией. Третий наиболее распространенный вариант ответа – обеспечение социальной справедливости – набрал 31% голосов (12, с. 19).

Формирование эффективной инновационной экономики, отметил в качестве ключевой идеи для модернизации лишь каждый четвертый россиянин, хотя именно этот тезис чаще всего звучит на различных властных уровнях. Возможно, считают социологи, россияне понимают, что в сложившейся социально-экономической обстановке, при действующей институциональной системе становление эффективной инновационной экономики невозможно, и, соответственно, ставят во главу угла именно проблемы изменения самой этой системы (12, с. 21).

Комментируя эти данные, замдиректора Института социологии РАН Н. Тихонова отметила, что основной крик общества – «дайте нам правила, по которым можно жить!» «Борьба с коррупцией – это главное требование при решении всех вопросов по любым проблемам. Ни бедность, ни снижение доходов не вызывают столь эмоциональной реакции» (22).

При таком общественном запросе среди мер, которые, по мнению россиян, могут обеспечить проведение в стране успешной модернизации, первое место занимает искоренение коррупции. Эту меру отметили 49% россиян. На втором месте – повышение эффективности работы системы управления (36% опрошенных). В то же время меры, связанные с развитием демократии – учет руководителями мнения народа (25%), повышение общественно-политической активности граждан (9%) – называются россиянами гораздо реже (12, с. 22).

Что касается развития в стране демократических институтов, то большинство россиян сохраняют приверженность базовым демократическим ценностям и институтам, запрос на которые сформировался в конце 80-х – начале 90-х годов. Более того, по ряду позиций наблюдается даже некоторый рост значимости реальной выборности органов власти, многопартийности, свободы слова и печати, передвижения, включая выезд за рубеж, предпринимательства.

При этом в наибольшей степени демократические права и свободы востребованы активными слоями населения: молодежью, хорошо обеспеченными россиянами и, в особенности, группой респондентов с модернистским типом сознания. Та же тенденция просматривается и в отношении идеи демократии. Везде и всегда она в большей степени импонирует людям успешным. Россия в данном случае не исключение (12, с. 80).

В то же время россияне не связывают успешную реализацию «модернизационного проекта» ни с идеей демократии, ни с дальнейшим развитием демократических институтов. В перечне идей, которые могли бы, по мнению респондентов, стать основополагающими для модернизационного прорыва, идея демократического обновления общества занимает последнее место с 7% голосов поддержки. Необходимость синхронизации экономического и социального развития через расширение демократии, повышение общественно-политической активности граждан поддержал лишь каждый десятый опрошенный. Таким образом, россияне, не имея ничего против демократии, базовых прав и свобод, скептически оценивают возможность практического использования демократических принципов и институтов в обновлении страны, в обеспечении динамичного социально-экономического развития. Этот скепсис связан как с недавним прошлым, так и с сегодняшними реалиями (12, с. 81).

Если российский политический класс ориентирован на развитие классической модели демократии, ограниченной главным образом сферой политики и выборных процедур, то в представлении многих россиян, демократия – это система, ориентированная на идею общего блага. Ее эффективность определяется степенью влияния демократических институтов на политику властей, динамику уровня и качества жизни, социальную защищенность граждан, масштабы коррупции и т.п. Иначе говоря, россияне хотят иметь такую демократию, которая бы помогала им хорошо жить и хорошо зарабатывать (12, с. 82).

Отношение «капитанов» крупного российского бизнеса к демократии остается весьма утилитарным. Руководители крупных компаний – безусловные демократы, когда речь идет о необходимости освобождения бизнеса от попыток вмешательства со стороны властей, но создают откровенно авторитарную систему отношений в своих компаниях. Многие из них убеждены, что россияне должны работать больше, получать меньше и не роптать, когда их «выставляют» на улицу. Это подтверждается их требованиями уже

сточить трудовое законодательство, якобы с целью рационализации экономики в ходе ее модернизации (12, с. 88).

По данным компании «РБК», представители делового сообщества не связывают главную цель инновационной экономики с абстрактной моделью модернизации всех сфер жизнедеятельности общества. Они настроены более прагматично, считая, что ее идеей является создание высокотехнологичных и наукоемких производств (45,9%). И уже как следствие – усовершенствование всех сфер жизни общества (38,7%). Соответственно, термин «инновация» у них имеет технологический смысл и связывается, прежде всего, с внедрением современных технологий на производстве (55,0%) (44).

Вопрос о том, как должны в России проводиться те или иные реформы, в том числе модернизация – для общества в целом решен. Подобные задачи, и модернизация не является исключением, возлагаются гражданами на «верхи».

По данным исследования социального потенциала российской модернизации, проведенного ВЦИОМ совместно с Общественной палатой РФ в марте-апреле 2010 г. на примере ЮФО, и население, и эксперты (представители федеральных и региональных властей, местного самоуправления и бизнеса) видят главной движущей силой модернизации федеральные органы государственной власти (44 и 72% соответственно). Респонденты из числа населения в большинстве склонны полагать, что процесс модернизации должен осуществляться «сверху» (48%), а не «снизу» (28%) (42).

По мнению населения, лидерами среди социальных групп, способствующих модернизации, являются рабочие (их роль положительно оценили 83% опрошенных), что характерно для индустриально развитых стран, и крестьяне (73%). Заметно отстают от них, но все же выглядят в глазах большинства населения опорой прогрессивного развития России также интеллигенция, молодежь, предприниматели и средний класс. Более проблематична роль военных и руководителей предприятий и фирм – лишь около половины населения нашей страны полагают, что эти группы способствуют ее развитию. Еще хуже ситуация с сотрудниками правоохранительных органов – хотя доля считающих, что они препятствуют развитию России практически равна доле рассматривающих их как способствующих ее развитию, последние составляют лишь около трети россиян. Бесспорным тормозом развития России 55% граждан считают государственных чиновников (12, с. 127).

Авторы приходят к выводу, что неготовность рассматривать в качестве главных «двигателей» развития интеллигенцию и средний класс свидетельствуют о неготовности общественного сознания к предполагающему развитие инновационных технологий модернизационному рывку в экономике. Негативное восприятие госчиновников и сотрудников правоохранительных структур при достаточно осторожной и даже противоречивой оценке руководителей предприятий и фирм говорит, по мнению авторов, о том, что россияне не видят в них социальных акторов, способных на практике организовать движение страны к выбранным идеалам развития, прежде всего из-за их коррумпированности (12, с. 130).

Тем не менее, авторы утверждают, что идея модернизации способна объединить большинство россиян. Граждане России в целом оптимистично воспринимают перспективы модернизации: значительное большинство россиян согласны с тем, что процесс модернизации выведет страну на новый, существенно более высокий, чем в прошлом и настоящем, уровень развития и благосостояния. Лишь один из каждых 5–6 опрошенных совсем не верит в позитивные результаты российской модернизации или считает, что ее эффект скажется не раньше, чем нынешняя молодежь приблизится к предпенсионному и пенсионному возрасту (12, с. 158).

При этом элиты и население по-разному понимают модернизацию. Так, фетиш нынешней российской элиты – связка инновационной экономики с наращиванием силы и могущества государства – включили в число самых важных идей модернизации менее четверти респондентов. Это всего лишь 4–5-е места в общем рейтинге приоритетов. Идущие с Запада либеральные идеологемы демократического обновления общества, расширения возможностей свободного предпринимательства и развития конкуренции, как и все то, что можно отнести к ценностному спектру националистически-имперского сознания (укрепление державной мощи, восстановление традиционных русских ценностей и др.), получили еще меньшую поддержку (12, с. 158).

Именно поэтому граждан страны очень волнует вопрос о специализации России в системе международного разделения труда: они озабочены сырьевой направленностью российской экономики, хотя именно экспорт углеводородов, леса и цветных металлов позволяет поддерживать существенно более высокий уровень жизни населения, чем в большинстве других постсоветских государств. Успешность модернизации в соответствии с представлениями россиян определяется способностью России зарабатывать не на при-

родных богатствах, инфраструктуре или выгодном геополитическом положении, а на производстве интеллектуального продукта. Однако оценивая реальные перспективы развития российские граждане чаще говорят об «энергетической сверхдержаве», что плохо совмещается с задачами модернизации.

Полученные данные свидетельствуют и о том, что правительственные инициативы, направленные на оживление науки и развитие наукоемких технологий (усиление внимания к военно-промышленному комплексу, создание профильных корпораций типа «Роснано технологий» и др.), в обществе воспринимаются пока довольно скептически. Особенно неблагоприятно респонденты оценивают конкурентоспособность России в области образования, что, по-видимому, косвенно свидетельствует об озабоченности общества проводимыми в последнее время реформами образования (12, с. 159).

Проведенный опрос показал, что в настоящее время почти половина россиян (около 47%) согласны с тезисом о том, что России подходит не либерализм, индивидуализм и западная демократия, а чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство. Отвергает это утверждение четверть опрошенных. Но преобладание сторонников российской самобытности начинается с определенного возрастного рубежа – примерно с 30 лет. В то же время у многих россиян указанная дилемма вызывает затруднения. Доля не определившихся в этом вопросе в целом по выборке доходит до 28% (12, с. 160–161).

Немалую роль в неприятии россиянами западного опыта и западных ценностей сыграли, с одной стороны, внешнеполитические факторы (расширение НАТО, военная акция против Сербии, поддержка некоторых антироссийских сил и режимов и др.), а с другой – россияне убедились, что они коренным образом расходятся с Западом в понимании модели модернизации России. Акцент на проблематику демократии, создание «благоприятного инвестиционного климата» и выращивание в России инфраструктуры лояльных к Западу структур не пользуется сочувствием основной массы россиян. Они хотели бы сотрудничества в области производства знаний и технологий, к которому западные партнеры не проявили практически никакого интереса. В итоге за последние годы в российском обществе сложилось устойчивое мнение, что европейцы относятся к своему восточному партнеру чисто прагматически, причем – в самом узком и приземленном смысле этого слова. Мало кто из респондентов полагает, что европейцев могут заинтересовать интел-

лектуальные достижения и культурный потенциал России или ее способность играть роль противовеса глобальной гегемонии США, но почти 60% – убеждены в том, что по-настоящему им нужны только российские природные ресурсы (12, с. 161).

Отвечая на главный вопрос исследования – готово ли российское общество к модернизации – авторы говорят: да, в российском обществе есть довольно значительный модернизационный потенциал. Однако его объем и характер его локализации, особенности национального менталитета, сложившаяся в России система социальных институтов и всепроникающая коррупция делают задачу реализации этого потенциала более чем непростой (12, с. 178). Это следовало бы учитывать и экспертам, и политикам при реализации модернизационного проекта.

При этом многие эксперты, весьма скептически оценивая возможности реализации модернизационного проекта, считают, что главными сдерживающими факторами модернизации являются высокий риск, коррупция, кумовство, конфликт интересов, низкий потенциал административного управленческого аппарата и сопротивление бюрократии, недостаток квалифицированных кадров на всех уровнях и фактическое отсутствие гарантий прав собственности (25).

Проблемы с реализацией модернизационного проекта, скорее всего, понимает и сам президент. В интервью руководителям трех федеральных каналов в декабре 2010 г., фактически подводя итоги проделанной работы, президент отметил, что уже есть ряд достижений в сфере модернизации экономики, но «их немного» (26).

Именно поэтому, судя по многочисленным публикациям, экспертное сообщество упорно пытается донести до президента мысль о том, что пора от слов переходить к делу. Это связано не только с затянувшимся выходом из кризиса, но, и главным образом, с началом нового электорального цикла. Как считают некоторые эксперты, не позднее весны 2011 г., когда практически стартуют выборы в Госдуму, необходимо принять окончательные решения о стратегии дальнейших действий в рамках электорального цикла 2011–2012 гг. Сами эти решения с учетом новых конституционных сроков полномочий Президента РФ и Государственной думы РФ будут задавать общий контур развития страны как минимум до 2018 г. (31).

«Если и в 2012 г. тот, кто станет президентом, будет так же 2–3 года оглядываться, смотреть, как и что, или решать только сиюминутные проблемы, то о модернизации можно забыть. Что, в

свою очередь, может обернуться совершенно неконтролируемыми последствиями». Поэтому сегодня необходимо принять некое стратегическое решение, поскольку любое, даже ошибочное решение лучше неопределенности (9).

Список литературы

1. Аузан А.А. Модернизация как проблема: в поисках национальной формулы // Журнал новой эконом. ассоциации. – М., 2010. – № 7. – С. 136–137.
2. Белкин В., Стороженко В. Желаемое и возможное // Прямые инвестиции. – М., 2010. – № 4. – С. 8–14.
3. Белоусов Д.Р. Макроэкономический срез научно-технологического прогноза. – М., 2010. – 19 с. – Режим доступа: <http://www.iacenter.ru/publication-files/25/23.pdf?442%20Kb>
4. Белоусов Д.Р. Стратегии модернизации // Журнал новой эконом. ассоциации. – М., 2010. – № 7. – С. 138–140.
5. Бокарев Ю. Теории модернизации и экономическое развитие. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/misl/idea/teorii_modernizacii_i_ekonomicheskoe_razvitije_2010-04-13.htm
6. Большинство граждан России не верит в модернизацию. – Режим доступа: <http://nauka21vek.ru/archives/5473>
7. Бызов Л. Модернизация – российский вариант (тезисы к программе исследования). – Режим доступа: http://www.socpolitika.ru/rus/social_policy_research/discussion/document12507.shtml
8. Глазьев С.Ю. Мировой экономический кризис как процесс замещения доминирующих технологических укладов. – Режим доступа: <http://www.glazev.ru/scienexpert/84/>
9. Гонтмахер Е. Модернизация в социально-политическом контексте. – Режим доступа: <http://www.opec.ru/1305000.html>
10. Гонтмахер Е. Модернизация: Промежуточные ответы. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/02/17/225955>
11. Городецкий А.Е. Модернизационный проект для России. – Режим доступа: <http://chinovnik.uapa.ru/modern/article.php?id=1>
12. Готово ли общество к модернизации: Аналитический доклад. Институт социологии РАН. – М., 2010. – 178 с. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_modernization.html
13. Гринберг Р.С. Осуществима ли российская модернизация ? // Журнал новой эконом. ассоциации. – М., 2010. – № 7. – С. 144–146.
14. Дискин И. Кризис... И все же модернизация! – Режим доступа: http://royallib.ru/book/diskin_iosif/krizisi_vse_ge_modernizatsiya.html

15. Дмитрий Медведев: Россия, вперед! – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml
16. Ермаханова С.А. Теория модернизации: история и современность. – Режим доступа: <http://econom.nsc.ru/ieie/smu/conference/articles/%D0%95%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0.doc>
17. Иноземцев В. Анти-Юргенс». – Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/anti-yurgens_14917
18. Иноземцев В. Что и как модернизируем? – Режим доступа: <http://inozemtsev.net/index.php?m=vert&menu=sub2&pr=107&id=1154>
19. Как строить модернизационную стратегию России? Публичное обсуждение. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2008/03/18/sigma.html>
20. Коалиции для будущего. Стратегии социально-экономического развития России. Избранные тезисы сетевого экспертного проекта СИГМА. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/dossie/2008/02/08/sigma.html>
21. Коалиции для будущего: Стратегии развития России / Коллектив экономистов «СИГМА». – Москва: РИО-центр, 2007. – 112 с.
22. Куликов С. Госаппарат – главный тормоз модернизации. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2010-06-09/1_modernize.html
23. Литвинова А. Враги модернизации. – Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/2010/09/30/focus/514701>
24. Малинецкий Г.Г. Проектирование будущего и модернизация России. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2010/9/ma13.html>
25. Медведев Д. Выступление на пленарном заседании мирового политического форума «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности». – Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/8887>
26. Медведев Д. Если модернизация не удастся, следующая попытка станет дороже. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/news/2010/12/24/554819-medvedev-esli-modernizatsiya-ne-udastsya-sleduyuschaya-popyitka-stanet-dorozhe.html>
27. Михаленок О. Модернизация: теория и политика. – Режим доступа: <http://www.lawinrussia.ru/dokladi/2010-04-28/modernizatsiya-teoriya-i-politika.html>
28. Модернизация российской экономики: Структурный потенциал / Куренков Ю.В., Петров В.К., Кондратьев В.Б. и др.; Отв. ред.: Иванова Н.И.; Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. – М., 2010. – 228 с.
29. Модернизация экономики России: от теории к практике: Доклад для Мирового политического форума. Ярославль, 2010 год. – М., 2010. – 129 с.
30. Николаев И. Просчет с модернизацией. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2010/03/17_x_3339614.shtml
31. Орлов Д., Бадовский Д., Виноградов М. Консервативная модернизация – 2010: конфигурация власти и новая политическая повестка дня: Аналитический доклад. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1241073.html>

32. Полтерович В. Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации. – Режим доступа: http://members.tripod.com/VM_Polterovich/Crisis_VoprEco_Polterovich_2009.pdf
33. Полтерович В. Модернизация – это творческий процесс. – Режим доступа: http://www.expert.ru/2010/07/5/modernizaciya_tvorcheskij_process/
34. Полтерович В. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 4. – С. 4–24.
35. Полтерович В.М. Стратегия модернизации российской экономики: система интерактивного управления ростом // Журнал новой эконом. ассоциации. – М., 2010. – № 7. – С. 158–161.
36. Полянский А. Александр Шохин: Модернизация – это новая модель экономики // Бизнес: организация, стратегия, системы (Босс). – М., 2010. – Март. – С. 18–25.
37. Пономарев И., Ремизов М., Карев Р., Бакулев К. Модернизация России как построение нового государства: Независимый экспертный доклад. – М., 2009. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article22100.htm>
38. Принуждение к инновациям: стратегия для России. Сборник статей и материалов / Под ред. В.Л. Иноземцева. – Москва: Центр исследований постиндустриального общества, 2009. – 288 с.
39. Российским властям предложили три пути модернизации страны. – Режим доступа: <http://www.iarex.ru/news/8838.html>
40. Россия XXI века: образ желаемого завтра. – М.: Экон-Информ, 2010. – 66 с.
41. С «айфоном» рай в шалаше. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/business/txt.asp?id=161072>
42. Социальный потенциал модернизации в Южном федеральном округе. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13405>
43. Стенограмма обсуждения доклада «Россия XXI века: образ желаемого завтра». – Режим доступа: http://iph.ras.ru/uplfile/root/pressa/russ_xxi/Stenogr.pdf
44. Так кто же мешает модернизации? – Режим доступа: http://www.rusline.ru/news_rl/2010/10/01/tak_kto_zhe_meshaet_modernizacii/
45. Тамбовцев В.Л. Из разных видов модернизации придется выбрать. – Режим доступа: http://www.ng.ru/scenario/2010-09-28/11_institutes.html
46. Фрейнкман Л. Сравнительная экономика: Недогоняющее развитие. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2008/02/04/140923>
47. Чекмарев Э. Теории модернизации и современная Россия: Историография проблемы // Обозреватель-Observer. – М., 2009. – № 9. – С. 16–22.
48. Шаг вперед, два назад. – Режим доступа: <http://www.opec.ru/1339085.html>
49. Штомпка П. Социология социальных изменений. – Режим доступа: <http://www.vuzlib.net/beta3/html/1/20568/20633/>; <http://www.vuzlib.net/beta3/html/1/20568/20629/>

Б.Г. Ивановский

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ – КУРС НА ВЫЖИВАНИЕ

Необходимость модернизации экономики в России уже ни у кого давно не вызывает сомнения. Это единственный путь для долгосрочного роста, развития и конкурентоспособности страны в мире. Однако переход от слов к делу в значительной степени упирается в отсутствие единой стратегии реализации этого процесса.

Стратегия модернизации: Отсутствие единого подхода

Политическая элита, экономисты и представители бизнеса не могут прийти к единому мнению практически по всем основным вопросам: кто должен предлагать проекты (власти или бизнес), где взять на них деньги, как совмещать создание промышленных мощностей и инновационной системы, нужно ли сначала копировать западный опыт или же придумывать с чистого листа и т.д. Освещению различных подходов к решению ключевых вопросов модернизации посвящен этот обзор.

Развитие модернизации в ту или иную сторону зависит от того, что станет с тремя ключевыми явлениями индустриальной волны – государством, капитализмом и демократией. Все три явления, как считают авторы, питались грандиозной энергией глобального урбанизационно-индустриального перехода (9). И все три явления сегодня испытывают нарастающее давление из-за того, что питающая их энергия иссякает.

Так, государство, как институт, теряет и финансовую опору, и лояльность элит, и идейную поддержку масс. Капитализм, как двигатель экономического роста, испытывает нарастающие затруднения. Недостаток новых рынков и дешевого сырья, повышение трудовых и экологических издержек, увеличение в долгосроч-

ной перспективе налогового давления, резкий подъем стоимости технологических инноваций – все указывает на серьезный кризис капиталистической миросистемы.

Капитализм всегда функционировал благодаря и интенсивным, и экстенсивным механизмам роста. Но потенциал интенсивного (шумпетерианского) развития капитализма всегда зависел от экстенсивного расширения вовне – возможности вовлечь в оборот новые источники дешевого сырья, новые источники дешевой рабочей силы, новые рынки сбыта (все это очень облегчало работу предпринимателей-инноваторов). Но теперь вовне расширяться практически некуда. По крайней мере затраты на это расширение возрастают, а отдача снижается.

Демократия, как система политической самоорганизации общества, подвергается нарастающим перегрузкам в силу указанных проблем государства и капитализма. Современная демократия – это свобода выбора в рамках довольно жестко заданного коридора, ширина которого определяется соглашением элит и размером общественного пирога.

Политические системы развитых стран все более фрагментируются. Межклассовые конфликты, сформировавшие и сценировавшие национальные политические системы и партии, утратили свою остроту. Политическую повестку дня все больше определяют вопросы культуры, религии, экологии (9).

Демократический уклад подрывается и идейным вакуумом, который возник из-за общего разочарования в основных политических доктринах. Обещания всеобщего благополучия и социального прогресса, которые давал либерализм, оказались лишь обещаниями.

Таким образом, выбор модернизационной политики для России, по мнению П. Яковлева (22), затрудняется общей неясностью целей и ориентиров. Понятно, что борьба развернется и вокруг сохранения наиболее эффективных институтов и механизмов индустриального общества (тех же государства, капитализма и демократии). Те народы, которые найдут способ органичным для себя образом адаптироваться к новым условиям, и будут лидерами новой волны развития. Те же, кто этого сделать не сможет, с высокой вероятностью окажутся в аутсайдерах.

Для того чтобы показать возможные пути модернизации авторы разделяют их на три блока: модернизации революционные, органичные и догоняющие.

Про революционные модернизации все более или менее понятно. Разница между модернизацией догоняющей и органичной

как раз и состоит в роли государства. В сценарии органичного развития вариативность развития и общая гибкость системы выше. Тогда как в догоняющей модернизации решающая роль государства повышает вероятность ошибки в выборе «единственно правильного направления развития», а также вероятность перенапряжения сил, повышает системные риски, особенно на фазе сокращения темпов роста и выхода системы из стадии форсированного роста. Требуется государство – старший партнер, а не государство-командир (9).

Так, например, послевоенная модернизация и Японии, и Южной Кореи была догоняющей (они следовали американскому примеру и в американском фарватере). Но разница, по мнению авторов, в том, что в Японии бизнес был более самостоятелен по сравнению с Кореей, где он фактически создавался и жестко патронировался правительством.

Весь 2009 год прошел под знаком развивающегося кризиса. Лишь за пару месяцев перед наступлением 2010 г. появились пусть слабые, но вселяющие надежду приметы того, что уж в 2010 г. все наладится. Но, как известно, кризис – это не только экономическая депрессия, падение уровня производства, снижение цены национальной валюты. Кризис – это еще и новые возможности. И возможностями, которые открыл кризис 2009 г., полностью воспользовался Китай, превратившись, пусть номинально, во вторую сверхдержаву мира. В своем Послании Федеральному Собранию РФ Президент Д. Медведев провозгласил курс на модернизацию. Сможет ли Китай стать для России примером успешной модели модернизации?

Если же говорить об уроках, полученных во время кризиса, то именно благодаря кризису дискуссии о модернизации в России идут так активно, отмечает У. Бранденбург (23). Все большее число российских граждан начало понимать, что страна не может и дальше полностью зависеть от доходов нефтегазового сектора. И возможно, это также может стать отправной точкой для пересмотра экономических связей между Россией и европейскими странами.

При этом, по мнению Т. Шевякова, модернизация сверху – принуждение к инновациям – неэффективно. До тех пор, пока люди не поймут собственной потребности в модернизации, в масштабах всей страны о ней не может быть и речи (5).

Проведение модернизации, по мнению Д. Медведева, будет опираться на демократические институты – но в нашей стране нет

такого опыта, потому что предыдущие модернизации были тоталитарными, утверждает В. Фадеев (5). Но это не означает, что мы должны вне зависимости от целей продолжать лихорадочную либерализацию непонятно чего. Модернизация будет требовать дальнейшего развития демократических институтов.

Постановка вопроса очень жестка – либо модернизация, либо прозябание и в конечном счете растворение страны в пространстве других, более сильных держав.

У Д. Медведева ничего получиться не может, потому что модернизацию надо начинать с изменения политической системы, демонтажа коррумпированной путинской вертикали, отмены цензуры, «басманного» правосудия, фальсификаций на выборах, считает Б. Немцов (5).

Определяя модернизацию экономики и общества как системный процесс, О. Сухарев признает низкий уровень эффективности российской общественной системы (если изменений требуют практически все общественные подсистемы одновременно, то в наличии системный кризис общества), низкий уровень жизни населения, дисфункция системы управления. Однако внесистемная постановка и отсутствие уточнения содержания такой модернизации, как и отсутствие ее плана, подрывают возможность достижения необходимых результатов, и, следовательно, правильность понимания содержания модернизации (16).

Применительно к решению задач модернизации общественной системы, которые несравнимо шире, нежели аспекты экономической модернизации, учитывающие социальную и экологическую компоненты развития, автор формулирует принципы которые, по его мнению, демонстрируют комплексность и сложность, а также долгосрочный характер задач, стоящих перед российским обществом:

1. В интересах чисто материального благосостояния необходимо максимально широкое развитие нравственности и особенно честности во всеобъемлющем значении этого слова.

2. Лишь единовременное развитие образования и улучшение нравственности и честности может значительно поднять всю настоящую культуру.

3. Ни одна из добродетелей, создающих наибольшие богатства в стране, не имеет такого значения, как честность (исполнение обещания, уважение к чужой собственности, чужим правам, существующим законам и нравственным правилам).

Очень важной проблемой модернизации общества является исходное качественное состояние системы, ее способность менять собственные пропорции и готовность агентов к таким изменениям. Достаточно ли ресурсов, энергии и способностей людей осуществлять масштабные изменения? Низкий нравственный становится тормозом развития, главным препятствием реализации различных правительственных программ и инновационной экономики.

С другой стороны, сокращение разрыва в уровнях доходов различных категорий граждан способствует стимулированию экономического роста и модернизации экономики, отмечает А. Шевяков (5).

Разумное неравенство в доходах положительно коррелирует с экономическим ростом и даже стимулирует его. Однако чрезмерный разрыв в уровне заработной платы, производит обратное действие – снижает рождаемость и увеличивает смертность.

Низкий уровень доходов может вызвать возникновение так называемой «социально-экономической ударной волны», порождающей такие отрицательные явления, как низкая самооценка, социально-психологическая напряженность, которые, в свою очередь, непосредственно влияют на уровень рождаемости и оказывают непосредственное влияние на экономическое развитие.

Сравнивая разницу в доходах в России с другими странами мира, А. Шевяков утверждает, что в России в целом, уровень самых высоких доходов в 16–17 раз больше уровня самых низких доходов (в Москве этот показатель составляет около 50), в то время как в Скандинавии эта разница составляет от 3 до 4 раз, в США – 14–15 и в Мексике – 25 (5).

Правильная постановка задач модернизации, учитывая вышесказанное, требует, по мнению О. Сухарева (16), получение ответов на следующие актуальные вопросы:

1. Возможна ли модернизация за счет сырьевого комплекса страны, если учесть, что эффективность нефтегазовой отрасли постоянно снижается, а инфляция издержек становится все более регламентирующей функционирование этой отрасли, в том числе по причине технологической отсталости и отсутствия необходимого капитала?

2. Насколько возможно модернизировать экономику, сохраняя задачу удвоения ВВП, и какой должна быть глубина модернизации? Кроме того, насколько адекватно провозглашение задач модернизации в условиях недостатка ликвидности и финансово-экономического кризиса ?

3. Возможно ли модернизировать экономику при неправильной постановке целей модернизации и отсутствия понимания ее содержания? Например, структура национального богатства стран Запада такова, что 65% приходится на человеческий капитал, 15 – на природно-ресурсный и 20% – на технологический. В России же все с точностью до наоборот, т.е. 65% – на природно-ресурсный, 20 – на технологический и 15% – на человеческий.

Следует ли под модернизацией понимать изменение данного соотношения? Либо под модернизацией следует понимать планомерную ликвидацию (выправление) структурной вилки, когда высокодоходные виды деятельности в экономике являются низкорискованными, а низкодоходные (все производственные секторы) – высокорискованными?

4. Почему модернизацию экономики не рассматривать как структурную задачу формирования соответствующих хозяйственных пропорций? Ведь это требуется для рассмотрения проекторочной задачи, использования методов планирования и подбора необходимого инструментария, воздействующего на компоненты этой и предполагаемой структуры.

Только продвинувшись в части ответов на поставленные вопросы и поняв причины кризиса внутри самой экономической науки, можно подойти к созданию новой модели современного общественного развития, модифицируя неэффективную и изжившую себя капиталистическую форму общественного воспроизводства и социо-культурного развития, полагает О. Сухарев (16).

Оптимальная программа российской модернизации должна состоять в своего рода «неосталинизме» – концентрации ресурсов при государственном стимулировании массовой интеллектуальной деятельности с одной стороны, а с другой – максимально быстрого и широкого применения ее результатов, считает М. Делягин (6).

Жесткость государственного управления не противоречит ни интеллектуальной деятельности (чему примером служат Япония и Сингапур), ни успеху в современной глобальной конкуренции и технологическом прогрессе (пример Китая).

В сталинской модернизации для нашей страны неприемлемо, по мнению автора, лишь одно: исключительная жестокость и равнодушие к человеческой жизни. Это неприемлемо не по гуманистическим соображениям – история мира полна случаев, когда именно неуклюжий или чрезмерный гуманизм проливал реки крови, а по сугубо практическим причинам. Ведь именно жестокость по-

дорвала инициативность народа и привела к тому, что созданная Сталиным система породила Горбачёва.

Тем не менее М. Делягин полагает, что у нас нет иммунитета от чрезмерной жестокости. Поэтому, ни авторитарная, ни «неосталинистская» модернизация, при нынешнем уровне разложения российского общества, обусловленного либеральными социально-экономическими реформами и расцветом клептократии, невозможна в принципе.

Стратегические цели модернизации (программа максимум) автор видит в следующем:

1. Модернизироваться, как социально, так и технологически, обновить себя и страну. Старая модель существования, основанная на проедании советского наследия, исчерпана почти полностью.

2. Сохранить Сибирь, Забайкалье и Дальний Восток: при численности населения 2% от общемировой, мы сохраним за собой почти 20% мировых ресурсов, лишь будучи умными, умелыми и энергичными.

3. Восстановить внутреннее единство России по региональному, национальному и социальному признакам.

4. Повысить не только уровень, но и качество жизни так, чтобы жить в самом дальнем уголке нашей страны было приятно и уютно.

Для решения этих стратегических задач необходимо, по мнению М. Делягина, в качестве первого шага в течение двух-трех лет обеспечить выполнение следующих задач (программа-минимум):

1. Гарантирование прожиточного минимума как экономического выражения права на жизнь. Направление финансовой помощи центра регионам в первую очередь на решение этой задачи.

2. Модернизация инфраструктуры на базе новых технологий, что резко снизит издержки и повысит деловую активность.

3. Ограничение коррупции освобождением сотрудничающего со следствием взяточдателя от ответственности, конфискацией активов не сотрудничающих со следствием участников организованной преступности (включая коррупционеров), созданием полноценного «электронного правительства».

4. Ограничение произвола монополий обеспечением прозрачности структуры их цены, правом антимонопольной службы восстанавливать резко повышенные цены на время проведения расследования и замораживанием цен и тарифов естественных монополий на три года. Субсидирование за счет бюджета коммунальных расходов, превышающих 10% доходов семьи (что делает Минфин могильщиком коммунальных монополий).

5. Введение умеренного протекционистского режима по образцу Евросоюза. Запрет импорта производимых в России товаров и услуг за счет бюджета. Введение 10%-ного налога на вывод из России капитала, находившегося на ее территории менее года. Прежде всего следует выработать стратегию модернизации, которая представляет собой длительный процесс, считает И. Юргенс (21). Необходимо определить прорывные отрасли и направления «основного удара». После этого надо разработать инструменты, которыми будут внедрять модернизацию. Президент уже озвучил основные направления модернизации. Это энергоэффективность и энергосбережение, ядерные, космические, медицинские и информационные технологии. Однако, по мнению автора, эти пять пунктов еще не окончательный вариант. Другие направления определяются конкуренцией на рынке.

Следует провести широкий анализ совместно с научными и деловыми структурами. Рынок сам довольно быстро определит эти отрасли, если, конечно, в него не буду закачивать деньги по методу АвтоВАЗа, утверждает автор. При этом нужно концентрировать внимание не только на модных сейчас направлениях нанотехнологий или биотехнологий, но и на наших традиционных отраслях.

Например, это может быть совершенствование технологий переработки продукции сырьевых отраслей в таких областях промышленности, как нефте-, газопереработка, деревообработка и металлургия. При этом следует выбирать наиболее используемые в торговле продукты на мировых рынках и добиваться результатов.

Определив прорывные отрасли модернизации следующим шагом должно быть предоставление им экономических и финансовых послаблений – налоговых, амортизационных, таможенно-тарифных, экспортных и других традиционных методов помощи приоритетным отраслям, утверждает автор (8).

Выступая в апреле 2010 г. с традиционным ежегодным посланием министр финансов РФ А. Кудрин отмечал, что для дальнейшего стабильного развития российской экономики необходимо ориентироваться на внедрение механизмов, способствующих конкуренции и контролируемой инфляции, создание в кредитной сфере рынка дешевых длинных денег, повышение эффективности бюджетных расходов и осуществление модернизации (23).

Это означает необходимость создания таких финансовых и налоговых механизмов, которые стимулируют активизацию научных исследований и разработок и внедрение на этой основе инноваций.

При этом, по мнению А. Логвинова, для осуществления модернизации экономики требуется соблюдение ряда условий, одним из которых является формирование «политического запроса» и сильной власти, способной провести нужные реформы (20).

Вместе с тем Д. Баранов полагает, что политическая составляющая не является основным условием ее проведения. Успешное осуществление модернизации зависит от того, насколько наша бюрократия будет противодействовать ее реализации.

Существенным тормозом на пути модернизации являются проблемы в существующем законодательстве, считает Г. Томчин (20). Власти обещают, дать налоговые и иные преференции тем, кто занимается «умным» бизнесом. «Но понятия “новые технологии” в нашем праве нет и, соответственно, понятия торговли новыми технологиями тоже нет, – утверждает эксперт. – А в налоговом кодексе нет презумпции невиновности налогоплательщика».

Одним из основных условий модернизации экономики является кардинальное обновление технико-технологической базы производства, считает О. Изряднова (18). При этом речь идет о принципиально новых технологиях и производствах.

Развивая эту мысль, А. Кокошин отмечает (18), что инновации – это, прежде всего новые технологии. «Для поддержки инновационной экономики мы должны в серьезном экономическом контексте рассматривать огромное количество технических систем, которые формируют экономику. У нас существует дефицит разработок, посвященных закономерностям соотношений между фундаментальной наукой и прикладными исследованиями. Есть много брешей в наших знаниях и понимании этого вопроса. Однако вкладывать деньги в технологии в России на сегодняшний день менее выгодно, чем в подавляющее большинство других направлений», – констатирует Д. Шустерняк. «Парадоксально, но факт – у нас слишком много возможностей, мы слишком богаты ресурсами для того, чтобы развивать технологии. Поэтому и нужны государственные компании (будь то ФГУПы, ОАО или госкорпорации) – заниматься тем, чем частный бизнес заниматься не хочет», – полагает эксперт (20).

Кроме того, модернизация требует от государства снижения пошлин, налоговых льгот, дешевых кредитных линий: «Беда в том, что у нас пока производство – не самый, мягко говоря, выгодный бизнес. Добывать нефть, рубить и вывозить лес, торговать – выгоднее, чем что-то производить», – полагает Д. Шустерняк.

Несколько иной позиции придерживается Л. Волчкова (20), считающая, что основная задача для государства при модернизации – обеспечить условия честной конкуренции, как в банковском секторе, так и на товарных рынках: «Тогда и процент будет такой, что и банки, и предприятия смогут развиваться».

Существует несколько критериев, которые предопределяют успешность модернизации, полагает Т. Гурова (18).

В первую очередь, это готовность элит. Многие считают, что модернизация должна рождаться снизу, однако, по мнению автора, именно элиты, т.е. лидеры, способны дать стратегическое видение столь масштабного проекта. Проблема лишь в том, что элиты у нас сильно разобщены.

Во-вторых, адекватность оценки сложившихся мировых трендов. Модернизация – это не самоцель, а способ выйти на высокий уровень конкурентоспособности в мире.

В-третьих, вовлеченность людей в модернизационные процессы и расширение круга бенефициаров модернизации.

И, в четвертых, это создание и развитие национального капитала. Как показал кризис, делать ставку на иностранный капитал очень рискованно. Как только у международных финансовых институтов начались проблемы, они стали выводить свои деньги из России и закрывать финансирование. Этот тренд усилился еще и тем, что после кризиса депозиты стали дороже, и иностранные банки потеряли интерес к работе с населением.

Проблемы, возникающие на пути модернизации Д. Медовников разделяет на мнимые и действительно существующие (18). К мнимым он отнес сырьевую зависимость России. Экономика Норвегии также была основана на сырье, но именно на его основе была построена новая современная экономика страны. В то же время серьезной проблемой остается слабая инфраструктура (страна просто не связана дорогами), недостаточный уровень затрат на НИОКР, а также инертность научных школ и инжиниринговых компаний.

Подтверждая этот вывод Т. Бэнкрофт-Хинчи приводит данные, характеризующие уровень затрат, направляемых на внедрение технологических инноваций в странах Запада и России (23).

Так, если все затраты на НИОКР в 2009 г. составили в России 800 млн. долл., то лишь одна американская компания «General Motors» направила на эти цели 8 млрд. долл. В 2008 г. только 9,6% отечественных предприятий осуществляло вложения в технологические инновации. В Германии этот показатель в том же году со-

ставлял 73%, в Эстонии 47%. Более того, в то время, как Министерство финансов РФ отказалось финансировать разработки Российской академии наук, иностранные компании взяли эти затраты на себя, оказавшись, таким образом, собственниками технологических изобретений России.

Представляется вообще удивительным, что после 20-летнего периода стагнации и застоя, социально-экономические показатели России могут быть сопоставимы с аналогичными показателями США и других стран Запада, отмечает Т. Бэнкрофт-Хинчи (23).

В последние годы в российской экономике наблюдается увеличение притока инвестиций в модернизацию ряда отечественных предприятий, в частности в металлургической, нефтеперерабатывающей и химической промышленности, отмечает В. Иноземцев (25). Несмотря на все громкие воззвания о приверженности правительства поддержке модернизации, все эти проекты были осуществлены без помощи государства, что вызывает у автора большие сомнения в реальных намерениях государства модернизировать страну.

Главным препятствием, по мнению автора, является несовершенство механизма сертификации оборудования с целью адаптации его к отечественным техническим стандартам. В большинстве случаев рассмотрение документации «съедает» значительную часть энергии и ресурсов инвесторов.

Даже во время финансового кризиса 2008–2009 гг. в Россию было поставлено импортного оборудования на сумму в 160 млрд. долл., что составило 52% общего объема импорта России. Из них 62,2%, или 99 млрд. долл. пришлось на страны Евросоюза – в первую очередь Германию. Около 17% импорта оборудования, или 27,2 млрд. долл. приходится на КНР. При этом, из этой суммы, 45% продукции были произведены европейскими компаниями, которые осуществляют торговые операции с Китаем, а 35% – были произведены китайскими фирмами для экспорта в Европу. Это показывает, что более 75% импорта оборудования в России были де-факто сертифицированы по более требовательным стандартам Евросоюза (5).

Поэтому следует упростить обременительные требования к процессу получения разрешения на импорт и получение сертификатов на оборудование, изготовленное в Европейском союзе или в соответствии с его стандартами, полагает В. Иноземцев (25).

Российское общество, вопреки мнению экспертов, готово к модернизации, утверждает И. Дискин (18). Результаты исследо-

ваний ВЦИОМ показывают, что активные группы населения готовы работать в модернизационном секторе. Проблемы две – российские институты и бесконечное количество обсуждений модернизации.

Модернизировать экономику по образцу динамично развивающихся азиатских государств, таких как Япония, Китай и Сингапур, по мнению экспертов, практически невозможно. Этот путь для России, скорее всего, обречен на провал, потому что у нас другие люди, другая рабочая сила с совершенно другой мотивацией, считает Е. Лебединская (20).

Что касается вопроса использования западного опыта модернизации экономики, то на первом этапе этого процесса можно приглашать в нашу страну западных игроков, что-то перенимать у них, учиться, и с этой базой идти дальше и создавать уже новые технологии, предлагает В. Полтерович (18).

В мае 2010 г., в ходе встречи с главами американских венчурных фондов, Д. Медведев пригласил американский капитал делать инвестиции, пообещав содействие и выгодную налоговую атмосферу. Такое же предложение российский президент шлет уже в течение длительного времени и европейцам. «Однако, если США реагируют на него незамедлительно, ЕС медлит с ответом», – отмечает Э. Бонзе (24).

Переговорщики из Москвы и Брюсселя встречались уже 9 раз, чтобы обсудить условия соглашения о партнерстве, и все безрезультатно. То процесс тормозят страны Балтии и Польша, то Россия обиженно делает шаг назад. Пока 79% иностранных инвестиций в России приходится на долю ЕС, но по пятам уже идут США, КНР и Индия. России не хватает инноваций и капитала – и они должны прийти из-за границы, так что сегодня все козыри на руках у ЕС.

В связи с этим ЕС должен проводить более прагматичную политику в отношении России, если не хочет остаться за бортом, полагает автор.

Новые технологии – основа модернизации экономики

На X юбилейном форуме «Высокие технологии XXI века», состоявшемся в апреле 2009 г., российские экономисты, социологи, психологи, философы подвели некоторые итоги инновационного развития России за последние 15–20 лет. Если в вопросе о перспективах мнения экспертов разошлись – одни оценивали их более, другие менее пессимистично, то в подведении итогов все они были

практически единогласны: текущее состояние этой области не-удовлетворительно, мы отстаем от других стран (14).

Участники форума назвали множество причин деградации в области генерирования и внедрения инноваций. Все они сводятся, в основном, к следующему: плохое управление материальными и нематериальными активами страны. Неудовлетворительный менеджмент проявляется:

- в создании атмосферы недоверия бизнеса к власти в условиях коррупции, непрозрачности инвестиций и принятия особых «правил игры» для приближенных к власти структур;
- в разрыве производственно-сбытовых цепочек, звенья которых были приватизированы различными юридическими лицами;
- в отсутствии компетентной «инновационной элиты»;
- в недостатке спроса на инновации в примитивизирующемся обществе, нацеленном не на созидание и честный образ жизни, а исключительно на скорую наживу и потребление (самое главное, по мнению экспертов).

Россия – это «цивилизация Севера», и поэтому наша страна не может быть полноправным участником процесса глобализации, получающем выгоду от этого процесса, считает Г. Малинецкий. Жить лучше, по его мнению, можно прекратив вывоз капитала за границу. Кроме того, несмотря на движение экономики по постиндустриальному вектору, не стоит забывать и о собственном промышленном производстве. Нельзя покупать «все» за границей, ставя себя тем самым в полную зависимость от других стран.

В то же время инновации могут быть и опасными для общества, полагает А. Агеев (14). В качестве примера он назвал появившиеся несколько лет назад новые финансовые инструменты, приведшие к росту фиктивного капитала, и как следствие – мировому экономическому кризису.

В соответствии с моделью Кондратьевских циклов, сейчас мы пришли к концу «длинной волны», основанной на таком кластере инноваций, как микроэлектроника, информационные и телекоммуникационные технологии.

В ближайшее время начнется восходящая часть очередной «длинной волны», связанной со становлением нового мирового технологического уклада. В его основу лягут уже открытые учеными технологии, разработка которых еще находится на этапах фундаментальных исследований или создания опытных образцов. Это, по мнению эксперта, разработки в области биотехнологий,

нанотехнологий, квантовых вычислений, новой медицины и нового природопользования.

Страны, неспособные генерировать и внедрять инновации в этих сферах, останутся за бортом новой мировой послекризисной экономики. Поэтому для России реализация эффективной методологии инновационного развития является жизненно важной задачей, заключает А. Агеев (14).

При анализе рецептов российской макроэкономической политики, которые даются разными экономическими школами, следует учитывать, что российская экономика является сугубо сырьевой и в настоящее время дискуссия о том, как предотвратить сырьевой сценарий развития, не является актуальной, поскольку де-факто функционирует сырьевая экономическая система, отмечает О. Сухарев (17). В этих условиях актуальной для экономической науки становится важным определить – возможно ли в России воспроизводство передовых технологий наравне со значительной долей сырьевого экспорта?

Эволюционная экономика, по мнению автора, как направление экономической науки, в отличие от «мэйнстрима» и кейнсианства как раз занимается проблемой влияния технологического развития на экономическую систему. Эволюционные экономисты также давно интересуются не только проблемами возникновения и развития кризисов, но и пытаются понять причины, лежащие в основе кризисной капиталистической природы общества. В частности, имеются работы ведущих экономистов этого направления, посвященные анализу взаимодействия технологий и институтов (Х. Хануш, Ю. Кантнер, П. Савиоти, А. Пук, Дж. Дози, Дж. Ходжсон и др.), а также влияния инноваций на экономическую динамику (Й. Шумпетер, Х. Хануш, К. Фримен, Р. Нельсон, К. Перес и др.), исследования взаимосвязи и взаимовлияния производственных и финансовых инвестиций (Г. Мински).

Вместе с тем проблема коэволюции финансового и производственного секторов, несмотря на то, что она описывалась еще К. Марксом и выдающимся институционалистом Т. Вебленом, все-таки остается открытой для исследования и необходимого понимания, утверждает О. Сухарев (17).

Одной из основных тенденций инновационного развития В. Лебедев считает усиление экспансии иностранного капитала в российскую промышленность (8). За 2010 г. среди анонсированных и реально начатых проектов более половины – иностранного происхождения. Похоже, американские, европейские и азиатские

компании почувствовали долгожданную стабильность в экономике России и начали закладывать основы своего посткризисного продвижения на российские рынки, полагает автор.

Что же касается российских инвесторов, то, несмотря на их знание региональных рынков, наличие финансовых ресурсов, они пока не в силах реализовать инвестпроекты самостоятельно в силу недостатка знаний и компетенций. Эта ситуация отражает одну из основных черт, присущих текущему инвестиционному процессу в России: промышленные инвестиции в стране крайне востребованы, возможностей для их осуществления масса, даже деньги – не проблема. Все упирается в недостаток квалификаций по осуществлению таких проектов, начиная от создания ТЭО и заканчивая промышленным инжинирингом и непосредственным возведением новых заводов и фабрик, утверждает В. Лебедев (8).

Модернизация и диверсификация экономики РФ без активной помощи ЕС невозможна, считает А. Башкатова (1). Стране не хватает специалистов, опыта, инвестиций.

Европа стремительно теряет конкурентоспособность из-за притока дешевых азиатских товаров высокого качества. Поэтому, по словам Ф. Зулига, ЕС видит основной источник своего дальнейшего устойчивого роста в развитии инноваций.

Кроме того, если не будет координации действий с другими странами – США, Индией, Россией и т.д., – преодоление кризиса на глобальном уровне невозможно. Помимо этого, и внутри самого ЕС нужна еще более тесная интеграция – Европа вынуждена пойти на возможное создание «Соединенных Штатов Европы». Однако очевидно, что это очень сложный путь, ведь многие страны подвержены «национальному эгоизму».

Программу модернизации российской экономики ждут и Украина, и Белоруссия, и Молдавия. Потому что с точки зрения структурных недостатков экономики они практически наши «сестры». И в этом смысле Евросоюзу будет выгодно помочь России с модернизацией, ведь такая помощь положительно скажется и на некоторых других странах, считает Р. Гринберг (1).

Потенциал такой помощи П. Ключев видит в создании на территории страны совместных предприятий. «Россия ввозит из Европы в основном технику и оборудование. Она заинтересована в том, чтобы не только их импортировать, но и производить у себя. Этому должно способствовать создание совместных предприятий. Для стимулирования иностранных инвестиций следует активно вносить изменения в наше законодательство», – утверждает автор.

Вместе с тем некоторые эксперты сомневаются в том, что Евросоюзу действительно будет выгодно принимать активное участие в модернизации российской экономики. Скорее стоит ожидать лишь «точечной» помощи.

«Россия уже занимает определенное место в общеевропейском разделении труда. Вряд ли в нынешней трудной ситуации у европейцев есть заинтересованность проводить крупноформатную диверсификацию нашей экономики, то есть делиться с нами какими-то серьезными экономическими нишами. А вот проекты регионального масштаба, на уровне среднего бизнеса, вполне могут заинтересовать широкие круги европейских предпринимателей и инвесторов» – таково мнение С. Шандыбина (1). Именно для таких проектов следовало бы сейчас создавать максимально благоприятные условия в регионах, уверен эксперт.

В России все большее понимание находит утверждение, что без использования западных технологий, без сотрудничества с Западом ей не удастся провести модернизацию, полагает А. Пар (12). Однако большинство стран ЕС будут готовы на партнерство с Россией только тогда, когда Россия будет понимать модернизацию политически, а не только экономически или технологически.

Для этого необходимо совершенствовать законодательство, соблюдать права человека и укреплять правовую культуру, бороться с коррупцией. С точки зрения Запада пока изменения в России происходят очень медленно.

Организационные и финансовые механизмы модернизации экономики

Проблема формирования финансового механизма модернизации является объектом оживленных дискуссий и относится к наиболее острым проблемам экономической теории и хозяйственной практики, отмечает Л. Игонина (7, с. 116). Способы решения этой проблемы становятся своеобразным водоразделом между позициями государственников и либералов в вопросе об участии государства в этом процессе, а, следовательно, соотношении таких ключевых инструментов финансового механизма, как государственное финансирование и финансовый рынок.

В такой постановке данная проблема рассматривается обычно с методологических позиций современной интерпретации классической и неокейнсианской теории. Однако оценка новых реалий экономического развития требует, по мнению автора, привлечения

методологических ресурсов современной институционально-эволюционной теории, содержащей ряд подходов к исследованию «технологических полюсов современного мира, асинхронности и асимметричности процессов эволюции хозяйства, ядра развития и периферии, переноса и вызревания новых институтов, учета силы экономической инерции» (7, с. 117).

Финансовый механизм модернизации отечественной экономики находится лишь в процессе своего становления и объективно отстает от западных аналогов по ряду параметров:

- на темпы развития финансового рынка влияет достаточно высокая капиталоемкость добывающих отраслей – основных участников этого рынка, а также состояние финансового рынка во многом определяется недиверсифицированной структурой экономики;

- узкий спектр финансовых инструментов, включающий корпоративные облигации, биржевые облигации, депозитарные расписки и IPO;

- отставание банковской системы России по сравнению с другими странами (соотношение совокупных активов банков с ВВП в России – около 43%, в США – около 62, в странах Западной Европы – 300–400%) (7, с. 98).

- низкий удельный вес частных инвесторов (лишь 1,5–2% населения сегодня сознательно вкладывает деньги в покупку акций);

- большая часть заключаемых на биржевом и внебиржевом рынках сделок носит не инвестиционный, а краткосрочный характер. В структуре фондовых сделок операции по привлечению инвестиций не являются доминирующими: даже при проведении IPO частой мотивацией является не развитие бизнеса, а привлечение средств для нужд акционеров, недостаточное развитие финансовой инфраструктуры и т.д.

В то же время, с учетом достигнутых количественных параметров, отечественный финансовый рынок можно отнести к наиболее динамично развивающимся сегментам российской экономики, отмечает Л. Игошина. Исследование показывает, что финансовый рынок стал инструментом привлечения инвестиций, однако крупнейший игрок этого рынка – государство. Оно – источник основных ценообразующих процессов (так, из 21 IPO, проведенных в России в 2008 г. на общую сумму свыше 20 млрд. долл., половина средств приходилась на размещение акций государственной компании «Роснефть»), на его долю приходится треть капитализации 200 самых дорогих компаний России и существенная часть банковских активов.

Обращает на себя внимание тот факт, что развитие финансовых рынков осуществляется при доминировании административных инструментов регулирования над рыночными.

«Пытаясь создать финансовую систему, адекватную задачам модернизации, государство активизирует и бюджетные инструменты. Так, в бюджетах обеспечен существенный рост государственных инвестиций. Для финансирования крупных инвестиционных и инновационных проектов создан Инвестиционный фонд. Источником его формирования явились средства Стабилизационного фонда. Тем самым длительная дискуссия вокруг этих средств – копить нельзя потратить – получила свое официальное решение. Предусмотрено развитие венчурного фонда и свободных экономических зон», – отмечает Л. Игошина (7, с. 120).

Таким образом, именно государство осуществило запуск финансового механизма модернизации российской экономики. Однако, по мнению автора, возникают следующие опасения относительно эффективности этого механизма:

- ограниченность административного ресурса. Если функция административного давления на участников финансового рынка становится приоритетной, у государства возникает специфический командный интерес взять под свой контроль как можно большее число субъектов финансового рынка. Однако последние остро реагируют на любые попытки огосударствления – его субъекты утрачивают интерес к продолжению финансовых операций и уходят в пространство, в котором существует свобода рыночных отношений;

- невозможность осуществления финансового прорыва за счет государственных средств. Государственные инвестиции должны создавать базу для вложений частного капитала и направляться, прежде всего, на ликвидацию существующих в России мощных инфраструктурных ограничений. Вряд ли с этим положением согласуется расширение государственного сектора в экономике за счет увеличения доли в компаниях;

- недостаточная эффективность использования бюджетных средств, в том числе и средств инвестиционного фонда, недоработанность методического инструментария финансовой оценки, сохранение высокой бюрократизации и административного произвола;

- низкое качество институтов, слабые механизмы защиты прав собственности, несовершенное антимонопольное регулирование и т.д.;

- территориальная неоднородность финансовой системы. Сосредоточение финансовых потоков в центре, не обеспечивает

решения проблемы финансового обеспечения модернизации экономики регионов (рост финансовых трансфертов регионам оборачивается слабостью их собственной финансовой базы).

Поиск новых путей финансирования предприятий реального сектора – одна из важнейших задач экономической модернизации страны. Вместе с тем банки сегодня переживают избыток ликвидности, но при этом не кредитуют реальный сектор, отмечает А. Аксаков (16). Это связано с тем, что риски слишком высоки. Разрешить это противоречие можно только, если часть рисков возьмет на себя государство. Сегодня по такой схеме работает РосБР в вопросах кредитования малого бизнеса. Этот опыт необходимо распространять и на другие институты развития.

Для масштабного внедрения инноваций запаса краткосрочной ликвидности российских банков недостаточно, инновациям требуются большие и долгосрочные деньги. Для модернизации экономики необходима модернизация финансовой системы. Именно поэтому весьма актуальным является, по мнению автора, создание в РФ мирового финансового центра, поскольку условием его создания станет необходимость принятия законов, направленных на совершенствование финансовой системы РФ.

Другим механизмом поддержки инноваций Л. Пепеляева называет законопроект, который предусматривает финансовую поддержку со стороны государства инновационных компаний, выходящих на фондовую биржу (16).

В настоящее время основным препятствием для компании, которая запланировала IPO и намерена привлечь финансирование через биржу – это финансовые средства. Так, при первичном размещении на сумму в 50 млн. руб. цена вопроса по размещению будет колебаться в пределах от 5 до 7,5 млн. руб. В эту сумму входят: плата агентам, консультантам, комиссионные самой бирже. И поскольку инновационная компания свободными деньгами в таком объеме, как правило, не располагает, законопроект предусматривает ввести норму, согласно которой стоимость выхода инновационной компании на биржу должна на 50% возмещаться государством. Остальное будет платить компания.

Все эти факты, по мнению автора, говорят об одном – необходима модернизация финансовой сферы. Особенно важно это еще и потому, что по уровню производительности труда российская банковская сфера уступает странам запада. «Масштабы отставания, например, в секторе кредитных услуг удручают – в 16 раз от США, в 20 раз от Швеции и Нидерландов. В сфере депозитов и

текущих счетов – в 10–15 раз. Мы лентяи и не хотим работать эффективно? Думаю, что дело в другом, дело в условиях. И это не вина, а беда нашей глубинки, что там нет работы и людям просто нечем заняться», – подчеркнул Г. Тосунян (16). Поэтому без развития финансового рынка не будет ни инновационного развития, ни модернизации экономики и развития инфраструктуры.

Для успешной модернизации экономики на основе инновационного процесса нужны длинные дешевые деньги, считают Д. Гришанков, С. Волков и П. Самиев (4). Без них ни о каких новых проектах не может быть и речи. Ведь для «модернизаторов» одинаково недоступны кредиты и под 20%, и под 14, и даже под рекордные 10–12%. К этому надо еще добавить, что около 90% нашей финансовой системы работает в горизонте до одного года, в то время как новые технологии окупаются порой через десятилетие.

Кроме того, более 70% инвестиций в основной капитал в России финансируется за свой счет (включая перераспределение внутри крупнейших промышленных групп) и из бюджетных источников. Что же касается собственно рыночной финансовой системы, то при планировании на нее не особенно и рассчитывают, все больше используя различные формы частно-государственного партнерства. Таким образом, государство, по существу, отстраивает свою, параллельную рыночной, финансовую систему.

Для преодоления этих негативных тенденций, финансовый рынок, по мнению авторов, во-первых, должен стать доступным. Количество торгующихся эмитентов должно измеряться десятками тысяч. Кредитование должно стать стандартной практикой не только для крупного бизнеса. Должна существенно вырасти доля среднесрочных и долгосрочных активов (в первую очередь кредитов на сроки от одного года). Сейчас же банковская система финансирует в основном торговлю и в гораздо меньшей степени – производство.

Во-вторых, рынок должен стать устойчивым и сильным. Это значит, что активы банков, лизинговых компаний, пенсионных фондов и страховщиков должны вырасти на порядок.

В-третьих, рынок должен быть самостоятельным. Доля российских инвесторов должна также вырасти на порядок, ключевые инвестиционные решения должны приниматься в России крупными институциональными структурами (пенсионными фондами, страховщиками, УК, отечественными банками).

В целях достижения этих ориентиров авторы предлагают активнее задействовать следующие инструменты:

1. Институты: законодательное поле, системы оценки рисков и кредитного качества, обычаи делового оборота и защиты прав, поведение частных инвесторов (в том числе вкладчиков НПФ, ПИФов и т.д.). В этой области у нас отсутствуют целые сегменты. Например, в России нет законодательства по секьюритизации, нет нормативной базы по кредитным рейтингам, отсутствует оперативный лизинг, по-прежнему невозможно использовать в качестве залога движимое имущество, а множество объектов вообще исключены из финансового оборота.

2. Изменения в денежно-кредитном регулировании. Антиинфляционная политика должна учитывать наличие значительного немонетарного компонента, для борьбы с которым необходимо не подавлять кредитование, а использовать механизмы антимонопольной, налоговой и таможенной политики. Постоянные попытки побороть инфляцию исключительно зажиманием денежного предложения наносят огромный вред экономике: инфляция все равно неконтролируема и по-прежнему высока. При этом финансовый рынок теряет потенциальный ресурс для расширения кредитования реального сектора (не потребительского, а именно инвестиционного).

3. Инструментом экономической и промышленной политики должен стать сам финансовый рынок – кредитование, управление активами, страхование, лизинг. Активная государственная политика – поддержание систем разделения рисков (государственные и муниципальные гарантии и рефинансирование через банки развития, субсидирование ставок), расширение программ развития, развитие ЧГП с привлечением частных банков и управляющих компаний, введение обязательных видов страхования, энергичное продолжение пенсионной реформы – даст финансам шанс поддержать развитие реального сектора, являющегося материальной основой будущей модернизации.

Одним из основных направлений модернизации отечественной экономики является обновление основных фондов и всего производственного процесса. В связи с этим лизинг – важнейший инструмент составляющей инновационного процесса, который, по мнению Р. Романовского и П. Самиева, не используется в экономике в полной мере. Это обусловлено нехваткой долгосрочных ресурсов и негативными изменениями законодательства (13).

До 2008 г. рынок лизинга в России рос настолько успешно, что его ставили в пример другим странам. Даже в быстрорастущем Китае лизинговый рынок был почти на 12% меньше российского (по дан-

ным White Clarke Global Leasing Report, объем лизингового рынка России в 2008 г. – 24,81 млрд. долл., Китая – 21,88 млрд. долл.).

Лизингу до кризиса удалось стать значимым инструментом инвестиций, модернизации, обновления производства. Именно лизинг в России – яркий пример успешного развития финансового сектора, когда, с одной стороны, ему не очень сильно мешают, а с другой – есть стимулы к росту и расширению сфер применения.

Однако в 2009 г. произошло существенное сокращение рынка, объем новых сделок снизился до уровня 2005–2006 гг. Помимо этого на рынках капитала на сокращение рынка повлияли неблагоприятные изменения законодательства. Отсутствие единой позиции государственных органов по вопросу развития лизинговой отрасли привело к формированию негативных ожиданий у участников рынка и к сокращению инвестиций в обновление производства, в частности через механизм лизинга.

Значительное уменьшение объема заключаемых лизинговых сделок было обусловлено нехваткой финансирования в 2008 – начале 2009 г., повышением процентных ставок по заемным ресурсам, ужесточением требований к потенциальным клиентам и ухудшением финансового состояния лизингополучателей. Объем заключенных лизинговых сделок в 2009 г. упал до минимального уровня в масштабах экономики России: доля лизинга в ВВП составила всего 0,81% (19). А ведь именно лизинговые компании способны обеспечивать финансирование проектов модернизации производственных мощностей, предоставлять долгосрочные ресурсы. Для ряда инфраструктурных отраслей (транспорт, энергетика, связь, сельское хозяйство) лизинговое финансирование является основным источником средств модернизации бизнеса. Кроме того, для малого и среднего бизнеса лизинг – практически единственная возможность получить долгосрочное финансирование, в котором банки ему зачастую отказывают. Высокая степень износа основных фондов в России означает необходимость поддержки механизма лизинга государством, считают Р. Романовский и П. Самиев (13).

Вместо этого законодательное регулирование лизинга осуществляется в хаотичном режиме, и зачастую принимаемые законы крайне негативно влияют на функционирование рынка. С 2009 г., в разгар кризиса, была отменена возможность применения ускоренной амортизации для оборудования первой-третьей амортизационных групп. Эти группы включают в себя имущество со сроком полезного использования до пяти лет. В 2010 г. Минфин предложил и вовсе отменить возможность ускоренной амортизации

при лизинге. Для максимального использования лизинга в инвестиционном процессе необходимо вернуть имевшиеся у него преференции, прежде всего возможность ускоренной амортизации по всем группам оборудования, утверждают авторы (13).

Кроме того, Р. Романовский и П. Самиев предлагают законодательно признать оперативный лизинг для возможности его широкого применения в отраслях, где особенно высока инновационная активность. К примеру, современное компьютерное оборудование, которое морально устаревает очень быстро, нуждается в замене гораздо раньше истечения срока его физической амортизации.

Достаточно дать лизинговым компаниям хотя бы небольшие льготы, создать благоприятное институциональное поле и ослабить давление ФНС (в части возврата НДС), и лизинг станет эффективнейшим инструментом модернизации.

Важнейшей составляющей инновационной экосистемы, по мнению Е. Зайцева, должны стать венчурные фонды (11). Однако их развитию и функционированию препятствуют следующие проблемы:

- отсутствие на российском рынке профессиональных институциональных инвесторов. То есть инвесторов, которые дают деньги нам, венчурным капиталистам, – это пенсионные фонды, это фонды фондов, это крупные страховые компании и т.д.;

- недостаток профессиональных венчурных капиталистов. Сегодня здесь функционируют несколько десятков венчурных фондов. Многие регионы считают своим долгом открыть свой региональный венчурный фонд. Практически у каждого олигарха есть свой карманный венчурный фонд. Но вопрос в том, кто будет управлять всем этим капиталом. Дело в том, что венчурный бизнес – это нетривиальный бизнес, и он требует очень высокого профессионализма, считает Е. Зайцев (11).

Даже в Соединенных Штатах, где этой индустрии более 50 лет, доходность более чем 80% венчурных фондов на сегодня отрицательная. Поэтому очень важно привлекать в российские фонды только высокопрофессиональных венчурных капиталистов. Что же касается возможных решений, которые могут сделать российский венчурный капитал привлекательным как для институциональных инвесторов, так и для профессиональных венчурных капиталистов, то и здесь Е. Зайцев видит первоочередную задачу. Она опять-таки в увязке механизмов финансовой инновационной деятельности с общепринятыми международными стандартами и интеграции в глобальный венчурный бизнес.

Опыт модернизации экономики зарубежных стран

Рассуждать об успешности того или иного варианта модернизации вне реального исторического контекста бессмысленно. То, что было хорошо для Японии конца XIX в., очевидно бесполезно для Ирландии начала XXI в. (9).

Само понятие «модернизация» неоднократно трансформировалось на протяжении последних нескольких столетий. Прошлый исторический опыт может быть полезен, если четко понимать, где мы находимся относительно этого самого прошлого. А находимся мы, по-видимому, в завершающей стадии грандиозного цивилизационного перехода, который авторы описывают тремя понятиями: урбанизация – индустриализация – глобализация.

Стремительное расширение мировых рынков, появление новых источников сырья и международное разделение труда придали этому процессу историческую продолжительность и мощь. Чтобы сохранить управляемость, потребовались новые институты – мощнейшие бюрократические аппараты, системы образования, всеобщая воинская обязанность, средства массовой информации, политические системы общественной солидарности и контроля над властью и многое другое. Это в конечном итоге привело к появлению такого феномена, как нация, в качестве главного действующего лица на глобальной мировой арене (9).

Но даже наиболее быстро сформировавшиеся нации, например британская и французская, продолжали модернизироваться. Механизмы, которые были уместны на ранних стадиях модернизации, позже превращались в тормоз. Революции, которые играли важную роль на начальной стадии перехода от аграрного общества к обществу индустриализующемуся, позже практически перестали происходить. Англия, Франция, США (с их Гражданской войной – крупнейшим военным конфликтом XIX в.), Япония, Россия.

Там, где не было революций, их роль сыграли опустошительные войны, которые уничтожили старые элиты, открыв дорогу новым модернизационным элитным группам (таков, например, опыт Южной Кореи и Тайваня). Там, где старые классы остались у власти, глубокой модернизации так и не произошло (наиболее очевидные примеры – некоторые страны Ближнего Востока, Латинской Америки или Филиппины).

Глобальные финансово-экономические потрясения, охватившие большинство стран, в том числе Бразилию, Аргентину и Россию, продемонстрировали исчерпанность различных моделей

инерционного развития, основанных на простом воспроизводстве существующего хозяйственного потенциала (в данном случае – в сырьевых и аграрных отраслях), отмечает П. Яковлев (22).

Более того, сомневающимся в реальности модернизации России нужно приводить пример Китая, который в конце 70-х находился в положении гораздо худшем, чем мы сейчас, но смог добиться быстрого успеха в модернизации не только экономики, но и образа жизни населения, науки, социальной сферы, политической системы за счет понимания слабостей и сильных сторон своей нации, анализа зарубежного опыта, видения оптимального пути в будущее и непреклонной воли в реализации намеченной стратегии.

Китай

Дэн Сяопин вывел Китай на траекторию взлета. Председатель Ху Цзиньтао и премьер Вэнь Цзябао не входили в ближайшее окружение «великого старца», но участвуют в реализации его планов. Они могли бы «рассекретить» технологии подготовки решений в области модернизации экономики, изначально очень похожей на нашу.

Руководители России и Китая встречаются все чаще. Было бы весьма полезно, если бы наряду с обсуждением международных проблем и вопросов двусторонних отношений лидеры обеих стран освоили новые области партнерства и стратегического взаимодействия – модернизации и инноваций, заключают авторы (22).

Для России, по мнению О. Сухарева, будут полезны положительные моменты, которые использовала Китайская Народная Республика для осуществления модернизации экономики (17).

Во-первых, Китай начал преобразование своей страны с решения экономических проблем при стабильной политической системе, сохранив управляемость, необходимую ротацию кадров, омоложение кадров КПК, ведя борьбу с коррупцией.

Во-вторых, руководство Китая прекрасно поняло одну простую мудрость, которая недоступна для понимания многих западных стран: *«Богатство – не в обладании, не в стяжательстве, накоплении и концентрации капитала, а в Пользовании, причем с опорой на широкие массы народа, раскрывая его потенциал, способности, используя его творческую и производительную энергию»*, – отмечает О. Сухарев (17).

Именно недопущение незаконного обогащения одних, а, наоборот, обеспечение вознаграждения в соответствии с вкладом в

общественное воспроизводство, низкий уровень дифференциации по доходам и позволят со временем подтянуть деревенских жителей по уровню жизни к городскому населению. Если расшатать политическую систему либо допустить существенный рост дифференциации по доходам, причем на основе спекуляции, то об успешном развитии можно будет забыть.

В-третьих, начав реформы в конце 1970-х годов, Китай правильно расставил акценты: решение продовольственной проблемы, развитие сельских областей, гибкая политика закупочных цен, оживление внутреннего рынка, емкость которого очень большая за счет стимулирования спроса и развития отечественных производств. Политика «включения» сельскохозяйственного ресурса проводилась параллельно с политикой индустриализации страны. Здесь найден был удачный компромисс и стратегии опоры на собственные силы. 1990-е годы принесли Китаю необходимость развития высокотехнологичных производств и компьютерной техники, увеличение образованности населения.

В-четвертых, национальные традиции и опыт, накопленный КПК, дали свои плоды. Например, «культурная революция» 1966–1976 гг., критика которой сейчас является обычным делом, и которая действительно была неоднозначной, тем не менее заложила основы будущих реформ, в особенности индустриализации на основе новых технологий и импортозамещения. Именно в эти годы строятся основные железнодорожные магистрали, и создается промышленная база современного Китая, ее инфраструктура.

В-пятых, коммунистическая партия ставила задачу – обеспечение потребностей широких слоев населения, предоставление им работы и адекватного вознаграждения за труд, улучшение условий жизни. Причем за счет постепенной активизации инициативы самих людей, их творческих способностей. Эту модель можно назвать «экономикой для людей», а реформа выступала лишь инструментом с четкими целями и политическими механизмами реализации. Здесь же делался акцент на развитие личной собственности, внедрения элементов рыночного поведения при сохранении социалистических идеалов и равноправия.

Позитивную роль, по мнению О. Сухарева, сыграло постановление 1984 г. «О реформе хозяйственной системы», проектирующее долгосрочную стратегию развития Китая. Большим плюсом для Китая выступает использование методов планирования – на кратко-, средне- и долгосрочную перспективы (17).

В 1990-х и особенно в 2000-х годах наблюдался бурный рост китайской экономики, развитие производства, расширение внутренних инвестиций, привлечение иностранных инвестиций, развитие кластеров, где развиваются новые технологии.

В условиях кризиса 2008–2009 гг. программа Китая по его преодолению, по мнению автора, самая успешная, при этом, асимметричная относительно финансовой логики: 13% ВВП выделяется на строительство жилья для бедных, развитие транспортной инфраструктуры, энергетики, сельского хозяйства, высоких технологий. Была понижена процентная ставка, мобилизованы имеющиеся резервы, сохранена стабильность юаня, осуществлены налоговые льготы для инноваций и др.

Сегодня Китай справедливо и верно обеспечивает соотношение между автономностью своей экономической системы и ее открытостью, потому что полномасштабная либерализация, как и приватизация, будут губительны для Китая, считает О. Сухарев.

Стратегия увеличения запаса мировых валютных резервов позволила Китаю уверенно чувствовать себя в условиях мирового финансового кризиса. Происходит активное направление ресурсов села на масштабное строительство дорог и энергетической инфраструктуры Китая, что в условиях финансового кризиса и сокращения мирового спроса, в том числе на продукцию Китая, позволит занять население и обеспечить задачи развития страны на будущее без снижения стандартов потребления, отмечает О. Сухарев (24).

Большой плюс Китая состоит также в том, что его руководство справедливо сомневается в безукоризненности ответов, которые может дать современная экономическая наука и ее так называемые «ведущие» западные специалисты на вызовы нового времени. Свой стиль мышления, управленческий подход к решению проблем, взвешенность и осторожное копирование чужого опыта, принцип планомерного «наращения» результата, стабильность политической системы и действия в интересах широких слоев народа с использованием его интеллекта, традиций, способностей и физической энергии – вот что является основой так называемого Китайского чуда, заключает автор.

Бразилия

Экономическая история Бразилии и России в XX в., по мнению Е. Берлина, имела кое-что общее (2). С 40-х годов до конца 80-х Бразилия делала ставку на государственный капитализм: в эконо-

мике доминировали государственные предприятия, правительство было главным инвестором и держало внутренний рынок на замке.

В Бразилии в то время было больше государственного контроля над экономикой, чем в любой другой некоммунистической стране. Система, однако, работала и до начала 80-х ежегодный рост ВВП в среднем составлял более 6%. Затем началась стагнация из-за проблем с выплатой внешней задолженности и низкой эффективности госсектора.

Бразильский «застой» завершился местным аналогом перестройки, и в 1989 г., впервые за 30 лет, страна голосовала на свободных президентских выборах. Само по себе это не решило никаких проблем: в первой половине 90-х Бразилия продолжала тонуть в массовой бедности, тотальной коррупции, инфляции, исчисляемой в сотни процентов в год.

Однако в 1994 г. министр финансов Кардозу представил «План Реал», который позволил быстро стабилизировать финансовую ситуацию. Год спустя инфляция составила 25,9%, а в 1997 г. – 7,2%, отмечает Е. Берлин (2).

Став президентом в 1995 г., Ф. Кардозу сосредоточивается на двух вещах: приватизации и финансовой дисциплине. Полностью или частично были приватизированы Petrobras (сейчас является пятой в мире компанией по величине чистой прибыли), Telebras, продажа которой в свое время принесла бразильской казне рекордные 19 млрд. долл., Vale – ныне одна из крупнейших горнодобывающих компаний мира.

Впечатляющим примером является успех Embraer. Созданная в 1969 г. государственная компания в первой половине 90-х, как и вся страна, переживала кризис и была приватизирована в 1994 г. В 1996 г. компания продала всего четыре самолета, но уже в 2000-м – 160, а в прошлом году – 244, став третьим после Boeing и Airbus производителем авиатехники.

Целью бразильской приватизации было не создание класса частных собственников, а появление успешных современных предприятий. Вероятно, поэтому она и оказалась успешной, замечает автор.

В сфере финансовой политики государства Кардозу произвел настоящую революцию, обязав федеральное правительство и правительства штатов иметь бездефицитные бюджеты. Штаты и муниципалитеты теперь уже не могли с легкостью залезать в федеральную казну и должны были занимать средства на финансо-

вых рынках, соизмеряя, однако, долговое бремя со своими возможностями обслуживать заем.

Вершиной этих усилий стал закон о финансовой ответственности, согласно которому неэффективное расходование бюджетных средств преследовалось законом в уголовном порядке.

В свою очередь, президент да Силва, сменивший Кардозу на этом посту, сделал решение социальных проблем и развитие внешней торговли приоритными. Были приняты комплексные программы, направленные на повышение занятости, улучшение пенсионного обеспечения, более доступное образование и медицинское обслуживание.

Многие принятые меры выглядят наивно, однако они являются очень эффективными в условиях нынешней Бразилии. Например, детские пособия выдаются при условии, что дети каждый день бывают в школе и не пропускают прививки. Социальные программы не только прописаны на бумаге, но и выполняются, что удивительно для страны, где еще 15 лет назад госаппарат был озабочен лишь извлечением административной ренты.

В результате миллионы людей избавлены от каждодневного решения элементарных вопросов жизнеобеспечения и включены в рыночную экономику. За последние десять лет 50 млн. бразильцев (четверть населения) впервые открыли банковские счета.

Администрация да Силвы существенно облегчила выход на внешние рынки, упростив административное регулирование внешнеторговых операций, а также снизив налоговое бремя. Для экспортеров действуют специальные программы кредитования – в особенности для тех, кто производит высокотехнологичные и инновационные товары.

По данным Мирового банка, с 2000 г. объем экспорта продукции бразильского хайтека почти удвоился – с 6 млрд. долл. до 10,6 млрд. долл. в 2008 г.. Для сравнения: показатели России – 4,2 млрд. долл. в 2000 г. и 5,1 млрд. долл. – в 2008 г. (2).

В последнем списке 2000 крупнейших мировых компаний Forbes2000, опубликованном в апреле 2010 г., значатся 28 российских компаний и 31 бразильская. Российские компании представляют всего семь отраслей промышленности: больше всего из нефтегазовой отрасли и «matiriales», которая, по классификации Forbes, объединяет горнодобывающие и металлургические предприятия.

Бразильские корпорации представляют 17 отраслей, среди которых не только нефтегазовая и металлургическая, но также

аэрокосмическая отрасль, страхование, медиа, пищевая промышленность, отмечает Е. Берлин (2).

В статье годичной давности The Economist назвал Бразилию самым сильным звеном в BRIC, противопоставив ей Россию, которая не экспортирует ничего, кроме нефти и оружия.

Аргентина

Аргентинская модернизационная политика насчитывает уже около полутора столетий. За это время были перепробованы различные модели модернизации и накоплен разнообразный и противоречивый опыт проведения макроэкономических трансформаций различной направленности. Аргентина опередила в данном отношении большинство развивающихся стран. Поэтому изучение и осмысление аргентинского исторического опыта в деле модернизации представляет для нас интерес, считает П. Яковлев (22).

Модернизация по-аргентински на ее первом этапе создала тип экономики, который принято называть «Модель стимулируемого экспортом экономического роста» («The export led growth model»). Главными хозяйственными агентами были крупные землевладельцы и зарубежные компании, поставившие под свой контроль ключевые отрасли промышленности и внешнюю торговлю. Ни те, ни другие не были заинтересованы в углублении процесса индустриализации, поскольку он неизбежно вел к перераспределению ресурсов в пользу обрабатывающей промышленности.

В результате вплоть до середины 1940-х годов индустриализация не приобрела масштабного характера и не сопровождалась приоритетным развитием наукоемких и капиталоемких отраслей, как это происходило в США, Японии, государствах Западной Европы и в Советском Союзе. В Аргентине отсутствовало станкостроение, не были созданы автомобильная и авиационная отрасли, ставшие драйверами экономического роста в других странах. Местная промышленность ориентировалась на приоритетное удовлетворение потребительского спроса, а не на создание средств производства. В этом заключалась главная стратегическая слабость аргентинского модернизационного проекта и основная причина того, что на рубеже 1930-х годов он «выдохся» и уступил место хозяйственному застою.

В середине 40-х годов прошлого века, когда агроэкспортная модель исчерпала себя, правящие элиты во главе с национальным лидером Х.Д. Пероном принялись вырабатывать альтернативную

стратегию экономического развития и формировать новую социальную политику, направленную на модернизацию страны.

При Пероне модернизация затронула главным образом государственный сектор и тот сравнительно узкий круг частных предпринимателей, которые были тесно связаны с властью. Государство все активнее вмешивалось в экономику, включая вопросы регулирования, распределения и ценообразования, что вело к росту коррупции, нарастанию инфляции, возникновению черного рынка. Со временем модель теряла первоначальную динамику и привлекательность и вызывала отторжение у значительной части населения, что облегчало оппозиционным силам борьбу с перонистским режимом и в конечном счете привело к его свержению в 1955 г.

Дополнительный импульс модернизации в рамках импортозамещающей индустриализации был придан на рубеже 1950–1960-х годов правительством А. Фрондиси, которое реализовало целый ряд стратегически значимых индустриальных и инфраструктурных проектов, привлекло крупные зарубежные производственные капиталовложения.

Поступательное развитие этого процесса было нарушено прямым вмешательством армии в политическую жизнь. Страна вступила в затяжной период политической турбулентности и финансово-экономических потрясений. Приметами того времени были регулярные военные перевороты, политические репрессии, расцвет коррупции. Коррупция приобрела *институциональный характер*, т.е. стала системой взаимодействия бизнеса и граждан с государством. В результате аргентинское государство съедало само себя.

Сложившаяся в середине 1970-х годов и просуществовавшая до начала 1990-х годов экономическая система характеризовалась сохранением гипертрофированного государственного сектора и в целом авторитарного хозяйственного режима.

В условиях глобализации аргентинская экономика демонстрировала свою неэффективность, а страна, утратив модернизационный импульс, все больше отставала от передовых государств и перемещалась на обочину мировой экономической системы, отмечает П. Яковлев.

Попытка структурных реформ была предпринята в 1989–1999 гг. (при правительстве К. Менема) в рамках неолиберальной, третьей по счету модернизаторской волны. Экономика оказалась в руках монетаристов, которые не встретили сколько-нибудь организованной и влиятельной оппозиции, что серьезно облегчило реализацию программы жестких рыночных реформ.

Правительство К. Менема провело форсированный демонтаж госсектора и открыло национальное хозяйство международной конкуренции, к которой местные предприниматели не были готовы. Реформы были направлены на снижение прямой социальной ответственности государства, что противоречило аргентинской традиции, сложившейся во времена первого правления перонистов и в основных чертах сохранившейся до начала 90-х годов прошлого века.

В 1990-х годах экономика страны в значительной степени формировалась и, более того, регулировалась за счет внешних финансовых потоков, включая большие объемы так называемых «горячих денег». При этом основной формой прямых иностранных инвестиций стали слияния и поглощения местных компаний. Нараставшая уязвимость экономики требовала целенаправленных мер по защите национальных интересов, но правящие круги продолжали увеличивать внешнюю задолженность.

Обобщая аргентинский опыт, П. Яковлев отмечает, что ни один из трех проектов модернизации не отвечал в полной мере стратегическим интересам нации, хотя каждый содержал конструктивные элементы. Этапы (волны) модернизации сменялись периодами застоя и стагнации, что стало одной из главных причин технико-технологического и хозяйственного отставания от индустриально развитых государств (22).

Нынешний этап модернизации носит синтетический характер – включает в себя отдельные элементы, присущие прежним проектам и отражает специфику современной парадигмы модернизации национальных экономических структур.

Аргентинские власти, декларативно отрицая неолиберальную модель, де-факто воспользовались ее плодами. Они опирались на весь предшествующий опыт и извлекли уроки из периода рыночных реформ и кризиса 2001–2002 гг. Это позволило стране добиться высоких темпов роста ВВП, сократить долговую нагрузку на экономику, обеспечить резкое увеличение экспорта и активное внешнеторговое сальдо, нарастить валютные резервы, сдержать спираль инфляции.

В современной аргентинской стратегии модернизации просматриваются две цементирующие идеи: *повышение роли государства* и *диверсификация экономики*. Она предполагает надстраивание над сложившейся (в данном случае диверсификация не означает отказа от сельскохозяйственной) специализацией расширяющегося сегмента производства нетрадиционных товаров и услуг, включая изделия глубокой переработки и наукоемкую продукцию.

Ощутимые успехи были достигнуты в таких областях, как биотехнологии, программное обеспечение, нанотехнологии, производство возобновляемых источников энергии. В частности, страна стала пятым в мире производителем биотоплива и крупнейшим его экспортером. Впервые в истории Аргентина вышла на мировые рынки с товарами горнодобывающей промышленности: медь, золото, серебро, литий. Крупнейшие международные майнинговые компании реализуют (или готовы реализовать) порядка 400 инвестиционных проектов, что превращает страну в значимого экспортера ряда востребованных видов горнорудной продукции (22).

В целом страна выбирает «экономику знаний», но при этом не отказывается от опоры на традиционные отрасли хозяйства, которые адаптируются к требованиям сегодняшнего дня и наполняются достижениями «новой экономики».

Показателем успешности новой модернизационной модели стала антикризисная политика Буэнос-Айреса в ответ на глобальные финансово-экономические потрясения 2008–2009 гг., включавшая в себя ряд антикризисных мер:

- наращивание объема государственных инвестиций и увеличение государственного потребления, чтобы компенсировать провалы рынка;

- накачка ликвидности и помощь банковской системе, в частности, путем увеличения кредитов Центробанка и понижения ставки рефинансирования;

- предоставление государством «мягких» кредитов малому и среднему бизнесу;

- формирование линии субсидируемого государством ипотечного кредитования;

- расширение потребительского кредитования;

- принятие мер по стимулированию экспорта, в частности, некоторое снижение экспортных налогов;

- усиление контроля над импортом ряда «чувствительных» товаров массового спроса с целью защиты интересов местных производителей;

- повышение уровня средней заработной платы и минимальной пенсии (на март 2010 г. эти показатели составили, соответственно, 800 и 245 долл.).

Несмотря на резкое ухудшение внешней конъюнктуры, аргентинская экономика в целом выдержала удары кризиса. ВВП и промышленное производство даже немного выросли, что отличало

Аргентину от большинства развитых стран, продемонстрировавших падение.

Как показывает аргентинский опыт, модернизация – сложный и длительный процесс, занимающий десятилетия. Аргентина в настоящее время находится в начале пути. Определены основные цели и контуры модернизации, формируются ее главные условия и механизмы, образуется критическая масса агентов инновационного развития. Страна выходит на старт очередного модернизационного рывка, заключает П. Яковлев (22).

Список литературы

1. Башкатова А. Модернизация России – головная боль Евросоюза. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2010-06-04/1_modernize.html
2. Берлин Е. Модернизация по-бразильски. – Режим доступа: http://expert.ru/2010/10/07/moderniz_po_brazil/?esr=17
3. Власова О. Кризис помог России задуматься о модернизации // Эксперт Online. – № 6(47) 09.20.10. – Режим доступа. – http://www.expert.ru/2010/09/20/krizis_pomog/
4. Гришанков Д., Волков С., Самиев П. Кто оплатит модернизацию? // Эксперт. – № 39(723), 04.10.2010. – Режим доступа: http://www.expert.ru/printissues/expert/2010/39/kto_oplatit_modernizaciyu/
5. Дайджест: Эксперты и политологи о модернизации. – Режим доступа: <http://www.politonline.ru/politika/1718.html>
6. Делягин М. Китайский путь для России – «неосталинизм» // Русский журнал. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1261775040>
7. Игонина Л.Л. Формирование финансового механизма модернизации российской экономики // Фундаментальные исследования. – М., 2007. – № 9 – С. 116–123.
8. Лебедев В. Деньги есть, ума не хватает // Эксперт. – № 38(722), 27.09.10. – Режим доступа: http://www.expert.ru/printissues/expert/2010/38/dengi_est_uma_ne_hvataet
9. Модернизация в предлагаемых обстоятельствах // Эксперт. – № 1(687) 28.12.09. – Режим доступа: http://www.expert.ru/2009/12/28/modernizaciya_v_predlagaemuh_obstoyatelstvah
10. Модернизация экономики требует пересмотра механизмов госфинансирования. АЛЪЯНС МЕДИА. – Режим доступа: <http://allmedia.ru/newsitem.asp?id=879733>
11. Оганесян Т. Не такое уж страшное Сколково // Эксперт. – № 50(734), 21.12. – Режим доступа: <http://www.expert.ru/expert/2010/50/ne-takoe-uzh-strashnoe-skolkovo/>
12. Рар А. «Россия все больше и больше понимает – ей придется ориентироваться на Запад». – Режим доступа: <http://www.gpf-yaroslavl.ru/viewpoint/Aleksandr-Rar-Rossiya-vse-bol-she-i-bol-she-ponimaet-ej-pridetsya-orientirovat-sya-na-Zapad>

13. Романовский Р. Самиев П. Дайте свободу лизингу // Эксперт. – № 39(723), 04.10.10. – Режим доступа: http://www.expert.ru/printissues/expert/2010/39/svobodu_lizingu/
14. Российское общество не готово к задуманным Кремлем преобразованиям // «Око планеты». – Режим доступа: <http://oko-planet.ru/politik/politikrus/49499-vragi-modernizacii.html>
15. Стратегическое партнерство плюс инновации. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2010-09-24/3_kartblansh.html
16. Сухарев О.С. Модернизация экономики России: реальные проектировки или умозрительное словоблудие? // Капитал страны: Издание об инвестиционных возможностях страны. – Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/articles/176234>
17. Сухарев О.С. Экономическая наука, кризис и развитие России – II. – Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/articles/article/174206>
18. Шохина Е. От слов к делу // Эксперт Online. – № 40(724), 08.10.10. – Режим доступа: http://expert.ru/2010/10/8/slovo_delo/
19. Экономическая наука, кризис и развитие России – I. – Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/articles/article/174183>
20. Эксперты: Модернизация экономики по зарубежному образцу в России невозможна. – Режим доступа: [http://blog.soaringhawk.name/eksperty-modernizaciya-ekonomiki-po-zarubezhnomu-obrazcu-v-rossii-nevozmozhna.html\(2\)](http://blog.soaringhawk.name/eksperty-modernizaciya-ekonomiki-po-zarubezhnomu-obrazcu-v-rossii-nevozmozhna.html(2))
21. Юргенс И. Модернизация всей экономики разом невозможна // Управление персоналом. – 28.10.2009. – Режим доступа: <http://www.top-personal.ru/pressissue.html?21490>
22. Яковлев П. Пути модернизации: аргентинский опыт. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oykumena/ekdom/puti_modernizacii_argentinskij_opyt_2010-02-24.htm
23. Bancroft-Hinchey T. Russia's Economic Recovery Priorities Focus on Modernization and Innovation // Pravda. – 20.04.2010. – Mode of access: <http://www.themarketoracle.biz/Article18813.html>
24. Bonze E. Russia Opens: Politics and Economics – Policy of Liberalizing // Handelsblatt – 31.05.2010. – Mode of access: http://www.handelsblatt.com/media/suche/_p=212,query=erich%2520bonze%252031.05.10
25. Inozemtsev V. European Standard for Russia's Modernization // The Moscow Times. – 07.09.10. – Mode of access: <http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/european-standard-for-russias-modernization/414949.html>

Б.Г. Ивановский

«СКОЛКОВО» – ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОРЫВ ИЛИ КОРМУШКА ДЛЯ «РЕФОРМАТОРОВ?»

Правовая и налоговая экстерриториальность

21 сентября 2010 г. Госдума приняла в третьем чтении законопроект «Об инновационном центре “Сколково”». Затем документ был одобрен Советом Федерации. Экспертное сообщество задается вопросом: будет ли работать заложенный в этом проекте экстерриториальный принцип и не станет ли он офшором для «левого» бизнеса?

Законопроект «Об инновационном центре “Сколково”» был внесен президентом в Госдуму 31.05.2010 г. В нем проект Сколково определялся как обособленная территория, на которой созданы специальные условия для исследований и разработок инновационных компаний. Закон определяет общие положения, согласно которым будет функционировать инноград: территорию центра, его инфраструктуру, поселение в Сколково и полномочия управляющей компании (12).

В первом чтении законопроекта депутатам не понравилось определение резидента инновационного центра. Документ определял участника проекта как «российское юридическое лицо, созданное исключительно для цели осуществления исследовательской деятельности». Далее уточнялось: законодатель понимает исследовательскую деятельность как «осуществление участником проекта исследований и разработок и коммерциализации их результатов». Но, по мнению депутатов, уточнение не вносило ясности в вопрос о том, какая все-таки цель проекта – наука или бизнес?

Рекомендуемые поправки не нашли отражение в принятом Госдумой в третьем чтении документе – как определение участника

проекта, так и определение исследовательской деятельности остались без изменения.

При подготовке законопроекта ко второму чтению депутатам пришлось иметь дело с двумя пакетами поправок – от правительства и от администрации президента. Поправки из администрации пришли за день до второго чтения, что лишило депутатов возможности внести правки, отмечает И. Пономарев (12). В результате, при определении принципа экстерриториальности возникла путаница. В то время как отдельный пункт закона позволял проектам до 2014 г. не присутствовать в Сколково, в других пунктах закона это присутствие предполагалось.

Как выяснилось, третье чтение законопроекта не сняло этого противоречия. Так, например, лицо, осуществляющее реализацию проекта Сколково, определяется в принятом законе как «управляющая компания, дочернее общество управляющей компании, участник проекта, иное юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, осуществляющие деятельность по реализации проекта, <...> а также физическое лицо, осуществляющее трудовую деятельность на территории Центра».

В документе также недостаточно четко прописаны принципы работы сколковского фонда с компаниями. По мнению И. Пономарева, если в дальнейшем это не будет сделано, у фискальных органов появится возможность трактовать неточности закона в свою пользу.

Объективно экстерриториальность – это хорошо, однако «если в нашей стране появляется щелка, в нее тут же пролезают слоны и закрывают ее», предупреждает И. Родионов (12). Проблема в том, что такого рода льготы не всегда удастся правильно администрировать. Это связано скорее не с самим законопроектом, а с его применением.

«Сколково» – ультрасовременный научно-технологический комплекс по разработке и коммерциализации новых технологий. Как ожидается, он будет построен вблизи деревни Сколково, в восточной части Одинцовского района Московской области, в двух км к западу от МКАД на Сколковском шоссе. Территория «Сколково» – 370–380 га. Всего из федерального бюджета на проект планируют выделить 170 млрд. руб. (12).

Центр должен одновременно заниматься исследованиями по пяти приоритетным направлениям модернизации – энергетика, информационные технологии, телекоммуникации, биомедицинские технологии, ядерные технологии. В «Сколково» будут дейст-

водить особые правовой, налоговый, таможенный и административный режимы. Также предлагается освободить организации, участвующие в проекте, от уплаты НДС в течение десяти лет со дня регистрации.

Проект «Сколково» должен стать отправной точкой для перевода экономики России на инновационные рельсы. Для этого, по мнению В. Вексельберга (2), инноград должен обладать следующими элементами:

1. Академическая наука, филиалы ведущих институтов.

2. Главным и основополагающим элементом должен стать образовательный исследовательский центр. Это университет, который придаст всей системе образования новое содержание. Выпускники этого университета должны быть ориентированы на то, чтобы самостоятельно, либо в составе группы, производить и реализовывать интеллектуальный продукт.

3. Представительства крупных компаний. Это необходимо, чтобы выстроить цепочку между бизнесом, коммерциализацией и наукой.

4. Инкубатор, связанный с поддержкой «стартапов», сосредоточенных на поддержке малого бизнеса.

5. Инфраструктурная среда, которая необходима для осуществления всего процесса инновационной деятельности в целом. Это должен быть город, удобный для жизни и отдыха. Здесь должны быть и образовательные, и медицинские, и развлекательные учреждения.

Все вместе это должно обеспечить «непрерывный процесс генерации и реализации инновационных идей, создания и продажи интеллектуального продукта», считает Вексельберг (16). «Каждый год даешь по одному Google – это лозунг, приблизительно выражающий то, чего бы нам хотелось сделать в итоге», – объяснил он цели проекта «Сколково».

Создание Кремниевой долины – это наиболее выигрышные направления реализации научно-технического потенциала: есть определенный задел, чтобы быстро выдвинуться вперед, однако, существует крайняя необходимость в развитии этих отраслей. Но тут важно понимать, что на нем ограничиваться нельзя, одним инноградом российскую экономику из прошлого века не вытянешь. Таких мест от силы нужны десятки, делает вывод Н. Масленнов (15).

Эффективности в работе «Сколково» можно достичь, если инновационный центр будет сочетать в себе два обязательных компонента: физический (научно-исследовательская деятельность и кадро-

вая базы) и виртуальный, т.е. благоприятная бизнес-среда. Созданием этой среды нужно заниматься уже сегодня, убежден Л. Райт (10).

Новые бизнесы и будущие технологические проекты должны обеспечивать выгоду для пользователей и инвесторов, делать ставку на общественные нужды и давать больше прибыли, чем нынешние. Во всех «прорывных» сферах требуются инновации, а не постепенные улучшения. И новые проекты смогут стартовать, если нужда в инновациях превратится в спрос на новые продукты, полагает А. Галицкий (10).

Кремль заинтересован в сотрудничестве по развитию Сколково с иностранными технологическими компаниями, исходя не только из благих намерений, считает американский эксперт по информационной безопасности Д. Карр (11). Среди тех, кто получит выгоду от этого «огромного горшка с медом», будут спецслужбы, которые отслеживают каждый байт в Интернете. «Если надо устроить подслушивание на объекте, – поясняет он, – то лучше всего сделать это еще на стадии его строительства». По мнению эксперта, Сколково станет «хитом» с точки зрения сбора информации.

Руководители фонда «Сколково» огласили список первых 16 официально одобренных участников проекта (резидентов центра), инновационные разработки которых планируется реализовать в ближайшем будущем (9). В основном это молодые стартап-компании, но не были обойдены вниманием и представители инновационных центров, давно зарекомендовавших себя в хайтеке («Инноград Пушкино», Международный центр квантовой оптики и квантовых технологий, НТЦ тонкопленочных технологий при ФТИ им. Иоффе и разработчики софта из корпорации АBBYY).

«ЛУКОЙЛ» станет одним из основных соинвесторов инновационного центра «Сколково». Совместный проект предполагает перенос туда ряда управленческих функций «ЛУКОЙЛа», а с 2014 г. российский нефтяной гигант планирует разместить здесь свой инновационный центр, управляющий деятельностью компании в сфере НИОКР (9).

Универсальный меморандум о взаимопонимании был заключен фондом «Сколково» и с ГК «Росатом», который обязался определить перечень своих лабораторий и установок для коллективного пользования научными группами, участвующими в реализации проекта. Кроме того, «Росатом» обязался создать в Сколково универсальный исследовательско-технологический центр, базирующийся на ускорительном комплексе; отдельное научно-техническое подразделение для реализации приоритетных инновацион-

ных направлений и, наконец, центр обработки данных на основе суперкомпьютеров (9).

«Инновационный заповедник» в Сколково получает беспрецедентные налоговые послабления: нулевые ставки налогов на прибыль, на имущество организаций и на землю, отмечает Л. Рудницкий (14). Платеж на обязательное социальное страхование составит 14% (действующая в России общая ставка в 26%, а с 2011 г. увеличивается до 34%). Подоходный налог работники инновационных компаний будут платить по обычной ставке в 13%. Платежи в фонды социального и обязательного медицинского страхования составят 0%. Кроме того, резидентам «Сколково», ведущим инновационную деятельность, будет дано право выбора – быть или не быть плательщиками НДС на этой территории.

Предложенный фискальный режим представляется, по мнению П. Медведева, максимально благоприятным (14). Однако вряд ли его хватит для полноценного запуска Сколково. «Если смотреть на опыт Силиконовой долины, который мы пытаемся повторить, то там люди начали свой бизнес не из-за льгот, а потому, что получали заказы от государства, которые они смогли сообща выполнять», – заключает эксперт.

Создаваемый международный инновационный центр в Сколково будет иметь особый правовой режим, который гораздо либеральней, чем действующее российское законодательство, подчеркивает Э. Набиуллина (14). «Предлагается, чтобы особенности правового режима (в Сколково) устанавливались отдельным законом. Этот закон вводил бы следующие особенности. «Во-первых, это налоговые и таможенные льготы. Во-вторых, упрощенные градостроительные процедуры. В-третьих, упрощенные правила технического регулирования. В-четвертых, специальные санитарные правила и правила пожарной безопасности. В-пятых, облегченные условия взаимодействия с органами власти»,

Это, по-видимому, означает, что мозги ученых, оказавшихся в окружении всех этих пяти условий, начнут работать с удвоенной эффективностью и засыпят нас инновациями, считает Р. Рудницкий (14). Чтобы стать участником фонда, требуется специальная регистрация юридических лиц на территории Сколково. Участники фонда должны реализовывать один или более проектов, которые будут подвергаться специальной процедуре отбора с привлечением экспертов, в том числе иностранных.

Статус участника будет устанавливаться включением в специальный реестр. Срок обладания статусом участника составляет

десять лет с момента его приобретения, утверждает Э. Набиуллина (14). Земельные участки, на территории Сколково будут находиться в собственности фонда, и не будут передаваться третьим лицам и даже участникам проекта.

Обращает на себя внимание, что обо всем говорится в будущем времени. Это означает, что вся правовая база создается одновременно по всем направлениям, что исключает, по мнению Р. Рудницкого (14), возможность ее качественного согласования.

Такие беспрецедентные льготы могут вскружить голову всем оптовым торговцам ширпотребом, которые кинутся искать у себя, не заваялось ли у них чего-нибудь инновационного или того, что можно за него выдать, чтобы зарегистрироваться в Сколково и получить вожаемые льготы, считает автор.

Определенные сомнения на этот счет есть и у создателей проекта. Так, В. Вексельберг, считает, что государство, предоставляя льготы участникам проекта, идет на определенный риск (14). «Это та обеспокоенность, которую на этапе согласования высказывал Минфин. Но структура организации деятельности в Сколково фактически не оставляет никакой возможности для появления в рамках проекта компаний, которые будут осуществлять нецелевую деятельность».

Оспаривая этот тезис, Р. Рудницкий предполагает, что в таком недоработанном законодательстве, каким обещает быть сколковское, всегда существуют лазейки, которыми непременно воспользуются ушлые юристы. Битвы за регистрацию в Сколково еще впереди, и в недалеком времени мы можем с удивлением обнаружить среди его участников «дочек» тех компаний, которые никакими инновациями никогда не занимались и не занимаются.

Необходимо, чтобы участниками проекта становились организации, которые действительно занимаются исследовательской деятельностью, а не те, что лишь имитируют инновационную активность, отмечает Ж. Алферов (1). Эти функции возложены на утвержденный президентом России Консультативный научный совет в рамках Фонда развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий. А сам фонд определен президентом России в качестве управляющей компании, на которую возложена реализация проекта.

В уставе фонда определено шесть позиций, которые определяют деятельность Консультативного совета, сопредседателями которого назначены два лауреата Нобелевской премии —

Ж. Алферов и Р. Конберг. В функции Консультативного совета входят следующие обязанности:

1) координация научной деятельности, осуществляемой в рамках проекта;

2) рекомендации по методологии проведения экспертизы проекта;

3) рекомендации по взаимоотношениям с представителями научной общественности в целях привлечения их к реализации проекта;

4) организация конференций и семинаров по направлениям, связанным с реализацией проекта;

5) рекомендации Совету фонда в отношении перспективных направлений исследований и разработок, которые могут осуществляться в рамках проекта;

6) рекомендации Совету фонда в отношении организации образовательной деятельности.

Низкий спрос на инновации

Проект Сколково является здоровым с точки зрения мирового опыта, считает А. Чубайс (20) Для серьезного движения к модернизации и инновационной экономике необходимо получение нового качества, которого нет в действующих сегодня технопарках, наукоградах.

Соглашаясь с этим тезисом, В. Найшуль отмечает, что не смотря на активные попытки искусственного моделирования государством благоприятных условий для инновационной активности, ключевой проблемой в обозримой перспективе, по мнению большинства экспертов, остается обеспечение устойчивого спроса на инновации. «Надо трезво осознавать, что наша общая культура спроса не настроена на инновации еще со времен Петровских реформ» (9). «В советское время этот спрос создавался исключительно государством (прежде всего – через военный заказ), а после развала державы буквально за два-три года практически обнулился, и теперь “младореформаторам” предстоит создавать его заново».

Этот тезис поддерживает И. Агамирзян (2), утверждая, что «на уровне бытового потребления в России инновационный спрос действительно очень высок, однако, когда мы говорим о нашей бизнес-среде, картина, к сожалению, получается совершенно иная. «Практически нет ни российских компаний, способных его удов-

летворять своей продукцией, ни, что еще печальнее, тех, кто сам предъявляет активный спрос на инновации».

Однако с данным подходом не согласен С. Воскресенский (9), полагая, что «с российским народом на самом деле все в порядке, более того, по мнению многих зарубежных аналитиков, он один из самых инновационно-восприимчивых в мире, особенно по части различных новинок на рынках бытовой техники».

Идея создания на территории центра подразделений, подчиненных непосредственно федеральным органам исполнительной власти, представляется эксперту перспективной. В частности, «филиал» Роспатента, который будет работать в сфере защиты интеллектуальной собственности – изобретений и ноу-хау, поможет решить проблемы с защитой прав на интеллектуальную собственность.

При этом, по мнению А. Кузнецова (5), возникает несколько вопросов. «Первый – все это происходит на отдельной территории, а что делать с остальной Россией? Создавать управляющую компанию? И второй – интересы В. Вексельберга в участии в таком уникальном проекте более или менее понятны. Интересы чиновников, которые смогут воспользоваться новыми возможностями для удовлетворения собственных интересов, тоже. Но куда будут двигаться возвращенные проекты (предприниматели) дальше, после выхода из зоны особого благоприятствования? В какую среду они попадут? Какова будет их судьба? Не будем ли мы снова, как во времена СССР, готовить интеллектуальный и кадровый резерв для стран Запада? Этого очень хочется избежать», – отмечает автор.

В связи с этим разработчикам было бы весьма полезно детально ознакомиться с системой функционирования так называемых ЗАТО (закрытых административных территориальных образований), существование которых в свое время принесло советскому государству огромные дивиденды от развития фундаментальной науки и привело к качественно иной эволюции технологий и внедренческих проектов, советует А. Айвазов (5).

«Принципиальное отличие проекта “Сколково” от “ЗАТО” кроется в фундаментальных принципах построения базы для развития эффективной системы развития инновационных бизнесов. Мы как всегда идем вопреки здравому смыслу и ставим акцент на стимулировании спроса через развитие предложения, а не наоборот. “Сколково” ориентировано на “вселенское” знание организаторов проекта о том, “что действительно нужно экономике”».

При этом фантастические суммы денег налогоплательщиков, более 60 млрд. руб., не считая потерь на налоговых льготах, пла-

нируется направить на освоение посредством возведения очередных «памятников истории» из металла и бетона.

Идеологи проекта, по утверждению А. Айвазова, совсем не хотят стимулировать инновационное развитие через государственные заказы. «Ведь так сложно сконцентрировать эти финансовые потоки в одних единственно верных руках. Теперь, видимо, все государственные корпорации срочно “перекрасятся” в управляющие компании и дочерние общества», — отмечает эксперт.

При этом конечная цель Сколково — не инновации. Главное — создать хорошо оплачиваемые рабочие места в высокотехнологичных отраслях. Выбранный способ достижения этих целей — организация многочисленных успешных компаний в среде Сколково. Для этого нужно сосредоточить в одном месте критическую массу инженеров и научных работников, считает Б. Паркер (7).

Сколково должно стать образцом для руководства в регионах, стремящихся создать эффективную экосистему: она подстегнет успешное создание и рост компаний, сосредоточенных на инновационных продуктах и услугах, и в ней будут отработаны модели государственного участия и регулирования всего процесса. А по мере создания работоспособных моделей в Сколково возникает возможность перенести их на всю экономику, считает Х. Халиль (7).

Вместе с тем, если в результате создания такой зоны не возникает положительного эффекта, выходящего за ее пределы, все вложенные усилия окажутся бесполезными. Пока не ясно, каким образом деятельность Сколково будет интегрирована в российскую экономику в целом, и как она связана со всем остальным процессом модернизации. Если Сколково окажется изолированным объектом, то весь проект можно будет считать неудачным, отмечает Х. Халиль.

Кто главнее в Сколково — наука или бизнес?

Российской «Силиконовой долине», по мнению экспертов немецкого издания Deutsche Welle, в Сколково в ближайшее время грозит полный провал. Для мощного прорыва на мировой рынок технологий необходим не очередной российский или советский наукоград, а «золотой прииск», способный стать не кузницей ученых, а кузницей миллионеров в области технологий, при этом условии пойдут инновации в Сколково (17).

Поэтому засилье «фундаменталистов» в Сколково с научными регалиями и орденами, учеными степенями — для россий-

ской «долины» путь в никуда, считает немецкое издание. В мире инвестиций в технологии ценится не научное открытие, а умение сделать прикладное открытие и довести его до конечного потребителя, убедив его в необходимости и целесообразности использовать данное изобретение. Именно по этому пути создаются аналоги Силиконовой долины в Израиле и в Индии.

Следовательно, в Сколково должны править не ученые мужи, а венчурные капиталисты. В стране, погрязшей в коррупции, ориентироваться надо на заказы не государства, а мирового рынка, глотающего все новинки и превращающего их в капитал.

У Сколково будущее возможно при наличии средств частного бизнеса, а отнюдь не государственных. На первом месте должны стоять инвестиции, большие деньги, серьезные заказы и быстрое их исполнение, считают эксперты (17).

Противоположной позиции придерживается Н. Масленников. Самое слабое звено в проекте российской «Кремниевой долины» – низкая интенсивность консультаций авторов проекта с экспертным и научным сообществом, считает эксперт (15).

Привлечение ученых с опытом успешной работы необходимо, и первое, что следует делать, – интегрироваться в глобальное научное пространство и бизнес, уверяет эксперт. «Сколково должно изначально развиваться в этом направлении. Логика, что сначала мы чего-то там создадим, а потом встроимся, изначально проигрышная. Это вызов, с которым проектантам придется столкнуться в любом случае». Без решения этой проблемы Сколково может превратиться в обыкновенную «шарашку».

В реализации столь масштабного и важного для России проекта очень важны гласность и публичность, убежден К. Бесчетнов (3). Участие гражданского общества и публичное обсуждение самой схемы запуска этого проекта, по его мнению, только повышает его эффективность. Только это все нужно стимулировать, привлекая структуры, которые могут быть заинтересованы в реализации проекта.

Главными препятствиями на пути к инновационной экономике является вовсе не взаимное недопонимание между учеными и бизнесменами, а гораздо более важные причины, утверждает И. Николаев (18). «Даже в случае коммерческого успеха отобранных проектов мы получим еще один патронируемый государством наукоград – причем далеко не самый лучший», – полагает эксперт.

На вопрос, что будет главным в Сколково – наука или бизнес, даже члены рабочих групп и комиссий по модернизации при президенте страны отвечают по-разному. Так, В. Сурков заявляет: «Уже ясно, что в центре не будет фундаментальных исследований. В нем должен закрепиться квалифицированный инвестор, специализирующийся на инновациях и коммерциализации технологий» (18).

В свою очередь С. Левченко полагает, что для развития науки в Сколково должно быть льготное налогообложение, бесплатная земля и так далее (3). Сейчас требовать, чтобы наука давала какие-то непосредственные прибыли или поступления в бюджет, по его мнению, неправильно. Наука должна открывать новые горизонты. У нас уже была идея «титановой долины» в Свердловской области, были многочисленные свободные экономические зоны – все они в науку ничего не привнесли.

В связи с этим, для того чтобы Сколково стал «инкубатором идей» следует привлекать молодых, талантливых, дерзких и ищущих, считает А. Бондаревский (13). Однако талантливые или уехали, или, как Перельман, сидят где-то по углам. Рваться же первыми в Сколково, разумеется, станут не самые талантливые, а самые пробоивные вкупе с блатными, женами, детьми и внуками.

В лабораториях советских НИИ и КБ на дюжину статистов приходилось по два-три результативных специалиста. Но власть шла на это – оплачивала всех, чтобы работали эти двое или трое. Организаторам Сколково придется идти на такие издержки, чтобы получить результаты.

Нужен в Сколково еще и свой вуз физико-химико-технического профиля, такой как Московский государственный институт электронной техники, что в Зеленограде. Именно такой вуз, а не наличествующая в Сколково школа бизнеса, которая представляет собой очередную «школу управления» (13).

Ведь отцы-основатели думают уже, как повыгоднее подать и продать отсутствующие еще изобретения-открытия, и как для этого ввести льготный налоговый режим, и как забор повыше поставить. А продавать-то пока без ученых с инженерами нечего. В наличии лишь шкура неубитого медведя.

Так что без специалистов ничего не получится. «И менеджеры-маркетологи-мерчендайзеры, а также всякие экономисты, финансисты, юристы, цвет нации – кадры нашей и школы бизнеса, при всех их виртуальных достоинствах здесь будут не помощниками, а балластом. Они будут стоять за спинами работающих, открытия-

изобретения требовать, и изнывать от безделья в ожидании неизвестно чего», – считает А. Бондаревский (13).

Многие эксперты высказывают опасение: не получится ли так, что, когда Сколково начнет работать по полной программе, произойдет вымывание молодых, хороших инноваторов. На этот счет Д. Медведев призывает не волноваться: «Целью Сколково является развитие людей и предоставление им дополнительных возможностей. Если нет такой возможности в других местах, то они могут приезжать в Сколково на два-три года, а потом возвращаться обратно. Такой обмен кадрами нам необходим, поэтому бояться Сколково не надо, надо отпускать туда людей». Кроме того, президент не исключил, что в будущем могут появиться и региональные филиалы Сколково, к нему уже поступают предложения от глав регионов (9).

Строительство инновационного центра «Сколково» началось с изъятия у одного из старейших научно-исследовательских НИИ Подмосквья нескольких сотен гектаров земли. Решение забрать землю у НИИ под строительство иннограда вызвало резкое недовольство ученых. Генетики и цитологи, у которых отбирают пахотные земли, которые они возделывали в течение более 80 лет, оценивают собственные издержки в миллиарды руб. Все протесты ученых-генетиков, письма и видеообращения к президенту и премьер-министру ведущих академиков Российской сельскохозяйственной академии изменить ситуацию не смогли (16).

Проект инновационного центра в Сколково все чаще сравнивают с сочинской Олимпиадой. Строительство «города будущего» под Москвой и подготовка к спортивному мероприятию всемирного масштаба подаются как символы национального возрождения, отмечает В. Штырхунов (3).

О Сколкове говорят в основном всего лишь красивые, но малозначащие слова. Более того, когда и премьер, и президент говорят о том, что надо, в первую очередь, финансировать, стимулировать научные исследования, которые заведомо представляют коммерческий интерес, это свидетельствует о глубочайшем непонимании самой сути научного процесса, полагает В. Бабкин (3).

Мировой опыт создания инноградов

Строительство инновационного центра в Подмосквье – не первый проект подобного рода в мировой практике. В связи с этим модернизаторам следует учитывать опыт зарубежных стран в этой

области, который является весьма успешным. Несколько лет назад В. Путин посетил Бангалор, который называют столицей индийской «Силиконовой долины». Не исключено, что именно тогда, по мнению А. Володина, и возникла идея «Иннограда» в Сколково (3). В Индии аналогичный проект уже успешно реализован. Сегодня более 50% компаний американской «Силиконовой долины» пользуются услугами аутсорсинга и почти половина этих работ выполняется как раз в Индии.

Что касается России, то автор выделяет Екатеринбург и Новосибирский академгородок, где органично соединены наука и образование. На базе Академгородка вполне можно развивать технопарки.

Существенную роль в успешной реализации проекта индийской «Силиконовой долины» сыграла правильная государственно-частная стратегия, заключавшаяся в осуществлении следующих принципов.

– Государство вкладывало определенные инвестиции, создавало преференции для развития информационных производств. И именно государство определило место их размещения.

– В Индии, в отличие от России, не были разрушены индустриальные производительные силы. Именно на этой базе создавались постиндустриальные инновационные технологии. Почему в Индии пошла информационная революция? Потому что они не разрушали производительные силы. У нас же в России научно-технические и индустриальные производительные силы были разрушены. Возникает вопрос – на какой базе создавать инновационную экономику?, заключает А. Володин (3).

В деле создания подобных экономических зон Россия отнюдь не «пионер», утверждает Х. Халиль (7). Что-то подобное было в Китае. Там создали специальные экономические зоны, пообещав зарубежным транснациональным компаниям, что те получают крупные преференции от государства, если организуют сборку и производство собственной продукции на территории этих свободных зон. «Успех был ошеломительный. Разница заключается в том, что уровень зарплат в России слишком высок для того, чтобы конкурировать с дешевой азиатской сборкой, а именно с этой деятельности начали в Китае».

Иннопроект Сколково также несопоставим и с Силиконовой долиной в США. В России особая зона делается для того, чтобы создать тепличные условия, чтобы оградить инноваторов от недостатков базовой экономики, от неблагоприятной деловой среды. Ни

для кого не секрет, что в российской базовой экономике наблюдаются функциональные недостатки, которые, в частности, мешают российским инженерам и ученым разрабатывать инновации на родине. В Америке же базовая система изначально сама по себе нормально функционировала, там не отгораживались от неблагоприятной внешней среды, скорее, пытались создать критическую массу научных центров в одном месте.

Вместе с тем сам по себе модернизационный проект «Сколково» вряд ли изменит правила игры, но благодаря его осуществлению россияне смогут увидеть, что дела можно вести по-новому, а сами по себе новые идеи, которые будут рождаться в Сколково, могут стать мерилom будущего успеха, полагает Р. Саква (4).

Американская Кремниевая долина стала центром развития многих электронных технологий во второй половине прошлого века, утверждает Ж. Алферов (1). И о ней не случайно так много говорят в связи со «Сколково». Феномен объясняется во многом тем, что У. Шокли, которого называют Моисеем Кремниевой долины, привел туда замечательную команду и новые кремниевые технологии.

Конкретным ответом СССР на Кремниевую долину, на их технологический прорыв Ж. Алферов считает Зеленоград. В условиях плановой экономики, при существенно меньших итоговых затратах мы создали очень эффективный проект. Там было все: завершающие предприятия микроэлектроники, КБ и завод технологического оборудования. НИИ и завод «ЭЛМА» для производства необходимых материалов. Все предприятия были технологически взаимосвязаны. В результате Зеленоград позволил нам держать уровень – на протяжении 20 с лишним лет мы сохраняли конкурентоспособность на мировом уровне.

Что касается Академгородка в Новосибирске – там действительно были созданы очень привлекательные – по меркам того времени – условия для занятия наукой и образования. В идее Новосибирского академгородка прослеживалась ясная цель – привлечение ученых в Сибирь, со всеми вытекающими отсюда жертвами и приобретениями, включая особые льготы при избрании в Академию наук. Основные научные силы были сконцентрированы тогда в Москве и Ленинграде, а надо было создавать новые научные центры.

Поэтому необходимо, чтобы через новый механизм, внедряемый в Сколково, нашли свою нишу и Зеленоград, и Новосибирский академгородок, и Пушино с Черноголовкой. Консультативный

научный совет, по мнению Ж. Алферова, обязан стимулировать такое развитие.

Любому мало-мальски знакомому с историей возникновения Силиконовой долины нетрудно увидеть принципиальную разницу между существующей калифорнийской и предлагаемой российской, отмечает М. Светлов (8). Если в Калифорнии это финансировал преимущественно частный капитал (например, знаменитые на основе кремния полупроводники Шокли), то в России создание иннограда инициируется чиновниками на государственные деньги.

Если американская «долина» волею судеб оказалась в эпицентре мировой компьютерной революции, что собственно и сформировало ее теперешний облик, то на что может сейчас рассчитывать российская «долина»? спрашивает М. Светлов (8). «Главный идеолог российского проекта г-н Сурков дальше рассуждений типа “главное там что-то зацепить, а потом само пойдет – не остановишь” ничего внятного не сказал. Да и что он может еще сказать? В этом-то и состоит его “прорывная мысль” по осваиванию государственных денег».

Было бы эффективнее направить эти «силиконовые» деньги в существующие научные центры, где уже есть практические заделы новых технологий, считает автор. Так, на базе Института ядерных исследований в Троицке создан центр протонной терапии, что, по мнению М. Светлова, является большим достижением. Протонная терапия, благодаря специфике поглощения протонов в биологической ткани – это самый эффективный способ уничтожения злокачественных опухолей.

В экспертных и деловых кругах ФРГ к идее создания под Москвой инновационного центра в Сколково отнеслись со спокойным и прагматичным интересом. «Думается, новизна этого проекта состоит в самом послыле: Россия всерьез берется за формирование технологических парков и инновационных кластеров», – отмечает Р. Линднер (6). Это свидетельствует о том, что руководство страны осознало необходимость уйти от односторонней ориентации на нефть и газ и прийти к экономической модели, основанной на знаниях.

Необходимые исторические предпосылки для этого у России, в принципе, есть, однако «она должна озаботиться спасением научных структур, всей инфраструктуры знаний, что сегодня является одной из самых неотложных задач для страны», подчеркивает эксперт.

Прибегать в отношении Сколково к слишком уж громким эпитетам не следует. Так, термином «российская Кремниевая долина» нужно пользоваться весьма сдержанно. «Ведь если посмотреть на настоящую Кремниевую долину, то она формировалась на протяжении несколько десятилетий, что начался этот процесс еще до Второй мировой войны и что сопровождался он большим количеством не только удач, но и неудач».

Россия не обладает таким запасом времени, а потому руководство страны будет форсировать процесс наверстывания упущенного с помощью государственного финансирования, и это, действительно, необходимо, убежден Л. Линднер (6). Главное, чтобы «этот кластер, эта структура реально способствовала поступательному развитию промышленности, чтобы инновационные идеи на самом деле внедрялись в производство».

Для реализации этой задачи необходимы научные и административные кадры, которые способны это сделать. «Кремниевая долина в США возникла ведь не потому, что кто-то запланировал ее создание, а потому, что университеты в Стэнфорде и Беркли создали вокруг себя такую атмосферу, в которой студенты сами захотели основывать собственные фирмы либо активно решать интересующие их технические задачи в уже существующих компаниях. По указке такое не сделаешь», – отмечает С. Либерман (6). Поэтому для успешного развития Сколково необходим хороший базовый университет, который стимулировал бы научно-технические исследования студентов и предоставлял бы им соответствующие возможности и свободы.

Необходимы также, по мнению эксперта, иностранные партнеры, готовые активно участвовать в этом проекте. Однако он не исключает, что многие западные инвесторы побоятся вкладывать в России деньги в многообещающие хайтек-проекты, поскольку все по-прежнему хорошо помнят, как отняли бизнес у М. Ходорковского. «Если предприниматели видят, что такое возможно, у них непременно возникает вопрос: “А со мной такое может случиться?” Так что для улучшения инвестиционного климата, в том числе и в Сколково, России необходимо убедительно доказать инвесторам, что их опасения беспочвенны», – считает С. Либерман (6).

Сколково создается прежде всего для того, чтобы проверить опытным путем, сможет ли в России эффективно заработать инновационная модель развития экономики, считает Т. Оганесян (9).

Самая большая опасность – требовать результаты через два года. «Это абсолютно невозможно. Силиконовой долине понадобилось для получения результатов около 75 лет», – подчеркивает Д. Фаш (20).

* * *

Итак, анализ оценок экспертного сообщества по проблемам реализации инновационного проекта Сколково, показывает, что мнения экспертов в этом вопросе разделились. При этом сомнения в его успешном осуществлении сводятся в основном к следующему:

1. Установление экстерриториального льготного правового и налогового режимов может создать лазейку для проникновения в проект компаний и организаций, которые под маской инноваторов предпримут попытку очередного «распила» государственных средств. Именно этим, по мнению многих аналитиков, обуславливается желание обустроить проект на голом месте и поближе к Москве (в этом случае можно побольше списать на капризительство).

2. Научно-технический центр пытаются создать без наличия научно-исследовательской базы. В проекте отсутствуют элементы, способные обеспечить эту составляющую (НИИ, вузы, лаборатории и т.п.). Мировой и российский опыт показывает, что во всех инновационных центрах таковые имеются. Например, в Кремниевой долине есть Стэнфорд, в Томске – университет, в Дубне и Академгородке – мощные институты и отделения РАН. В Сколково есть бизнес-школа, но там технологий не делают, там делают менеджеров, причем очень дорогих и не для стартапов. Одних менеджеров для инновационного бизнеса мало. Таким образом, инновационный центр в Сколково лишен решающего инструмента необходимого для успеха – научных умов, которые способны обеспечить технологический прорыв.

3. Строительство Русской долины осуществляется не там, где есть спрос со стороны инноваторов, а в том месте, где понравилось властям. В то же время Силиконовая долина и ее аналоги в других странах появлялись органично, снизу, силами самих сообществ. Государство в лучшем случае помогало с инфраструктурой, причем именно в тех местах, где это было необходимо и востребовано. Кроме того, Сколково возводится в регионе, где выжить инновационной компании сложно – сверхвысокие зарплаты, расходы на аренду, подключение к сетям и прочие издержки в московском регионе в разы выше, чем в других частях страны.

4. И, наконец, главной проблемой, сдерживающей научный и технологический прогресс в России, в том числе и в реализации проекта «Сколково», являются засилье бюрократии и всепроникающая коррупция, которые оказывают негативное воздействие на процессы инновационного развития, тормозя все инициативы.

Список литературы

1. Бондаревский А. Сколково – будущий инкубатор идей или очередная кормушка для «реформаторов»? // Промышленные ведомости. – М., 2010. – № 5–6, 05.06. – С. 9–15.
2. Васильева Ю. Рай для избранных. Эксперты разошлись в оценке эффективности преференций для проекта «Сколково» // Российская Бизнес-газета. – М., 2010. – № 753(20), 08.06.
3. Вексельберг А. Проект «Сколково» надо запускать как можно скорее // Русский журнал. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Proekt-Skolково-nado-zapuskat-kak-mozhno-skoree>
4. Гурков А. Немецкие эксперты: Инноград Сколково – правильный шаг в сторону экономики знаний. – Режим доступа: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,6079379,00.html>
5. Емельяненко А. Как повенчать науку с бизнесом // Российская газета. – Федеральный выпуск. – М., 2010. – № 5298(219), 29.09.
6. Жога Г. В отдельно взятой стране // Эксперт-Урал. – № 34(432), 30.08.10. – Режим доступа: <http://www.expert-ural.com/1-447-9191/>
7. Камышев В. Сколково: инновационный проект туманного будущего // Промышленные ведомости. – 06.06.10. – Режим доступа: <http://promved.ru/articles/article.phtml?id=1901&nomer=65>
8. Крупенин С. Почему эксперты прогнозируют Сколково... полный провал накануне визита Шварценеггера? – Режим доступа: <http://www.profi-forex.org/news/entry1008056244.html>
9. Оганесян Т. Не такое уж страшное Сколково // Эксперт. – № 50(734), 21.12.10. – Режим доступа: <http://www.expert.ru/expert/2010/50/ne-takoe-uzh-strashnoe-skolkovo/>
10. Политика. Кремниевую долину в Сколкове ждет судьба «в лучшем случае моногорода, в худшем – шарашки». – Режим доступа: <http://www.gzt.ru/topnews/politics/-v-luchshem-sluchae---monogorod-v-hudshem---/296751.html>
11. Рудницкий Л. Расцветет ли Сколково на льготах? – Режим доступа: <http://fintimes.km.ru/ekonomika-rossii/nalog/11006>
12. Саква Р. Корнберг + Сколково = успех всей России. – Режим доступа: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Kornberg-Skolково-uspeh-vsej-Rossii>
13. Светлов М. Троицк, Дубна, Сколково: куда России вставить силикон? – Режим доступа: <http://troitsk-news.ru/articles/14>

14. Сергеев М. Перспективы «Сколково» оцениваются весьма скептически // Независимая газета. – 15.12.10. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2010-12-15/5_naukograd.html
15. Сколково как внутренний офшор // Деньги в бизнес.ru. – Режим доступа: <http://www.dengi-v-biznes.ru/events/russia-news/2010/09/24/1404>
16. Фейфер Г. Американские эксперты: Сколково может стать угрозой киберпространству. – Режим доступа: <http://www.securitylab.ru/news/399545.php>
17. Чтобы построить инноград «Сколково», придется выселять компанию Абрамовича. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/finance/06jul2010/skolково.html>
18. Чубайс А. Проект Сколково ограничен для России. – Режим доступа: <http://www.unova.ru/article/3970>
19. Якатан С. «Стоимость технологий должна быть доступна» // Частный корреспондент. – 30.09.10. – Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/sten_yakatan_stoimost_vseh_tehnologij_dolzhna_byt_dostupna_obychnomu_potrebitelyu_20166

Е.А. Пехтерева
МОДЕРНИЗАЦИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ
(Обзор)

Современные исследования, проводимые специалистами международных финансовых организаций (МВФ, МБРР) убедительно показывают, что чем лучше развита финансовая система в стране, тем выше темпы роста ее экономики. Степень развития банковской системы и фондового рынка оказывают влияние на экономический рост параллельно друг другу.

Большинство российских предприятий, когда им требуются дополнительные финансовые ресурсы, особенно для инвестиционных целей, обращаются за кредитами в банки. Однако если посмотреть на данные Росстата об источниках финансирования инвестиций российскими предприятиями за десять лет, то мы увидим, что в 2000 г. только 4,4% инвестиций в основной капитал было осуществлено за счет банковских кредитов. В 2006 г. эта цифра уже составляла 13,8%; в докризисный 2007 г. она немного увеличилась – до 14,68%. В 2008 г. этот показатель практически не изменился – 14,6%. В 2009 г. из-за кризисных явлений за счет кредитов отечественных банков было профинансировано всего 7,03% инвестиций в основной капитал (22).

Несмотря на определенный прогресс в начале первого десятилетия нынешнего века и учитывая кризисную ситуацию последних лет для страны с банковско-ориентированной финансовой системой эти показатели слишком малы. В развитых странах, таких как Германия, Франция, Италия и др., где банки также доминируют в качестве основных финансовых посредников, доля банковских кредитов в финансировании реальных инвестиций намного выше и составляет от 25 до 50% (31). Если говорить о малых предприятиях, то, по данным Российского банка развития, в составе

ресурсной базы отечественного малого и среднего бизнеса (МСБ) банковские кредиты занимают 16%, тогда как в развитых странах банковские кредиты составляют около 80% пассивов МСБ.

Таким образом, услугами банков как агентов финансового посредничества российские фирмы пользуются слишком мало, предпочитая банковским кредитам собственные или бюджетные средства (22). Происходит это от того, что для большинства российских предприятий кредиты отечественных банков, так же как и средства, мобилизуемые на фондовом рынке, малодоступны. При этом расчеты отечественных экономистов показывают, что для стабильного развития российской экономики, объем кредитования должен стабильно возрастать минимум на 15% в год (10).

В настоящее время в России банки, которые «должны вести экономический рост страны...», в действительности пока «не являются основой развития экономики, а следуют за ее ростом, ...специализируются на перераспределении прибыли между предприятиями, а не превращают доходы в долгосрочные инвестиции в экономику» – такое мнение высказывал О. Вьюгин еще в 2002 г., находясь на посту заместителя председателя Центрального банка России (4). С тех пор кардинальных сдвигов в этом вопросе не произошло. Известный российский специалист в области теории кредита и банковской деятельности О. Лаврушин также считает, что в нашей стране кредит не играет существенной роли в решении насущных экономических задач: ни в стимулировании инновационного развития, ни в модернизации капитальной базы, ни в развитии регионов, а также среднего и малого предпринимательства (14, с. 24).

За прошедшие десять лет банковский сектор продемонстрировал высокие темпы роста. Мероприятия, реализованные Правительством РФ и Банком России в рамках Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период 2001–2004 и 2005–2008 гг. позволили расширить предложение банковских услуг в России, укрепить устойчивость банковского сектора, повысить к нему доверие кредиторов и вкладчиков.

Реализация этих стратегий наряду с оперативными действиями Правительства Российской Федерации и Банка России в 2008–2009 гг. позволили предотвратить угрозу системного кризиса в банковском секторе в 2008 г. и обеспечили условия для послекризисного восстановления банковской деятельности.

В Стратегии – 2015 отмечено, что, несмотря на существенный рост показателей развития банковского сектора, конкуренто-

способность российских банков остается невысокой по сравнению с ведущими кредитными организациями развитых стран.

Существенными признаками, характеризующими современную модель российского банковского бизнеса и определяющими вектор ее развития, на сегодняшний день являются следующие:

1. Высокая степень концентрации депозитов населения и средств юридических лиц в нескольких крупных банках с заметным государственным участием в уставном капитале: Сбербанк, Банк ВТБ и ВТБ 24. За редким исключением, степень доверия населения и бизнеса к банкам, имеющим существенное государственное участие в капитале, остается выше, чем к частным банкам.

2. Структурная слабость рынка межбанковского кредитования создает высокие риски возникновения новых кризисов ликвидности в банковском секторе.

3. Высокий уровень «плохих кредитов» в банковских балансах, связанный со значительными трудностями по обслуживанию ранее взятых кредитов корпоративными и частными заемщиками (21).

Таким образом, основные причины кризисных явлений в российском банковском секторе имеют внутренний характер, подчеркивается в Стратегии – 2015. К внешним факторам относятся недиверсифицированность экономики и общий дефицит ее инвестиционных возможностей, ограниченность и преимущественно краткосрочный характер кредитных ресурсов, высокий уровень непрофильных (административных) расходов кредитных организаций, в частности связанных с проведением проверок соблюдения кассовой дисциплины клиентами, хранением больших объемов документов в бумажной форме (21).

В Стратегии заявлено, что основным содержанием *нового* этапа в развитии банковского сектора должна стать его модернизация, переход от преимущественно экстенсивной модели деятельности банков к интенсивной модели. При этом подчеркивается, что основной целью развития российского банковского сектора является *активное его участие в модернизации экономики в целом*.

Правительство Российской Федерации и Банк России, при разработке Стратегии – 2015 исходили из того, что перевод банковского сектора на интенсивный путь развития и его модернизация, потребуют реализации комплекса мероприятий, направленных на:

1. Совершенствование правовой среды, которая должна обеспечивать благоприятные условия для рационального ведения

банковского бизнеса и для развития конкуренции во всех сегментах финансового рынка.

2. Формирование современной инфраструктуры на основе передовых банковских технологий, включающей систему регистрации залогов, бюро кредитных историй, платежную и расчетную инфраструктуру.

3. Повышение качества корпоративного управления и управления рисками в кредитных организациях.

4. Совершенствование банковского регулирования и банковского надзора путем приведения их в полное соответствие с международными стандартами.

5. Обеспечение высокого уровня транспарентности и рыночной дисциплины в банковском секторе (21).

В Правительстве понимают, что в рамках модернизации банковской системы необходимо создать условия для: улучшения доступа населения и предприятий к кредитным ресурсам даже в удаленных и труднодоступных регионах; применения современных банковских и информационных технологий; упрощения и расширения инструментов кредитования малого бизнеса; предотвращения вовлечения кредитных организаций в противоправную деятельность.

Выступая на парламентских слушаниях, посвященных обсуждению Стратегии – 2015 экс-председатель Совета Федерации С. Миронов подчеркнул, что без мощного современного банковского сектора построить конкурентоспособную инновационную экономику невозможно. Для начатой всесторонней модернизации, ускоренного экономического и социального развития страны необходимы адекватные кредитно-финансовые механизмы, поэтому Стратегия развития банковского сектора должна быть не декларативным документом, а конкретным, детально проработанным планом действий по достижению стратегических задач государства в этой сфере (3).

Выдвинутые в Стратегии направления развития банковского бизнеса в России и меры, которые необходимо принять для их достижения, указывают на ряд серьезных нерешенных проблем отечественного банковского сектора.

Прежде всего, банковское сообщество не устроила формулировка заявленной основной цели – «повышение уровня и качества банковских услуг, предоставляемых организациям и населению» и, соответственно, переход от «экстенсивного» к «интенсивному» росту, от количества к качеству. А. Мурычев, исполнительный вице-

президент РСПП считает, что «это совершенно неверная постановка вопроса. Мы что, уже все развили? Инфраструктуру, услуги, обеспечили доступность услуг на территории всей страны и давайте теперь переходить к «интенсивной» модели». ...Конечной целью стратегии, подготовленной правительством и ЦБ, считает А. Мурычев, должно быть обеспечение государством условий для развития банковских услуг, а банки сами будут решать, как им развивать эти услуги, и конкуренция сама будет формировать качество этих услуг (11).

Эксперты отмечали, что пока еще банковская система страны должна сочетать «экстенсивный» и «интенсивный» пути развития. Нельзя исключать ни один из них. «Российская банковская система находится пока на такой стадии развития, в отличие от ее более развитых зарубежных партнеров, когда необходимо обеспечить доступность банковских услуг, что, по сути, и есть продолжение экстенсивного развития», – заявил заместитель председателя Счетной палаты РФ В. Горегляд. Это мнение он подкрепил цифрами, представленными на всемирном экономическом форуме в докладе «Глобальная конкурентоспособность в 2010–2011 гг.». По основным факторам, характеризующим работу банковской системы, Россия находится на 125-м месте из 139 стран. Эффективность рыночных механизмов – 123-е место, уровень бизнес-процессов – 101-е, наличие финансовых услуг на рынке – 109-е, доступность финансовых услуг – 92-е, получение кредита – 107-е место и т.д. Как правило, по всем основным показателям, характеризующим развитость финансового рынка, отечественный банковский сектор располагается на сотых местах, в конце списка (11).

Представляя на парламентских слушаниях Стратегию, экс-председатель Совета Федерации С. Миронов, также подчеркнул, что задачи роста, расширения банковской системы и насыщения рынка финансовыми услугами нельзя считать решенными. Так, на одно банковское учреждение в России приходится примерно 5 тыс. человек. В то время как в развитых странах этот показатель равен 1 тыс. По регионам банковские услуги распределены крайне неравномерно. Если в Москве, Санкт-Петербурге, Тюменской области эта проблема не так остра, то в некоторых субъектах Северо-Кавказского федерального округа насыщенность банковскими услугами в 16 раз ниже среднероссийского показателя, что препятствует решению многих социально-экономических проблем в регионах, тормозит развитие их экономики (18).

Поэтому, например, Ассоциация российских банков (АРБ) предлагает основным направлением развития банковского сектора до 2015 г. записать «создание условий для существенного расширения возможностей получения кредитных ресурсов различной срочности, повышение их доступности, стимулирования роста ресурсной базы, а также повышения уровня и качества оказываемых услуг при обеспечении устойчивости банковского сектора» (10).

Одним из важнейших вопросов, по которым мнение разработчиков Стратегии и банковского сообщества расходятся, является вопрос о необходимом уровне капитализации отечественных банков.

Проблемы капитализации российских банков

Низкий уровень капитализации считается серьезной проблемой российской банковской системы. В марте 2009 г. в рамках антикризисных мер в Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» были внесены поправки, предусматривающие повышение требований к капиталу банков. С 1 января 2010 г. размер собственного капитала банка должен был составлять не менее 90 млн. руб., а с 1 января 2012 г. – не менее 180 млн. руб. (25, ст. 11). Еще более жесткие требования к банкам выдвинул в ноябре 2009 г. министр финансов Российской Федерации А. Кудрин, который заявил, что готов выступить с законодательной инициативой о повышении в течение пяти лет минимального размера капитала банков до 1 млрд. руб. Реализация этой инициативы привела бы к сокращению количества банков в России более чем наполовину.

Стратегия 2015 г. также содержит предложение, направленное на дальнейшее увеличение капитализации банков: предполагается внести в законодательство изменения с тем чтобы повысить минимальный размер уставного капитала вновь создаваемых и действующих банков до 300 млн. руб. с 1 января 2015 г.

По данным ЦБ, на российском рынке сегодня работают 954 отечественных банка. Собственный капитал менее 300 млн. руб. на начало 2011 г. имеют 372 банка, из которых 357 кредитных организаций (96%) предоставляют полноценную финансовую отчетность о структуре собственных средств. Несмотря на то, что численность малых банков достигает 37% банковского сектора, их финансовые показатели выглядят микроскопическими на фоне показателей так называемых системообразующих банков. Удельный вес группы малых банков по таким ключевым показателям, как активы, собственные средства и вклады населения, не превышает

1,5%. Иными словами, с макроэкономической точки зрения деятельность малых банков кажется незаметной для российской экономики (1).

Мнения экспертов о необходимости увеличения размеров собственного капитала банков разошлись. Некоторые, в частности президент «Альфа-банка» П. Авен, считают, что для России вообще достаточно 200–300 банков вместо нынешней почти 1 тыс. Другие считают, что оптимальное число банков – 500. Президент Ассоциации региональных банков «Россия» А. Аксаков выступает против идеи повышения требований к капиталу, так как считает, что рынок должен сам определять, какие банки должны на нем остаться, а какие исчезнуть. Этому же мнения придерживается и Г. Тосунян, президент Ассоциации российских банков (АРБ). По мнению многих банкиров, даже требование в 1 млн. евро было непомерно высоким в реальных условиях России, невыполнимым для большинства банков и абсолютно убийственным для региональных банков (5).

В банковском сообществе считают, что именно требования по дополнительной капитализации приводят к закрытию или продаже действующих региональных банков, вследствие чего и возникает проблема недоступности банковских услуг в регионах и необходимости развития филиальной сети федеральных банков. Таким образом, обострение проблемы доступности банковских услуг является прямым следствием проводимой политики «консолидации банковского сектора», заявляют в АРБ (10).

В Ассоциации российских банков считают, что при принятии поправок к закону и при разработке Стратегии – 2015 не было принято во внимание следующее:

- подавляющее большинство региональных банков с капиталом менее 180 и теперь уже менее 300 млн. руб. не имеют нареканий со стороны Банка России и функционируют как минимум десять лет;

- малые региональные банки, несмотря на очень маленький удельный вес (1,5%) по показателям активов, собственных средств и вкладов населения, формируют основу предложения банковских услуг для малого и среднего бизнеса;

- сам рынок вытесняет недостаточно эффективные банки. При этом зачастую эти банки не ликвидируются, а поглощаются более крупными банками;

- по данным на 1 июня 2009 г., в 13 субъектах Российской Федерации вообще отсутствуют банки с размером собственного капитала более 180 млн. руб., а в 14 субъектах зарегистрировано

лишь по одному банку с размером собственных средств более указанной суммы;

– по данным АРБ, в период кризиса 2008–2009 гг. многими федеральными банками, включая Сбербанк, в регионах сокращалась филиальная сеть, что, естественно, привело к сокращению доступа населения и малого бизнеса к кредитным ресурсам. Наряду с не простой экономической ситуацией, это делает крайне неопределенными дальнейшие перспективы экономического роста в значительном числе субъектов Российской Федерации (17, с. 33–34).

В АРБ отмечают, что уже сегодня действующие требования по минимальной величине капитала привели к ненужной nervozности на рынке. Расширение этих требований по существу выбивает из бизнеса около 500 банков в регионах. Они заняты только вопросами, кому продать бизнес, как свернуть или объединить с кем-либо свою деятельность (10). Выбор у банков невелик: либо двигаться в зону повышенных рисков для получения приемлемой рентабельности (что вызовет вопросы у регулятора), либо сливаться, либо искать внешнюю помощь. Владельцы небольших банков активно ищут новых инвесторов. Из 93 банков, увеличивших уставный капитал, 15 – поменяли акционеров (24).

Процессами консолидации охвачена вся банковская система. Объединение активов происходит не только среди небольших региональных банков. К нему подключились также довольно крупные и значимые игроки. МДМ-банк и УРСА-банк объединились еще в середине 2009 г. Французская группа Societe Generale в начале 2010 г. объявила об объединении своих банковских активов в России на базе Росбанка (к нему присоединились БСЖВ, Русфинансбанк и банк Дельтакредит). В конце лета 2010 г. произошло слияние банка «Россия» и Газэнергопромбанка, а в ближайшее время группа ИСТ (один из крупнейших в России частных инвестиционно-промышленных холдингов) планирует объединить НОМОС-банк и Ханты-мансийский банк (28). Эти процессы неизбежно ведут к сокращению количества банков.

Между тем мировой опыт демонстрирует примеры устойчивых банковских систем как с большим (США), так и с малым (Канада) количеством банков. При этом банковские системы с малым количеством банков в критической ситуации оказываются крайне неустойчивыми, пример тому – Исландия.

Россия до сих пор славится многочисленностью банковского сектора, занимая третье место после США и Германии по числу кредитных организаций.

Представители банковского сообщества давно предлагают перейти к двухуровневой банковской системе. Для федеральных, транснациональных и региональных банков они предлагают ввести разные требования к размеру капитала. Так, Г. Тосунян при обсуждении Стратегии в рамках парламентских слушаний предлагает ввести повышенные требования к капиталу для вновь создаваемых банков, транснациональных и банков, претендующих на федеральный масштаб. Фактически в жизни так и происходит: ни одного американского банка с 5 млн. или 100 млн. долл. капитала на европейском и российском рынке нет. В этом смысле М. Сухов (член совета директоров Банка России), утверждающий, что с такими ресурсами не долетишь до Европы, прав. «Но доехать до соседнего села американские банки с капиталом 100 тыс. долларов умудряются, и работают, и никто за ними не гоняется», – заметил Г. Тосунян (11).

Нельзя не признавать того, что малые и средние банки сейчас способны находить для себя рыночные ниши и быть вполне успешными в обслуживании локальных рынков, куда федеральные банки пока не добрались. Область, которая для федерального банка может быть лишь маленьким и не слишком перспективным сегментом бизнеса, для небольшого банка будет составлять цель и смысл существования.

Развитие государственных программ рефинансирования ипотечных кредитов (через АИЖК) и кредитов малым и средним предпринимателям (через Российский банк развития) также открывает перед региональными банками возможности расширения операций. Ведь кредитные портфели можно перепродавать государственным структурам, тем самым снижая стоимость финансирования для конечного заемщика и повышая оборачиваемость и ликвидность собственного баланса (28).

В АРБ считают, что имеющийся потенциал малых и средних региональных банков, необходимо сохранить. Большинство этих банков успешно работают в течение 20 лет, с честью пройдя через все финансовые и банковские кризисы. Это возможно путем введения в законодательство модели «территориальной лицензии», ограничивающей предоставление банком всего комплекса банковских услуг территорией одного или двух-трех смежных субъектов Российской Федерации. При этом для таких «региональных банков» могут быть установлены ограничения на операции с ценными бумагами и трансграничные операции с иностранной валютой. Сохранение в их отношении полноценного надзора должно обеспечить своевременное выявление в их деятельности рисков для кре-

дителей и вкладчиков с последующим применением надзорных мер воздействия (10, 11).

Что касается возможностей развития, то по некоторым оценкам, для эффективного ведения бизнеса банк должен иметь 10–15 филиалов, организация бизнеса в каждом из которых стоит от 2,5 до 30 млн. руб. На такие расходы может пойти только достаточно крупный банк (24).

Кроме того, крупные банки имеют преимущества в доступе к дешевому фондированию и передовым технологиям, за счет чего могут предлагать своим клиентам более дешевые и качественные услуги. По мнению многих аналитиков, рано или поздно крупные банки вытеснят более мелкие, забрав себе всю перспективную клиентуру. Небольшим банкам тогда останется бизнес, полностью построенный на обслуживании нужд собственных акционеров (28).

Однако и противники, и сторонники повышения требований к размерам собственного капитала банков согласны с тем, что повышение капитализации в банковском секторе неизбежно и необходимо. Тем не менее малые и средние банки сейчас способны находить для себя рыночные ниши и быть вполне успешными в обслуживании локальных рынков, справедливо также и то, что сокращение числа банков ведет к ограничению конкуренции. Многими специалистами признается факт отсутствия справедливой конкуренции между банками, что во многом связано со скрытой поддержкой государства отдельных крупных банков (4; 17; 23, с. 89).

Развитие конкуренции

Уровень конкуренции на российском рынке банковских услуг отражает специальный показатель – процентная маржа, или спрэд процентных ставок по кредитам. Маржа рассчитывается как усредненный показатель разницы между ставками по кредитам и по депозитам. Банк России регулярно публикует средние уровни процентных ставок российских банков по кредитам и по депозитам, поэтому можно рассчитать уровень маржи в 2008 и в 2009 гг. В 2009 г. процентная маржа для российских банков составила 6,7%, в 2008 г. – 6,4%. При этом, в соответствии с данными Всемирного банка («World Development Indicators online») и отчетом Европейского центрального банка о показателях банковской системы, средняя банковская маржа в Канаде в 2008 г. составила 3,23%, в Японии – 1,32, в США примерно – 3,4, в странах Евросоюза – 0,9%. Можно видеть, таким образом, что российские банки

имеют очень высокую процентную маржу, не свойственную для конкурентных банковских рынков (30; 32).

На российском рынке банковских услуг доминируют несколько крупных банков, которые либо принадлежат государству в значительной части, либо так или иначе контролируются им. Все они – из числа бывших советских спецбанков, а также банков, учрежденных при муниципальных органах управления и при крупных государственных предприятиях в советское время. Доминирующее положение этих банков сложилось исторически – в 90-е годы, в ходе становления рыночных отношений в России и формирования современной российской банковской системы.

Сбербанк России унаследовал крупнейшую сеть филиалов по всей стране, поскольку в советское время он был единственным банком, обслуживающим население и принимавшим частные депозиты, имея практически эксклюзивное право на эту деятельность. Уже это ставит Сбербанк в более выгодные условия по сравнению со всеми остальными банками – ресурсная база в виде депозитов населения у Сбербанка всегда была несоизмеримо больше, чем у какого-либо другого банка в России. И не только из-за большего охвата территории в плане филиальной сети, но также и из-за того, что до 2004 г. – до введения системы страхования вкладов – Сбербанк был единственным банком, вклады в котором полностью гарантировались государством. В эпоху нестабильности, особенно после кризиса 1998 г., надежность вкладов была решающим фактором для многих граждан в вопросе выбора банка, которому можно доверить свои сбережения.

На втором месте после Сбербанка по числу отделений следует Внешторгбанк (ВТБ), который в 2001 г. при поддержке ЦБ выкупил практически всю филиальную сеть обанкротившегося Мост-банка, которая была достаточно крупной и разветвленной. Так сформировался второй крупнейший российский банк – и по активам, и по числу отделений.

Что касается Газпромбанка, то его ресурсная база тоже долгое время в разы превышала ресурсы рядовых частных банков – поскольку ни у одного частного банка не было материнской компании такого масштаба, как Газпром, и ни у одного частного банка не было таких огромных остатков на счетах «корпоративных клиентов» (в лице самого Газпрома, который одновременно являлся учредителем).

Россельхозбанк и Банк Москвы заняли свое положение при поддержке собственников – соответственно, федеральных и муни-

ципальных органов власти. Эти банки в эксклюзивном порядке принимают участие в огромных национальных и муниципальных проектах, что обеспечивает им ресурсы и прибыль, недоступные по своим масштабам для частных банков.

Однако такие структурно-исторические особенности пяти крупнейших на сегодняшний день российских банков – не единственный фактор их преимущества на рынке. Второй важнейшей причиной их доминирования является эксклюзивное обслуживание счетов государственного бюджета. Правда, это касается только четырех из пяти крупнейших банков, у Газпрома и без бюджетных средств никогда не было проблем с дешевыми ресурсами. А вот Сбербанк, ВТБ, Россельхозбанк и Банк Москвы получили очень существенные конкурентные преимущества, когда государство размещало бюджетные средства – в части его доходных статей – именно в этих банках. При этом частные банки были вынуждены покупать финансовые ресурсы на рынке, где существуют единые рыночные ставки для всех. Сейчас уже средства госбюджета в основном сосредоточены в Федеральном Казначействе РФ, но в первой половине 2000-х годов они проходили через счета госбанков. В отдельных госбанках, таких как Сбербанк и ВТБ, в начале 2000-х годов бюджетные средства достигали половины пассивов (20, с. 46). Это обеспечило госбанкам огромные конкурентные преимущества перед частными банками, например, возможность получать огромные прибыли, которые инвестировались в расширение бизнеса, либо возможность демпинговать на кредитном рынке, чтобы заполучить крупнейших клиентов.

Третий фактор усиления позиций крупнейших государственных банков – это политика Центрального банка, направленная на повышение капитализации отечественных банков, путем ужесточения требований к минимальному размеру их капитала. В результате такой политики происходит вытеснение с рынка небольших, но достаточно жизнеспособных частных банков.

Очевидно, что малые и средние предприятия России нуждаются в банках-партнерах, более или менее соответствующих им по размеру, поскольку крупные банки, как известно, неохотно работают с малым и средним бизнесом. У многих российских предприятий все еще нет необходимости в таких крупных кредитах, которые способен выдавать только банк с капиталом в 180–300 млн. руб. Поэтому возможно, что повышение требований к капиталу в России пока преждевременно, и стоит ужесточать эти требования по мере роста реальных потребностей российских предприятий и

сохранить небольшие, но добросовестно и эффективно работающие в своих регионах с малыми и средними предприятиями банки.

Необходимо, однако, отметить, что, государственные и окологосударственные банки, конечно, не единственные конкурентоспособные игроки на российском рынке, с ними могут побороться за клиентов некоторые достаточно крупные частные российские банки, такие как Альфа-Банк, Промсвязьбанк, Уралсиб, например, а также некоторые иностранные банки, которые тоже занимают все более сильные рыночные позиции, например Райффайзенбанк и Юникредит банк.

Неудивительно, что в период острой фазы кризиса предоставленные банковскому сектору Банком России ресурсы на поддержание ликвидности изначально были сконцентрированы преимущественно в госбанках. Так, если в начале 2009 г., в разгар кризиса, на госбанки приходилось около 60% всех кредитов Банка России, то к февралю 2010 г. эта доля превысила 72%. Большая часть задолженности банков перед ЦБР сейчас приходилась на долгосрочный субординированный кредит Сбербанку. Но и без учета этого кредита госбанки аккумулируют около 50% краткосрочного рефинансирования (29).

Во время кризиса государственные средства достались в основном госбанкам. Государственные и окологосударственные банки получили от государства 1 трлн. руб., в то время как 13 частным банкам досталось только 79 млрд. руб. Благодаря такой масштабной поддержке государственные и окологосударственные банки сумели значительно усилить свои позиции на рынках корпоративного и розничного кредитования в кризис. По данным агентства «Интерфакс», доля шести банков (Сбербанк, ВТБ, Россельхозбанк, Газпромбанк, Банк Москвы и Транскредитбанк (54,4% напрямую принадлежит ОАО «РЖД»)) за период с 1 июля 2008 г. до 1 декабря 2010 г. выросла с 52,5 до 56,7% на рынке корпоративного кредитования, с 44,4 до 48,5% – розничного. Неизменной осталась лишь доля госбанков на рынке вкладов населения – 59,7% (16).

Дешевое фондирование позволило госбанкам демпинговать на рынке кредитования, когда тот начал оживать в начале 2010 г. В этой ситуации частным банкам также пришлось существенно снижать ставки по кредитам. В результате доходность основного бизнеса у них стала стремительно падать. Если до кризиса их процентная маржа составляла 6–7%, то к середине прошлого года опустилась до 3,5–4%. Госбанки, получающие дешевые средства от государства, лишь незначительно снизили процентную маржу: у

Сбербанка она составляет около 6%, у ВТБ – около 5%. Однако на выходе из кризиса перед госбанками встал вопрос, как рационально распорядиться завоеванными позициями.

Нарастив активы, госбанки стремятся еще больше упрочить свои позиции на рынке. Одной из основных точек роста госбанков становится приобретение банков. Так, в начале 2010 г. ВТБ уже договорился приобрести 43% Транскредитбанка (14-е место по активам) и готовит сделку по приобретению доли правительства Москвы в Банке Москвы (пятое место по активам) и впоследствии довести долю в этом активе до 100% (9). В феврале 2011 г. на внеочередном собрании акционеров Банка Москвы в совет директоров было выбрано пять представителей Банка ВТБ. Планируется, что сделка по покупке пакета акций Банка Москвы, принадлежащего правительству столицы, будет завершена во II квартале 2011 г. В настоящее время Департамент государственного и муниципального имущества Москвы напрямую владеет 46,48% акций, еще 17,32% акций контролирует через Столичную страховую группу. Таким образом группа ВТБ стала флагманом процессов консолидации в банковском секторе (2).

Сбербанк за время кризиса также сделал приобретение, правда, за пределами России, купив БПС-банк в Белоруссии. Избыток ликвидности позволяет госбанкам не только преуспевать на рынке слияний и поглощений, но и переманивать лучшие кадры из частных банков зарплатами, в несколько раз превышающими рыночный уровень, чтобы усилить слабые направления своей деятельности (16).

В целях поощрения конкуренции на рынке банковских услуг в среднесрочной перспективе государство собирается сократить свое участие в капиталах кредитных организаций при сохранении контроля государства за деятельностью Сбербанка, ВТБ и Россельхозбанка. Это намерение зафиксировано в Стратегии – 2015. Там же отмечено, что в ближайшие три года предусматривается снижение государственного участия в уставном капитале данных кредитных организаций не ниже уровня 50% плюс одна голосующая акция.

9 февраля 2011 г. правительство России уже сообщило о завершении сделки по приватизации пакета акций банка ВТБ. Объем заявок на покупку 10%-ного пакета акций превысил предложение более чем в 2 раза. В результате продажи акций ВТБ государство заработало свыше 95 млрд. руб., что сделало размещение акций ВТБ самым успешным в посткризисной истории. Ранее правитель-

ство сообщало о намерении продать 20% акций ВТБ, но позднее было заявлено, что в 2011 г. будет продано 10% уставного капитала банка ВТБ посредством публичного предложения (7).

Имея в распоряжении большой объем недорогих ресурсов, госбанки уступили частным банкам в эффективности бизнеса. По данным РСБУ на 1 декабря 2010 г., все банки, кроме государственных и окологосударственных, имели совокупно рентабельность капитала на уровне 10,8%. Из госбанков только Сбербанк имел рентабельность капитала на уровне 14,6%, Транскредитбанк – на уровне 10,8%, а остальные госбанки меньше: ВТБ – 8,2%, Банк Москвы – 7,8, Газпромбанк – 5,8, у Россельхозбанка рентабельность была отрицательная – 0,2% (16).

В результате для госбанков со всей остротой встал вопрос качественного развития. Так, Сбербанк занялся активной модернизацией своей розницы, в частности, развитием услуг по выпуску кредитных карт. Согласно данным компании Frank Research Group, за девять месяцев 2010 г. доля Сбербанка на рынке кредитных карт выросла с 3,8 до 9%, а объем задолженности по эмитированным банком кредитным картам за этот период – с 7,7 млрд. до 21,3 млрд. руб. Розничный банк ВТБ 24 за этот период нарастил долю в этом сегменте с 10,6 до 11%, а объем задолженности – с 21,5 млрд. до 27,5 млрд. руб.

Госбанки решили освоить и другой высокодоходный сегмент рынка – кредитование в торговых точках. Для вхождения на рынок и Сбербанк, и ВТБ в 2010 г. начали вести переговоры о покупке доли участия с акционерами Хоум Кредит энд Финанс банка, имеющим по данным на сентябрь 2010 г. на рынке товарного кредитования 29%. До сих пор этот рынок безраздельно принадлежал частным банкам, так как госбанки предпочитали работать в менее рискованных сегментах (16).

Преимуществом частных банков в этой ситуации является скорость принятия решения и гибкость в отношении залогов. Заемщикам не приходится ждать по два месяца рассмотрения заявки и приносить множество документов в надежде получить кредит. Несмотря на декларируемую универсальность и многофилиальность госбанков, у них не хватает ни времени, ни сил, ни желания заниматься малыми и средними предприятиями. Понимая, что госбанки оставляют частным банкам небольшое поле деятельности, частные банки стараются, по выражению одного из их руководителей «каждое зернышко подобрать» (16).

Есть сегменты рынка, где госбанки по-прежнему слабо представлены, – это экспортное финансирование, факторинг и лизинг, обслуживание на Forex. «Вряд ли можно говорить о совершенно новых нишах, которые еще могут освоить частные банки, но в каждом из уже существующих сегментов есть огромный потенциал для развития технологий, – говорит председатель правления Нордеа-банка И. Буланцев. – Факт остается фактом: чем больше банк, тем он более неповоротлив, а частные банки могут быстро перестраиваться, менять продуктовую линейку, быть ближе к потребностям клиента» (16).

Есть существенная разница между государственными и частными банками в подходах к бизнесу. Частные банки думают прежде всего об эффективности, госбанки часто решают другие вопросы и задачи. Кроме того, у нишевых банков, специализирующихся на определенных сегментах, будь то ипотека или кредитование в торговых точках, есть существенные преимущества перед универсальными банками.

«В ближайшее время частные банки усилят конкуренцию в двух направлениях, – считает старший вице-президент Бинбанка И. Комарова. – Во-первых, сузят отраслевую специализацию в работе с реальным сектором, во-вторых, актуализируют “бутиковый” подход в работе с клиентами, активизируются в новых высокотехнологичных нишах, где конкуренция пока низкая, – телебанкинг, интернет-банкинг и другие» (16).

Несмотря на некоторые положительные сдвиги, ситуация с конкуренцией в отечественном банковском секторе продолжает оставаться сложной. Ее можно охарактеризовать как несовершенную олигополистическую конкуренцию. Очевидно, что отдельные банки концентрируют рыночную власть и могут влиять на цены. Это негативно сказывается на российской экономике, поскольку и предприятия, и частные лица сталкиваются либо с завышенными ценами на финансовые ресурсы – по сравнению с рыночной ставкой процента, либо с ограничением доступа к этим ресурсам.

Ресурсное обеспечение банковской деятельности

В проекте Стратегии практически не рассматривается вопрос об обеспечении финансовыми ресурсами национальной банковской системы, более того, подчеркивается, что «возможностей решать задачу по поддержке банковской деятельности средствами бюджета практически не осталось» (21, п. 1, 4).

«Сейчас банковская система за счет ресурсов, которые ей доступны, не может обеспечить существенное повышение своей роли в экономике, необходимо говорить об определенных мерах господдержки», – считает глава Юникредит банка М. Алексеев. Предлагается прописать эти меры. В Стратегии предполагается использование части международных резервов для субординированного кредитования российских банков и институтов развития; капитализация за счет средств ВЭБа банков в регионах; совершенствование системы рефинансирования банков со стороны ЦБ под залог различных видов активов; применение нулевой ставки налога на прибыль при ее реинвестировании в капитал; увеличение суммы страхового возмещения и расширения круга лиц, на которых предоставляется защита системы страхования вкладов и др. (11).

Представители банковского сообщества считают, что расширению и укреплению ресурсной базы банков способствовало бы также:

- дифференциация привлеченных средств с точки зрения отчислений в фонд обязательного резервирования (ФОР) (в частности, освобождение от отчислений в ФОР привлекаемых банком ресурсов на срок свыше двух лет);

- развитие инструментов секьюритизации;

- формирование в России системы долгосрочных (не менее пяти лет) жилищных накопительных вкладов, которая позволяла бы гражданам накапливать в течение нескольких лет средства на банковском депозите, а по истечении срока вклада в дополнение к его сумме получать льготный ипотечный кредит;

- создание условий для расширения выпуска банками долговых ценных бумаг, в том числе за счет распространения на ряд из них (депозитных и сберегательных сертификатов) действующих правил государственного страхования банковских вкладов;

- реализация общегосударственной программы развития системы безналичного денежного обращения в России, предусматривающей, в частности, организацию ведущими российскими банками национальной карточной платежной системы, стимулирование использования населением банковских карт для повседневных расчетов и повсеместное оборудование предприятий розничной торговли и сферы услуг терминалами, обеспечивающими возможность принятия от граждан безналичных платежей;

- возврат к практике размещения временно свободных средств бюджетов, фондов и государственных корпораций на депозитах в коммерческих банках (10).

В 2010 г. основу ресурсной базы российских банков составили вклады населения (8). Важным внутренним источником длинных денег могут стать частные безотзывные вклады, закон о которых до сих пор не принят. При действующем гражданском законодательстве все вклады населения, даже срочные, по существу являются вкладами до востребования. Граждане могут снять их в любой момент, если посчитают, что утрата компенсирует риск потери всего вклада. По европейскому законодательству, если банк и гражданин договорились разместить и принять вклад на определенный срок, то эти условия не пересматриваются. Если вкладчику срочно понадобятся деньги, банк может выдать ему кредит под обеспечение этого вклада. Внесение изменений в ГК по этому поводу специалисты считают оправданным, особенно в условиях действия системы страхования вкладов. Банки в таком случае получают гарантированный источник длинных денег, который может быть использован на цели кредитования. Введение в российскую практику долгосрочных (безотзывных) депозитов физических лиц могло бы сопровождаться повышением предельной величины выплат по таким видам вкладов со стороны АСВ (26).

Решение проблемы плохих активов и защита прав кредиторов

Представители регулирующих органов в последнее время неоднократно подчеркивали, что проблема «плохих» кредитов банков потеряла свою остроту и через один-два года полностью сойдет на нет. Специалисты Банка России считают, что поскольку ничего катастрофического с просрочкой не происходит, то сейчас государству абсолютно незачем вмешиваться и тратить деньги на расчистку банковских балансов от плохих долгов. В кризисный период просрочка увеличивалась на 20% в месяц, с конца 2009 г. ее рост остановился, а с марта 2010 г. наблюдается сокращение на 2,4% в месяц (без учета Сбербанка). По данным Центробанка, примерно 6,5% кредитов можно причислить к проблемным (12).

Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) в свою очередь предлагает воспользоваться уроками кризиса и выстроить систему так, чтобы государство хотя бы впредь не тратилось на антикризисную поддержку кредитных организаций. «Банки в любом случае спасут, но пусть система защищает себя сама, а не за чужой счет», – пояснил суть предложений президент РСПП Александр Шохин. Для этого, по его словам, надо,

чтобы банки перешли на динамическую систему резервов по типу Стабилизационного фонда: копили деньги на черный день во время экономического подъема и тратили в период кризисов. Бизнесмены и банкиры предлагают ввести страхование корпоративных кредитов – по типу системы положительно зарекомендовавшего себя в кризис Агентства по страхованию вкладов. Предложения РСПП нацелены на то, чтобы эту проблему решить силами самого банковского сообщества (12).

Другие специалисты полагают, что банковская система сможет защищать сама себя в случае законодательного перевода ее на динамическую систему формирования резервов, по типу Стабфонда. Банки в этом случае будут стремиться компенсировать свои выпадающие доходы за счет повышения процентной маржи и, соответственно, роста кредитных ставок. Чтобы этого не произошло, на рынке должны присутствовать сильные госбанки, основной целью деятельности которых было бы не получение прибыли, а регулирование кредитных отношений на базе стимулирования роста конкуренции банковских структур, снижения рисков вложений в реальный сектор за счет, к примеру, гарантий займов и т.п., считает А. Осин, главный экономист УК «Финам Менеджмент» (12).

То, что банковская система действительно в состоянии постепенно самостоятельно решить проблему «плохих» долгов подтвердило исследование, проведенное в 2010 г. по заказу Агентства по страхованию вкладов. Но тогда же было высказано опасение, что в этом случае банки окажутся обескровленными, капитал некоторых организаций будет практически нулевой, а у некоторых он будет отрицательным. В результате банки не смогут оставаться активными кредиторами экономики. Было высказано мнение, что докапитализировать банки придется за счет государства, заинтересованного в высоких темпах роста экономики (26).

В 2009 – начале 2010 г. в правительстве и банковских кругах широко обсуждалась идея создания банка для выкупа «плохих» долгов. Но потом от нее отказались. Государство предпочло другие механизмы и инструменты, в основном связанные с расширением возможности рефинансирования банков (беззалоговые кредиты, расширение списка бумаг, принимаемых в залог Центробанком при операциях РЕПО), а также с возможностью увеличения капитала путем внесения в него госбумаг (6).

По мнению специалистов, сейчас банки имеют возможность решать проблемы с «плохими» долгами самостоятельно по мере их поступления и вполне рыночными способами: кто-то запаковы-

вает «плохие долги» в специальные ПИФы, кто-то перепродает коллекторам, кто-то учреждает внутри своих организационных структур специальные отделы для решения этой проблемы. То, что дела не безнадежны, подтверждает и намерение Всемирного банка запустить в России программу по выкупу ненадежных кредитов стоимостью 100 млн. долл. Интерес понятен – получить наименее проблемные из проблемных долгов с дисконтом и затем вернуть деньги в полном объеме и с процентами (13).

При этом следует учитывать, что в кризис произошла массовая реструктуризация задолженности с продлением сроков возврата. К тому же большинство мелких и средних банков вынуждены маскировать «плохие» долги – чтобы соблюсти параметры отчетности. Так что общая цифра по «плохим» долгам может составлять до 20–30% в среднем по банковскому сектору. «Как только ситуация в экономике изменится и доступ к ликвидности резко упадет, тут же эти проблемы вылезут наружу», – считает С. Хестанов (12).

В октябре 2010 г. банки начали сокращать объем резервов на возможные потери по ссудной и приравненной к ней задолженности. С начала кризиса и до сентября 2010 г. просрочка по банковским кредитам выросла с 276,2 млрд. руб. на 1 октября 2008 г. до максимума в 1,1137 трлн. руб. – на 1 октября 2010 г. Аналитики, однако, считают, что снижение банками резервов обусловлено не столько улучшением качества портфеля, сколько в первую очередь списанием безнадежных долгов, под которые ранее уже был сформирован резерв. В кризис банки сформировали под возможные потери так называемые провизии на сумму, вдвое покрывающую объем «плохих» кредитов, – 2,03 трлн. руб. (15, 19).

По мнению специалистов, если на рынке не будет новых потрясений, тенденция к сокращению резервов будет наблюдаться вплоть до полного восстановления ситуации, когда просрочка по корпоративным клиентам достигнет докризисного уровня в 2–3% от портфеля.

Убыточность или низкая рентабельность банка влияет на его рейтинги, а их уровень сказывается на стоимости средств, привлекаемых банками как внутри страны, так и за рубежом. Даже если банку не требуется дополнительное фондирование, он заинтересован в том, чтобы рейтинги не снижались: в противном случае возрастает репутационный риск и риск оттока клиентов. Так что даже неизбежно возрастающие с ростом прибыли налоги не могут удержать банки от стремления показать лучшие результаты (19).

Еще одним стимулом увеличить прибыль является сохраняющийся риск исключения банков из системы страхования вкладов за убыточность. Существует пять показателей, которые банки, входящие в Систему страхования вкладов (ССВ), должны соблюдать: показатель по активам, капиталу, доходности и ликвидности (количественные показатели) и по нормативу качества управления, т.е. транспарентности. По закону Банк России должен ввести запрет на принятие вкладов физических лиц, если банк нарушает хотя бы один из количественных показателей (27).

Кроме того, сохраняются серьезные проблемы в сфере защиты интересов кредиторов. АРБ предлагает выделить в проекте Стратегии отдельный пункт, касающийся решения проблемы плохих активов и защиты прав кредиторов, в котором содержались бы следующие направления:

- установление правового механизма реструктуризации потенциально проблемных ссуд;
- совершенствование процедур надзора за ссудами, находящимися в процессе реструктуризации с тем, чтобы минимизировать их негативное влияние на развитие кредитования;
- создание организованного рынка непрофильных банковских активов;
- освобождение кредитных организаций от обложения НДС сумм, полученных от продажи объектов залога;
- внесение в Гражданский кодекс Российской Федерации понятия принципа добросовестности участников гражданских правоотношений в части признания сделок недействительными;
- введение в действие общероссийской системы регистрации заложенного имущества, в том числе транспортных средств;
- совершенствование порядка обращения взыскания на заложенное имущество (в том числе, организации торгов по реализации заложенного имущества в электронной форме).
- упрощение порядка наложения ареста на имущество должника в обеспечение иска;
- исключение заложенного имущества из конкурсной массы в случае банкротства заемщика;
- законодательное закрепление правового положения о банкротстве граждан-должников, не являющихся индивидуальными предпринимателями;
- построение эффективных внесудебных механизмов урегулирования проблемной задолженности;

- устранение ряда проблем на этапе исполнительного производства, в частности уточнение ответственности судебных исполнителей за проведение процесса взыскания долгов с должника;

- законодательное регулирование коллекторской деятельности по взысканию долгов;

- проработка вопроса о поэтапном введении обязательного страхования банковских активов в части предоставляемых кредитными организациями ссуд (10).

По результатам реализации Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 г. российская банковская система по всем основным направлениям деятельности (организация, качество управления, состояние конкурентной среды, учет и отчетность, рыночная дисциплина и транспарентность, банковское регулирование и надзор) должна будет соответствовать международным стандартам.

При этом планируется, что к 2015 г. российской банковской системой могут быть достигнуты следующие совокупные показатели деятельности (см. табл.) (21):

Таблица

Годы	2010, %	2015, %
Активы / ВВП	75,4	более 90
Капитал / ВВП	11,8	13–14
Кредиты нефинансовым организациям и физическим лицам / ВВП	41,3	50–55

Список литературы

1. В России заканчивается эпоха малых банков // РБК daily. – М., 2011. – 4 фев. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/economics/04/02/2011/537860.shtml>
2. В совет директоров Банка Москвы вошли 5 представителей ВТБ // Режим доступа: <http://top.rbc.ru/economics/21/02/2011/547560.shtml>
3. В формате парламентских слушаний рассмотрена стратегия развития банковского сектора России // Режим доступа: <http://www.regions.ru/news/politics/2330368/>
4. В ЦБ России считают, что банки должны вести экономический рост страны. Олег Вьюгин отвечает на вопросы РИА «Новости». – Режим доступа: <http://bankir.ru/news/article/1127544?print=1>
5. В этом году исчезнет сто кредитных организаций // Режим доступа: <http://bankirussia.ru/bp/15236-v-yetom-godu-ischeznet-sto-kreditnyx-organizacij.html>

6. Глушенкова М., Меркулов В., Рушайло П. Секреты банковской очистки // Деньги. – М., 2010. – № 7. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1318165>
7. Государство заработает на банке ВТБ более 90 млрд. рублей // РБК daily. – М., 2011. – 9 фев. – Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/2011/02/14/finance/562949979708046>
8. Гуркина Е., Еремина Н. Сказание о кредитах // Профиль. – М., 2011. – № 3. – Режим доступа: <http://www.profile.ru/items/?item=31565>
9. Дементьева С. Два миллиарда на банке // Коммерсантъ. – М., 2011. – 24 янв. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1572886>
10. Заключение Ассоциации российских банков на проект Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года // Режим доступа: http://www.arb.ru/site/docs/other/ARB-Zakl_Strategia-2015.doc
11. Заславская О. Послали на доработку // Российская бизнес-газета. – М., 2010. – 21 дек. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/12/21/banki.html>
12. Иванова Е. Нужна ли модернизация банковскому сектору // Режим доступа: – <http://www.g9e.ru/carticle/1266325662/>
13. Кондратьев А. Плохих долгов будет больше // РБК daily. – М., 2010. – 22 окт. – Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/2010/10/22/finance/521623>
14. Лаврушин О. Кредит и экономический рост // Банковское дело. – М., 2010. – № 1. – С. 24–27.
15. Лидеры рынка: «МДМ-банк» избавился от проблемных долгов. – Режим доступа: <http://quote.rbc.ru/stocks/news.shtml?2010/11/30/33067873>
16. Локшина Ю., Деменьева К., Ладыгин Д. Рынок с нечастным лицом // Коммерсантъ. – М., 2011. – 24 янв. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=c1dca857-f7cd-42d3-ac94-ae83aa94ba5&docsid=1572868>
17. Модернизация банковской системы России в посткризисный период: банкизация как необходимое условие. Доклад АРБ. – М.: Квартет-Пресс, 2010. – 78 с.
18. Новости комитета АРБ по денежно-кредитному надзору. – М., 2010. – 17 дек. – Режим доступа: http://www.arb.ru/site/action/list_archive.php?id=4131
19. Нантай В., Дементьева С. Банки распустились // Коммерсантъ. – М., 2010. – 30 нояб. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=c2f3bf33-20b7-4a16-93fc-391f86052da7&docsid=1545864>
20. Попков В.В. О поддержке равноправной конкуренции на рынке банковских услуг // Деньги и Кредит. – М., 2001. – № 5. – С. 46–47.
21. Проект Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 г. – Режим доступа: <http://www.gavrilenko.ru/materials/docs/1230/>
22. Росстат. Официальный сайт // Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B07_56/IssWWW.exe/Stg/02-07.htm
23. Съезд АРБ: курс на модернизацию банковской системы // Банковское дело. – М., 2010. – № 5. – С. 88–93.

24. Сухов М. Рост капитализации банков – объективный процесс // Банковское дело. – М., 2010. – № 7. – С. 26.
25. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» 17-ФЗ от 3 февраля 1996 г. – Режим доступа: <http://www.genon.ru/GetAnswer.aspx?qid=30dc99ee-46da-4c09-af3a-f7f86d79453e>
26. Финансирование бизнеса: решили не одалживаться. Российский банк развития. – Режим доступа: http://www.rosbr.ru/ru/small_business/financing/?pid=3714
27. ЦБ готов продлить мораторий на исключение из системы страхования вкладов // Коммерсантъ. – М., 2010. – 25 окт. – Режим доступа: <http://www.Kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1528500>
28. Чернышова О. Убойный список // Коммерсант. – Приложение. М., 2010. – 15 дек. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=8f692eb2-1402-49fc-b064-ccdb68ebafa0&docsid=1557113>
29. Экономический рост – возможны варианты // Центр стратегических исследований Банка Москвы. – Режим доступа: http://www.strf.ru/organization.aspx?CatalogId=221&d_no=27955
30. European Central Bank, Statistics, Consolidated Banking Data. – Mode of access: <http://www.ecb.int/stats/money/aggregates/aggr/html/index.en.html>
31. Popov V. The financial system in Russia compared to other transition economies: The Anglo-American versus the German-Japanese model // Comparative Economic Studies. – London, 1999. – N 1. – Mode of access: – <http://www.nes.ru/~vpopov/documents/FINSYS.pdf>
32. World Development Indicators online // World Bank. – Mode of access: www.worldbank.org

Л.А. Зубченко

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СТИМУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИЙ ВО ФРАНЦИИ

Программы стимулирования инноваций на уровне ЕС

В 2000 г. на саммите Совета ЕС было принято решение о реализации Лиссабонской стратегии, предусматривающей превращение к 2010 г. ЕС в наиболее конкурентоспособную и динамичную в мире экономику, основанную на знаниях. Предполагалось, что социально-экономическое развитие ЕС должно иметь в основании три «опоры» – экономический рост, социальное сплочение и защиту окружающей среды. В рамках Лиссабонской стратегии были разработаны 28 основных и 120 дополнительных целей, достижение которых должно оцениваться с помощью 117 различных показателей.

В целом Лиссабонская стратегия намечала пять групп ключевых целей:

повышение конкурентоспособности; создание динамичной экономики, основанной на знаниях; увеличение занятости; обеспечение социальной сплоченности; улучшение состояния окружающей среды.

В мае 2010 г. Европейская комиссия (ЕК) предложила принять новую стратегию на предстоящее десятилетие «ЕС 2020» («UE2020»). Ее основные цели (4):

- обеспечить занятость для 75% населения в возрасте от 20 до 64 лет;
- довести расходы на НИОКР до 3% ВВП;
- снизить на 30% эмиссию парниковых газов;
- довести до 40% долю молодых людей с высшим образованием;

– уменьшить численность бедных на 20 млн. человек.

Для достижения этих целей необходимо стимулировать экономическое развитие на основе знаний и инноваций с более эффективным использованием «более зеленых» и конкурентоспособных ресурсов. ЕК предложила семь приоритетных инициатив:

– «Союз за инновации» («Une Union pour l'innovation»).

– «Молодежь в движении» («Jeunesse en mouvement»), чтобы стимулировать более активное участие молодых на рынке труда.

– «Цифровая стратегия для Европы» («Une stratégie numérique pour l'Europe»).

– «Эффективная Европа в использовании ресурсов».

– «Промышленная политика в эпоху глобализации».

– «Стратегия для новой конкурентоспособности и новой занятости».

– «Европейская платформа против бедности».

Реализация предложенной стратегии предполагает усиление сотрудничества всех заинтересованных сторон на коммунитарном, национальном и местном уровнях.

Немаловажную роль в реализации Лиссабонской стратегии играет Седьмая рамочная программа ЕС по научным исследованиям и технологическому развитию (Seventh Framework Programme of the European Community for Research, Technological Development) на 2007–2013 гг. Такие программы, разрабатываемые в ЕС с 1984 г., представляют собой основной инструмент по стимулированию научно-исследовательской деятельности и формированию в ЕС Европейского научного пространства (European Research Area).

Планируемый бюджет Седьмой рамочной программы (7РП) составляет 54 млрд. евро, которые будут в основном распределены между четырьмя главными программами, которые соответствуют главным направлениям политики ЕС в области научных исследований (21).

Сотрудничество (Cooperation) – развитие международного сотрудничества (в том числе и с организациями из третьих стран) в проведении научно-исследовательских работ по следующим десяти направлениям: здравоохранение; продукты питания, сельское хозяйство и биотехнологии; информационные и коммуникационные технологии; нанотехнологии, новые материалы и производственные технологии; энергетика; окружающая среда; транспорт; социально-экономические и гуманитарные науки; космос; безопасность. Во всех проектах, финансируемых в рамках 7РП, должны одновременно принимать участие несколько (минимум три) евро-

пейских организаций. На реализацию этой программы из бюджета 7РП выделяется самая крупная сумма – более 32,413 млрд. евро.

Программа «Идеи» (Ideas) – нацелена на развитие динамичной и творческой деятельности на передовых рубежах знаний по всем научным и технологическим направлениям, включая инженерные, социально-экономические и гуманитарные науки. Контроль над этой программой осуществляет специально созданный Европейский совет по научным исследованиям. На эту программу выделяется 7,510 млрд. евро.

Программа «Люди» (People) – нацелена на количественное и качественное совершенствование людских ресурсов в сфере исследований и технологий. Ее основные задачи – поддержка мобильности и карьерного роста ученых, усиление привлекательности Европы как исследовательского центра для ученых всего мира, развитие международных научных связей, в том числе со странами, не являющимися членами ЕС. Расходы на эту программу должны составить 4,750 млрд евро.

Программа «Возможности» (Capacities) – нацелена на поддержку научно-исследовательской инфраструктуры, исследований, связанных с развитием малого и среднего бизнеса и усилением исследовательского потенциала европейских регионов; налаживание и расширение политического диалога между ЕС и третьими странами; развитие партнерства в области научно-технологического сотрудничества. На эту программу из бюджета 7РП выделяется 4,097 млрд. евро.

Стандартная максимальная доля финансирования из бюджета 7РП проектов в сферах НИОКР и технологического развития составляет 50% от всех расходов. Однако когда такие проекты осуществляются государственными некоммерческими организациями, учреждениями среднего и высшего образования, исследовательскими организациями и предприятиями малого и среднего бизнеса, эта доля может достигать 75% расходов на проект. Деятельность по развитию исследований и совершенствованию людских ресурсов может на 100% финансироваться за счет бюджета 7РП.

К особенностям 7РП можно отнести акцент на исследовательские проекты; существенное упрощение функционирования программы; акцент на развитие исследований, отвечающих интересам европейской промышленности; большее внимание развитию регионов, разделению финансовых рисков, направленному на стимулирование частных инвестиций в исследовательскую деятельность. С этой целью ЕК и Европейский инвестиционный банк

разработали специальный финансовый инструмент страхования рисков, связанных с осуществлением инновационных проектов любыми предприятиями, которые будут обращаться для финансирования таких проектов за банковскими займами.

К сожалению, одна из важнейших целей Лиссабонской стратегии, состоявшая в том, чтобы в 2010 г. довести долю расходов на НИОКР до 3% ВВП, не была достигнута, поскольку реально это отношение равно 2,2% (10).

Особое внимание в ЕС уделяется мерам содействия малым и средним предприятиям (МСП), которые являются основой социально-экономической модели ЕС, обеспечивая 70% занятости в частном секторе и 53% производства добавленной стоимости. С 1 января 2005 г. в ЕС действуют следующие критерии МСП: средние предприятия – численность занятых от 50 до 249 человек, ежегодные обороты – до 50 млн. евро и балансы предприятия – до 43 млн. евро; малые предприятия – 10–49 занятых, обороты и балансы – до 10 млн. евро; микропредприятия – менее десяти занятых, обороты и балансы – до 2 млн. евро.

В целях гармонизации политики отдельных стран – членов ЕС в отношении МСП в июне 2008 г. был принят Закон о малом бизнесе (Small Business Act, SBA), который отражает стремление органов ЕС и стран-членов признать центральную роль МСП в экономике и впервые создает всеобъемлющие рамки для политики поддержки МСП. Закон направлен на разработку общего подхода к малому и среднему предпринимательству и на формулирование общих принципов политики по содействию развитию МСП (22). В SBA сформулированы следующие десять принципов политики стран – членов ЕС в области поддержки МСП:

1. Создавать среду, в которой предприниматель может добиться успеха, а предпринимательство вознаграждается.
2. Давать второй шанс честным предпринимателям, столкнувшимся с угрозой банкротства.
3. Разработать правила в соответствии с принципом «сначала думай о малом».
4. Создать государственную администрацию, отвечающую за удовлетворение потребностей МСП.
5. Адаптировать инструменты государственной политики к потребностям МСП.
6. Облегчать доступ МСП к финансам и создавать легальную бизнес-среду, обеспечивающую своевременные расчеты по коммерческим сделкам.

7. Помогать МСП получать прибыли от возможностей, предоставляемых единым внутренним рынком ЕС.

8. Обеспечивать улучшение мастерства МСП и продвижение всех форм инноваций.

9. По возможности, помогать МСП противостоять экологическим вызовам.

10. Поощрять и поддерживать МСП в получении ими прибыли на растущих внешних рынках.

Особое внимание в ЕС уделяется поддержке инновационных МСП. В ЕС действует Рамочная программа по конкурентоспособности и инновациям (Competitiveness and Innovation Framework Programme, CIP), которая в основном предназначена для МСП, чтобы обеспечить им доступ к использованию ИКТ и возобновляемых источников энергии. Эта программа, рассчитанная на 2007–2013 гг., имеет бюджет в 3,62 млрд. евро. CIP включает три подпрограммы: по развитию инноваций и предпринимательского духа, по стратегии в использовании ИКТ и по энергетике (18).

На стимулирование инноваций направлена деятельность организации Europe Innova, созданной в 2006 г. по инициативе ЕК и финансируемой рамочной программой «Конкурентоспособность и инновации» (Compétitivité et l'Innovation). Ее цель – развитие и продвижение новых инструментов поддержки инноваций, особенно в МСП (6). В 2009 г. были выдвинуты три приоритетные области: транснациональное сотрудничество, услуги в области распространения знаний, экологические инновации (эко-инновации). Europe Innova возглавила следующие направления в области инноваций: европейский надзор за анализом, позволяющим принимать решения, касающиеся политики развития партнерства; поддержка инновационных проектов в области экологии и биотехнологии; сбор статистических данных о тенденциях и возможностях участия МСП в эко-инновациях.

В финансовой поддержке МСП на коммунитарном уровне участвуют:

Европейский инвестиционный банк (European Investment Bank, EIB), предоставляющий предприятиям займы двух типов:

- индивидуальные займы, которые предназначены для финансирования долгосрочных инвестиций на сумму свыше 25 млн. евро; для получения таких займов компании (обычно крупные) могут непосредственно обращаться в EIB;

- так называемые «глобальные займы» (prets globaux) для МСП, означающие открытие кредитной линии для банков и дру-

гих финансовых институтов, которые, в свою очередь, переводят соответствующие средства фондам, осуществляющим поддержку инвестиционных проектов МСП, отвечающих разработанным ЕИБ критериям.

Европейский инвестиционный фонд (Fonds européen d'investissement, FEI), который в основном выполняет роль финансового посредника, действуя через банки и другие инвестиционные фонды, в том числе фонды венчурного капитала. Последние, в свою очередь, пополняют собственные капиталы МСП. FEI может финансировать от 10 до 25% акций венчурных фондов для инновационных МСП на начальной стадии их деятельности и от 7,5 до 15% акций венчурных фондов для быстрорастущих МСП – в стадии их экспансии. В исключительных случаях участия FEI могут составлять до 50%. Этот механизм предлагает МСП четыре «окна» доступа к финансированию:

- гарантии займов для МСП с высоким потенциалом роста;
- гарантии займов для микропредприятий до 25 тыс. евро особенно на начальной стадии их функционирования;
- гарантии собственных капиталов МСП для поддержки их инвестиций;
- гарантии, поддерживающие структуры секьюритизации кредитов, предоставленных МСП.

Система гарантий банковских кредитов. Часто инновационные МСП не могут предоставить необходимых гарантий для получения банковских кредитов. Коммунитарные финансовые инструменты стимулируют финансовые институты предоставлять займы МСП, благодаря разделению рисков. Механизмы гарантий для МСП (SMEG) облегчают доступ МСП к займам для финансирования развития, связанного с использованием ИКТ, а также к микрокредитам (до 25 тыс. евро), которые связаны с высокими рисками. Общий бюджет этих инструментов составляет более 1 млрд. евро, что позволит предоставить до 2013 г. гарантии от 300 тыс. до 400 тыс. евро МСП.

Механизм увеличения возможностей (Dispositif de renforcement des capacités, DRC) МСП, участвующих в программе CIR, управляемый Европейским банком реконструкции и развития, Европейским инвестиционным банком, FEI и Банком развития Совета Европы (Banque de Développement de Conseil de l'Europe). Этот механизм включает два направления: 1) предоставление «капитала для запуска» («Capital d'Amorçage»), т.е. для создания нового МСП; 2) организация «партнерства» – предоставление субси-

дий финансовым посредникам для покрытия издержек, связанных с оценкой кредитных заявок МСП.

Следует отметить, что основная часть финансовой помощи европейским МСП а также налоговые льготы предоставляются в национальных рамках.

Техническая поддержка МСП и помощь в составлении досье оказываются через интернет-порталы, открытые ЕК для предприятий, такие как Европейский портал роста предприятий (Portail européen pour la croissance des entreprises), Europe Entreprise Network и др. В технической поддержке МСП также участвуют:

– Европейская служба занятости (European Employment Service, EURES) – сеть поддержки занятости, управляемая и финансируемая Генеральной дирекцией занятости ЕК. Она объединяет государственные службы занятости, профсоюзы и предпринимательские организации. Ее главная функция – стимулировать свободное обращение рабочей силы и создание транснациональных служб занятости.

– Европейская сеть бизнес-ангелов (European Business Angels Network, EBAN) – поддерживаемая ЕК ассоциация, цель которых налаживать контакты неформальных инвесторов (Business Angels) и предприятий. Эта платформа позволяет предприятиям пользоваться финансовой и технической поддержкой «бизнес-ангелов» – физических лиц, предлагающих новым предприятиям не только инвестиции, но и свой опыт и свои отношения с другими структурами.

Помимо названных общих программ, в ЕС разработаны и действуют многочисленные программы поддержки МСП отраслевого характера.

Поддержка инновационных предприятий во Франции

Государственная поддержка инновационных компаний и прежде всего МСП принимает различные формы: от разработки законодательных норм до содействия финансированию и предоставления различных услуг. На современном этапе эта поддержка приобретает особое значение, поскольку стимулирование инноваций рассматривается как важный фактор преодоления последствий финансово-экономического кризиса и решения проблем занятости. Основную роль в этой политике играет группа Oséo.

Деятельность группы Oséo

Группа Oséo была создана в 2005 г. по инициативе Н. Саркози, бывшего в то время министром экономики, финансов и промышленности, путем объединения функций структур, выполняющих общую задачу оказания помощи предприятиям малого и среднего бизнеса. Oséo представляет собой государственный финансовый холдинг, который включает три подразделения:

- Oséo innovation, созданное взамен Национального агентства содействия научным исследованиям (Agence Nationale de Valorisation de la Recherche, ANVAR);

- Oséo financement, созданное на основе Банка развития МСП (Banque pour le Développement des PME, BDPME);

- Oséo garantie, созданное на основе SOFARIS – филиала BDPME.

Главные финансовые инструменты Oséo (13):

1. Авансы, погашаемые в случае успеха и предоставляемые под нулевые проценты. Они могут покрывать до 50% расходов. Эта помощь позволяет финансировать этапы, предшествующие промышленной реализации проекта, т.е. этапы НИОКР, связанных с новыми продуктами и услугами.

2. Займы, связанные с участием в запуске инновационных предприятий (*prêt participatif d'amorçage*, PPA), призванные облегчить участие фондов и венчурных компаний в финансировании МСП. Эти займы предоставляются МСП существующим менее пяти лет, которые пользуются помощью Oséo. Цель PPA – создать благоприятные условия для привлечения будущих инвесторов. Сумма займа – от 50 тыс. до 75 тыс. евро. Он погашается в течение восьми лет, погашение может быть отсрочено в течение первых трех лет.

3. Заключение контрактов на инновационное развитие (*contrat de développement innovation*, CDI) с инновационными предприятиями на срок до трех лет. CDI направлены на финансирование нематериальных потребностей предприятий – расходов на оплату труда, коммуникации, размещения за рубежом и т.д. Их сумма – от 40 тыс. до 400 тыс. евро (в некоторых регионах она может достигать 600 тыс. евро).

Заявка предприятия на получение помощи оценивается на основе следующих критериев:

- инновационный характер программы;
- потенциал роста и создания новых рабочих мест;

- экономическая заинтересованность в предлагаемых инновационных продуктах или процессах;
- техническое качество программы;
- технические, промышленные, коммерческие и финансовые возможности предприятия-бенефициара.

Решение о предоставлении помощи сопровождается календарем погашения, указанием ставки процента с продаж продукции или лицензии, прав, получаемых государством в случае отказа бенефициара от проекта. Помощь предоставляется не единовременно, а отдельными траншами по мере продвижения проекта. При этом бенефициар должен отчитываться о реально осуществленных расходах на инновации. Так, предоставление помощи может быть приостановлено, если отдельные этапы проекта не будут реализованы. Бенефициар помощи инновациям может иметь более легкий доступ к другим источникам финансирования. Гарантии банковских кредитов МСП, получивших такую помощь, увеличиваются до 70% (3).

С конца 2009 г. Oséo Innovation управляет Единым межминистерским фондом (Fonds Unique Interministériel, FUI), финансирующим в форме субсидий так называемые кооперативные проекты, осуществляемые совместно крупными предприятиями, МСП, исследовательскими лабораториями и университетами, отобранными межминистерскими рабочими группами для реализации в полюсах конкурентоспособности.

По словам Ф. Друэна (F. Drouin), президента – генерального директора Oséo, в 2009 г. деятельность группы была весьма интенсивной. Содействие было оказано 80 тыс. предприятий (на 28% больше, чем в 2008 г.), которые реализовали 85 тыс. проектов. В отношении этих предприятий было осуществлено 107 тыс. различных операций, что позволило им получить финансирование на 25 млрд. евро, в том числе гарантированных займов на сумму в 12 млрд. евро (12).

Меры по гарантированию банковских кредитов. МСП способствовали тому, что в октябре 2010 г. объем банковских кредитов МСП возрос по сравнению с октябрём 2009 г. на 6,1%. С начала 2010 г. Французская банковская федерация обязалась снизить срок ответа банков на запросы МСП до 15 дней; прежде этот срок составлял один месяц. По данным проведенного исследования, 90% МСП расценили это как «важный прогресс». Расширению банковского кредитования МСП способствует также созданная в разгар финансового кризиса по инициативе Президента Франции

Н. Саркози государственная служба кредитного медиатора (посредника) призвана помочь МСП облегчить доступ к банковским кредитам. С января по сентябрь 2010 г. в службу ежемесячно поступало в среднем по 800 досье (11).

После 2005 г. Oséo и региональные советы создали около 20 региональных фондов инноваций, которые дополняют национальное финансирование. Эти фонды предоставляют помощь на общую сумму в 40 млн. евро в год (3).

Помимо финансовой помощи Oséo предоставляет предприятиям следующие услуги:

- Разработка стратегии инновационного предприятий и оценка проекта его создания. Oséo может сопровождать предприятие от этапа предварительных исследований до его создания, включая изучение рынка, дизайн, финансовое, юридическое и налоговое консультирование и т.д.

- Оценка реализуемости инновационного проекта и бизнес-плана. Когда предприятие создано, Oséo может оказывать ему юридическую и техническую помощь.

- Развитие инновационного проекта. После того, как инновационный проект оценен, Oséo может поддерживать его развитие вплоть до запуска промышленного образца. Квалификация инновационного предприятия для обеспечения его доступа к финансированию со стороны Общих фондов вложений в инновации (Fonds communs de placement pour l'innovation, FCPI), что позволяет инновационным МСП увеличивать собственные капиталы, а инвесторам пользоваться налоговыми льготами.

- Предоставление услуг по сопровождению предприятий по мере необходимости. Это такие услуги, как оценка и экспертиза проектов, поиск партнеров по исследованиям, участие в совместных программах, продвижение инноваций, установление связей с финансовыми институтами и теми, кто распределяет государственные и частные заказы.

В конце сентября 2010 г. министр экономики Франции К. Ланард предложила использовать 360 млн. евро, представляющих собой налог на банковские бонусы, для стимулирования МСП (17). Эта сумма будет направлена на пополнение собственного капитала Oséo, который предоставляет гарантированные государством займы МСП.

В 2010 г. деятельность Oséo направлена на достижение трех «i»: Innovation (инновации), Investissement (инвестиции) и International (внешняя экспансия).

Налоговые льготы

Налоговое стимулирование является одним из важных инструментов государственной поддержки НИОКР и инноваций. Большое внимание при этом уделяется МСП, которые имеют, как правило, более трудный доступ к финансированию, в частности к банковскому кредитованию, поскольку банки оценивают их риски более высоко. Чтобы укрепить собственные капиталы МСП, в 1996 г., а затем в 2001 г. для них была установлена более низкая ставка по налогу на компании: 15 вместо 33,33%. При этом их налоговая льгота ограничена суммой в 38 120 евро. Сегодня этой льготой пользуются 470 тыс. МСП, средняя налоговая льгота для которых составляет 700 евро (23).

Финансовый закон 2004 г. ввел механизм налоговых льгот для молодых МСП, осуществляющих инновационные проекты. МСП имеют возможность пользоваться этими льготами при соблюдении ряда условий, среди которых: МСП должно быть молодым, т.е. иметь возраст не более восьми лет; его расходы на НИОКР должны быть эквивалентны 15% расходов, пользующихся налоговой скидкой. МСП должно быть самостоятельным, а не результатом реконструкции или концентрации. МСП, отвечающее этим условиям, имеет право на 100%-ное освобождение от налогов на прибыли в течение трех лет и на 50%-ное – в течение следующих двух лет. Кроме того, в отдельных случаях МСП могут освобождаться от уплаты некоторых местных налогов на срок до семи лет (14).

Налоговая льгота на исследовательские расходы (*crédit d'impôt recherche, CIR*) был принят еще в 1983 г. и изменен в 2004 и в 2007 гг. Цель CIR – снизить для предприятий их расходы на НИОКР, направленные на повышение конкурентоспособности. Эта мера отражена в ст. 244 Общего налогового кодекса. С 1 января 2008 г. CIR составляет 30% расходов на НИОКР до 100 млн. евро и 5% сверх этой суммы. Предприятие, впервые пользующееся CIR, в первый год пользуется ставкой CIR в 50% и во второй год – 40%.

(7). Механизмом CIR могут пользоваться промышленные, торговые и сельскохозяйственные предприятия, уплачивающие налог на прибыль. При этом учитываются следующие расходы:

- персональные, т.е. расходы на заработную плату исследователей и техников;
- расходы на функционирование, как правило, составляющие 75% от персональных расходов;

– расходы на оплату НИОКР, осуществляемых организациями, утвержденными министерством научных исследований, во Франции и странах ЕС на сумму до 2 млн. евро;

– расходы на патентование и технический надзор (до 60 тыс. евро).

Ежегодно «налоговый подарок» предприятиям, связанный с CIR, составляет более 1 млрд. евро. Вместе с тем этот механизм не затрагивает вновь создаваемые малые предприятия (10).

С 1 января 2009 г. налогоплательщик, подписывающийся на капитал вновь создаваемого или расширяющегося малого предприятия, пользуется специальной льготой. Предприятие должно иметь менее 50 занятых, а его обороты и баланс не должны превышать 10 млн. евро. Оно должно быть создано в течение пяти последних лет. Снижение налога равно 25% выплаченной суммы налога, потолок которой составляет 50 тыс. евро для одного лица и 100 тыс. евро – для семейной пары. До 31 декабря 2011 г. физические лица, которые подписываются на заем для приобретения доли в капитале некотирующегося предприятия, имеют право на снижение налога на 25% на полученные проценты в размере 20 тыс. евро на одно лицо и 40 тыс. – на семейную пару. Предприятие должно иметь менее 250 занятых, его обороты не должны превышать 40 млн. евро, а баланс – 27 млн. евро. (20).

Налогоплательщик, который подписывается на капитал вновь создаваемого или расширяющегося не котирующегося на бирже предприятия, пользуется снижением налогов. Этот механизм действует до конца 2012 г. При этом должны соблюдаться следующие условия (20).

- Предприятие должно уплачивать корпорационный налог и не ограничивать свою деятельность управлением собственным движимым и недвижимым имуществом.

- Ценные бумаги должны удерживаться до 31 декабря пятого года после подписки на них.

- Капитал предприятия более чем на 50% должен принадлежать физическим лицам или семейным обществам, принадлежащим родственникам по прямой линии – братьям, сестрам и супругам.

- Предприятие должно отвечать критериям МСП, действующим в ЕС: не более 25% капитала должно принадлежать обществу, не соответствующему указанным выше критериям.

- Сумма снижения налога равна 25% уплаченных налогов каждый год, исходная сумма налога не должна превышать 20 тыс. евро на одно физическое лицо и 40 тыс. на семейную пару. Эта льгота действует до конца 2011 г.

С 1 января 2009 г. налогоплательщик, подписывающийся на капитал вновь создаваемого или расширяющегося малого предприятия, пользуется специальной льготой. Предприятие должно иметь менее 50 занятых, а его обороты и баланс не должны превышать 10 млн. евро. Оно должно быть создано в течение пяти последних лет. Снижение налога равно 25% выплаченной суммы налога, потолок которой составляет 50 тыс. евро для одного лица и 100 тыс. евро – для семейной пары.

Рабочая группа EGI (Etats Généraux de l'industrie), опубликовала весной 2010 г. доклад «Инновации и предпринимательство», в котором были сформулированы следующие предложения по развитию инноваций во французской экономике (8):

- ввести новый «заем доступа на рынок» (*prêt d'accès au marché*, PAM) для финансирования инновационных проектов, осуществляемых МСП, особенно в полюсах конкурентоспособности;
- провести эксперимент по государственному содействию инвестициям «бизнес-ангелов»;
- реализовать диагностику МСП с точки зрения оказания им помощи в найме молодых дипломированных специалистов;
- способствовать созданию малых технологичных компаний при крупных группах; финансирование в 200 млн. евро частично может осуществляться «натурой», например в форме предоставления лицензий;
- включить МСП в число объектов политики защиты промышленной собственности;
- оказывать помощь распространению новых идей и развитию рынка новых идей, чтобы реализовать их первую коммерциализацию во Франции;
- стимулировать и расширять займы для найма рабочей силы в полюсах конкурентоспособности;
- разработать классификацию результатов предпринимательской деятельности крупных школ и университетов;
- совершенствовать стимулы для изобретательской деятельности наемных работников.

Другие направления государственной поддержки инноваций

Немалую роль в государственной поддержке инноваций играют такие организации, как Национальное агентство научных исследований, ассоциация France Initiative, а также создание полюсов конкурентоспособности.

Национальное агентство научных исследований (Agence nationale de la recherche, ANR) – государственное учреждение, действующее с 1 января 2007 г. Его главная задача – финансирование научно-исследовательских проектов с целью стимулирования взаимодействия и партнерства между государственными и частными научными лабораториями. ANR осуществляет проектное финансирование, при этом проекты отбираются на основе качественных критериев и приемлемости их результатов для частных предприятий. В 2009 г. расходы ANR составили 840 млн. евро, которые пошли на финансирование проектов с максимальной продолжительностью в четыре года. (2).

Научные исследования в государственном секторе Франции ведутся следующими двумя группами научных учреждений:

- исследовательские организации, имеющие статус государственных учреждений научно-технического характера (Établissements Publics à caractère Scientifique et Technique, EPST), среди них, например, Научный центр научных исследований (CNRS), в котором работают 26 тыс. человек и насчитывается 1200 научных подразделений;

- учреждения высшего образования, в том числе 85 университетов, Коллеж де Франс (Collège de France), инженерные школы и др., в которых насчитывается около 3 тыс. научных коллективов.

В этих учреждениях заняты 44% научных работников, остальные 56% работают в частном секторе, на долю которого приходится около 50% общих расходов на НИОКР (19).

В апреле 2006 г. во Франции была проведена реформа политики в области научных исследований, которая преследовала следующие цели:

- усиление стратегических направлений НИОКР, в том числе благодаря созданию Высшего совета по науке и технологии (Haut Conseil pour la Science et la Technologie, HCST);

- введение новой системы оценки НИОКР в рамках вновь созданного независимого Агентства по оценке научных исследований и высшего образования (Agence pour l'Évaluation de la Recherche et de l'Enseignement Supérieur, AERES);

- усиление сотрудничества между научно-исследовательскими подразделениями, занимающимися сходной тематикой;

- повышение привлекательности научной карьеры;

- расширение связей между государственными и частными научными исследованиями и поддержка инноваций.

France Initiative – ассоциация, созданная в 1986 г. и объединяющая в 2010 г. 245 платформ местных инициатив (*plates-formes d'initiatives locales*), которые, как правило, создаются по инициативе местных органов власти.

По сравнению с другими организациями, занимающимися микрофинансированием и стимулированием создания малых предприятий, France Initiative характеризуется следующими чертами:

- привязанность к регионам страны, что позволяет ей способствовать местному развитию;
- децентрализованная структура (245 платформ по всей территории страны);
- партнерский характер деятельности, что проявляется в отношениях France Initiative с государственными и частными партнерами.

Своим клиентам – физическим лицам, желающим создать или приобрести предприятие, – France Initiative предоставляет следующие услуги.

«Займы чести» – беспроцентные среднесрочные займы (на два-пять лет), предоставляемые физическому лицу, которое намерено создать или приобрести предприятие (но не самому предприятию); по этому займу не требуется поручительство или гарантия. Сумма «займа чести» зависит от потребности заемщика и обычно колеблется от 2 тыс. до 30 тыс. евро. В 2009 г. средний размер «займа чести» составил 7800 евро. При этом на каждый евро «займа чести» банки предоставляли в форме кредитов семь евро (9). Такой заем выдается по решению комитета по одобрению (*comité d'agrément*) предложенного проекта, который предварительно рассматривался комитетом экспертов. Средства платформ France Initiative для предоставления беспроцентных займов формируются в основном за счет местных органов власти, компаний банков – участников местных ассоциаций (платформ).

Сопровождение нового предприятия. Ключ к успеху вновь созданного предприятия заключается в дальнейшем сопровождении его деятельности и предоставлении спонсорской помощи со стороны руководства другого предприятия. Одобрив проект физического лица, France Initiative помогает ему составить финансовый план или направляет его в компетентную организацию, с которой сотрудничает. После создания предприятия и до момента погашения «кредита чести» France Initiative оказывает ему поддержку, консультирует его и анализирует причины разрыва между планировавшимися и реальными показателями его деятельности. В France Initiative предусмотрена также система спонсорства (*parrainage*),

которая позволяет пользоваться опытом, советами и профессионализмом руководства предприятий-спонсоров. Платформы France Initiative открывают для начинающих предпринимателей двери местных сетей; а иногда организуют Клубы создателей предприятий (Club de créateurs), в которых происходит обмен опытом и налаживаются полезные деловые контакты и сотрудничество. В результате всех этих мер 87% предприятий, созданных с участием France Initiative, продолжают функционировать и через три года после создания. Этот показатель гораздо выше, чем показатель выживаемости мелких предприятий в среднем по стране.

Полюса конкурентоспособности (*pôle de compétitivité*) создаются во Франции с целью расширения НИОКР и увеличения способности предприятий к инновациям. Полюса конкурентоспособности можно определить как совокупность действующих на данной территории предприятий, учебных заведений, государственных и частных исследовательских организаций, сообща работающих для реализации инновационных проектов. Эти полюса, пользующиеся государственными субсидиями и налоговыми льготами, призваны объединять частные и государственные научные исследования и инновации и способствовать развитию зон, испытывающих экономические трудности.

Политика создания полюсов развития была предложена в декабре 2002 г. Межминистерским комитетом оснащения и повышения конкурентоспособности территорий (*Comité interministériel d'aménagement et de compétitivité des territoires*, CIACT), который в сентябре 2004 г. определил методы отбора предлагаемых проектов. К 12 июля 2005 г. из 105 представленных досье было отобрано 66. Сегодня во Франции насчитывается 71 полюс развития, в которых работают 9 тыс. исследователей, осуществляющих более 1000 проектов. На период 2005–2008 гг. на их финансирование государство выделило 1,5 млрд. евро. При этом 50% ресурсов было сконцентрировано в шести полюсах, называемых «мировыми полюсами развития» (*«pôles de compétitivité mondiaux»*) в отличие от «национальных полюсов» (*«pôles nationaux»*). В июне 2008 г. было выделено до конца 2010 г. еще 1,5 млрд. евро (15). Финансированием полюсов занимается Единый межминистерский фонд (*Fonds Unique Interministériel*, FUI), который с ноября 2009 г. управляется группой Oséo.

Некоторые полюса имеют особый статус и специализацию на проведении научных исследований в отдельных областях — биохимии, биотехнологии, медицины и т.д. Полюса развития яв-

ляются юридическими лицами и чаще всего имеют форму ассоциаций. Кроме того, они могут принимать форму «группировки по экономическим интересам» (*groupements d'intérêt économique, GIE*) или «группировки по научным интересам» (*groupements d'intérêt scientifique, GIS*).

Полюсам конкурентоспособности предоставляются следующие финансовые льготы.

- Освобождение от налогов и их снижение.
- Освобождение предприятий, занятых НИОКР, от налога на прибыли на первые три года.
- Предоставление кредитов на поддержание проектов НИОКР. Эти кредиты могут предоставлять Министерство промышленности и Национальный фонд оснащения и развития территорий (*Fonds national d'aménagement et de développement du territoire*).
- Участие в финансировании проектов таких организаций, как Национальное агентство научных исследований), группа *Oséo* и банк *Caisse des dépôts et consignations*.

Хотя динамика большинства полюсов оценивается как многообещающая, некоторые эксперты указывают на такие трудности для действующих в них предприятий, как высокая стоимость недвижимости, низкое качество государственных услуг, значительная концентрация государственных субсидий в отдельных отраслях, низкая мобильность исследователей. Полюса сконцентрированы в основном на развитии промышленности, хотя следовало бы предусмотреть и развитие сферы услуг, особенно промышленных, что очень важно в условиях постиндустриального общества. К тому же во Франции доля услуг составляет 70% ВВП. Некоторые эксперты считают слишком высоким уровень концентрации в управлении полюсами, тогда как следовало бы максимально дебюрократизировать этот процесс. В то же время другие эксперты указывают на необходимость лучшего сочетания управления на местном и национальном уровнях, чтобы придать некоторым проектам европейские масштабы.

Конечно, рассмотренные в данном обзоре направления государственной поддержки инноваций не исчерпывают всего арсенала используемых с этой целью средств. Но они, безусловно, свидетельствуют о том внимании, которое французские власти уделяют различным мерам в области стимулирования НИОКР и инноваций, справедливо рассматривая их как главное направление экономической политики.

Список литературы

1. L'action des pouvoirs publics pour faire face à la crise. – Mode of access: <http://www.banque-france.fr/fr/rapport/2009/>
2. Agence nationale de la recherche. Missions. – Mode of access: <http://www.agence-nationale-recherche.fr/missions-et-organisation/missions/>
3. Aide à l'innovation en France. – Mode of access: http://fr.wikipedia.org/wiki/Aide_%C3%A0_l'innovation_en_France
4. Avenir de la stratégie de Lisbonne les propositions de la Commission européenne. – Mode of access: http://www.pouvoirs-locaux-francais.eu/pages/?arb_n_id= 69&art_n_id=813
5. Cartographie des PME en Europe. – Mode of access: <http://www.activeille.net/index.php/archives/2010/06/22/cartographie-des-pme-europe/>
6. Conférence Europe Innova. – Mode of access: <http://www.awt.be/web/awt/index.aspx?page=awt,fr,foc,100,056>
7. Le crédit d'impôt recherche (CIR). – Mode of access: <http://www.industrie.gouv.fr/enjeux/innovation/cir.html>
8. Le crédit d'impôt innovation est-il définitivement enterré? – Mode of access: <http://blog.usinenouvelle.com/innovation/financement/>
9. France Initiative. – Mode of access: <http://www.france-initiative.fr/>
10. Innovation. – Mode of access: <http://fr.wikipedia.org/wiki/Innovation>
11. Lentement mais sûrement, le crédit bancaire repart // Monde. – P., 2010. – 10 oct. – P. 9.
12. OSEO: bilan 2009, engagements 2010. – Mode of access: http://www.oseo.fr/notre_mission/notre_offre/innovation/aides/aide_aux_projets_collaboratifs_des_pol_es_de_competitivite
13. OSEO dans le secteur de l'innovation. – Mode of access: <http://www.apce.com/pid940/html?espace=1&tp=1>
14. PME innovantes: comment être exonéré d'impôt pendant cinq ans? – Mode of access: <http://www.partenaire-financier.eu/pme-innovantes-exonere-impot-pendant-f27817.html>
15. Pôle de compétitivité (France). – Mode of access: http://fr.wikipedia.org/wiki/P%C3%B4le_de_comp%C3%A9titivit%C3%A9
16. Une politique moderne pour les PME. – Mode of access: http://europa.eu/legislation_summaries/enterprise/business_environment/n26106_fr.htm
17. Le produit de la taxe sur les banques affecté aux PME. – Mode of access: <http://www.entrepreneur.fr/produit-taxe-banques-affecte-pme-n31165.html>
18. Programme-cadre pour la compétitivité et l'innovation (CIP). – Mode of access: http://ec.europa.eu/cip/index_fr.htm
19. La recherche en France. – Mode of access: http://www.ambafrance-ru.org/france_russie/spip.php?article7706

20. Réductions d'impôt: les investissements dans le capital des PME. – Mode of access: <http://droit-finances.commentcamarche.net/contents/impot-revenu-reduction/imp160-php3>
21. Septième programme-cadre, (2007–2013). – Mode of access: http://europa.eu/legislation_summaries/energy/european_energy_policy/i23022_fr.htm
22. Small Business Act for Europe (SBA). – Mode of access: <http://www.finbrain-itc.be/blog/small-business-act-for-europe>
23. Le taux réduit d'impôt sur les sociétés pour les PME. – Mode of access: http://www.minefe.gouv.fr/directions_services/dgtpe/TRESOR_ECO/francais/pdf/2007-017-23.pdf

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ (Реферативный обзор)

Обзор подготовлен на основе рабочих материалов Международной научной конференции «Модернизация России: ключевые проблемы и решения», состоявшейся 16–17 декабря 2010 г. в г. Москве в ИНИОН РАН.

1. **Золотых М.В., Полянин А.Р.** Человеческий потенциал и трудовые ресурсы в контексте российских инновационных проектов. (Военный авиационный инженерный университет, г. Воронеж): [Рабочие материалы. – *Архив автора*].

2. **Кожевникова Н.И.** Демографическое развитие России: современный вектор. (ИСПИ РАН): [Рабочие материалы. – *Архив автора*].

3. **Нефёдова Т.В.** Политика эффективной занятости как фактор успешной модернизации экономики России (МЭСИ): [Рабочие материалы. – *Архив автора*].

4. **Парфенцева О.А.** Потребности российской экономики в рабочей силе в условиях перехода на инновационный путь развития. Центр развития человеческого капитала и политики занятости, ГУ Институт макроэкономических исследований (г. Москва): [Рабочие материалы. – *Архив автора*].

5. **Смирнова Т.М., Крутько В.Н.** Человеческий потенциал России как критический ресурс и приоритетный объект модернизации. Институт системного анализа РАН: [Рабочие материалы. – *Архив автора*].

6. **Топилин А.В.** Трудовая миграция в контексте развития рынка труда. ГУ Институт макроэкономических исследований (г. Москва): [Рабочие материалы. – *Архив автора*].

В данном реферативном обзоре рассматриваются доклады участников конференции, посвященные **вопросам использования человеческих ресурсов для решения проблемы модернизации России.**

Для осуществления модернизации необходимо обратить внимание на решение многочисленных задач. В первую очередь, авторы обращают внимание на следующие проблемы.

Т.В. Нефёдова считает, что для проведения модернизации и диверсификации экономики России в современных условиях необходимо учитывать комплексный характер данного процесса, охватывающего экономический, политический и социальный векторы. Приоритетными задачами в этом направлении наряду с обеспечением макроэкономической стабильности, основанной на высокотехнологичном производстве, являются переход к постиндустриальному развитию, выработка гибкой и последовательной политики в области занятости, направленной на структурную перестройку в распределении занятых по видам экономической деятельности и группам занятий, повышения конкурентоспособности рабочей силы на основе развития системы непрерывного профессионального образования, включающей базовое и дополнительное образование, профессиональную подготовку (3).

Для стимулирования инноваций и технологической модернизации российской экономики России придется не только обновлять устаревшие производственные фонды и вкладывать средства в человеческий потенциал, поставляя экономике образованных и умелых специалистов, считает М.В. Золотых (1).

Модернизация российской экономики, внедрение новых технологий предполагает более эффективное использование имеющихся ресурсов труда, более энергичную перестройку системы профессионального образования, отвечающей перспективным потребностям экономики в кадрах необходимых профессий и уровня квалификации. Вместе с тем экономика России, являясь частью международного рынка труда, и в перспективе будет осуществлять миграционный обмен с зарубежными странами. По мнению А.В. Топилина, задача состоит в том, чтобы в максимальной степени использовать выгоды такого обмена для России и свести к минимуму возможные издержки от этого процесса (6).

Для повышения эффективности управления миграционными процессами в России, указывает О.А. Парфенцева, требуется четкая схема обоснования потребностей российских регионов в дополнительном притоке внешних трудовых мигрантов. При этом необходимо учитывать как современное социально-экономическое положение территорий, так и перспективные возможности регионов для ускоренного перехода на инновационный путь развития (4).

С миграционными процессами и связанными с этим проблемами тесно связаны вопросы демографического развития, не только миграционной, но и социально-демографической политики России. Демографическую ситуацию, сложившуюся в России в последнее десятилетие XX столетия, Н.И. Кожевникова характеризует как кризисную и угрожающую всему будущему развитию страны (2).

Важнейшим ограничителем развития России является тенденция к депопуляции, закрепившаяся в последние два десятилетия, несмотря на устойчиво положительное сальдо миграции, считают Т.М. Смирнова и В.Н. Крутько. Небольшой прирост численности населения, зафиксированный в 2009 г. и составивший 10,5 тыс. человек, был обусловлен превышением миграционного притока над потерями вследствие остающегося отрицательным естественного прироста. В 1950 г. на территории современной России проживали 4,06% мирового населения, и более населенными были лишь три страны – Китай, Индия и США. В 2009 г. Россия с 2,06% мирового населения занимала девятое место в мире, а к 2025 г., согласно оценкам Отдела народонаселения ООН, ее доля сократится до 1,65%, к 2050 г. – до 1,27%, что соответствует 14-му месту в мире (в соответствии со средним вариантом прогноза). Численность населения России к 2050 г. вернется к уровню 1959 г., тогда как население мира за тот же период вырастет в 3 раза – с 3 млрд. до 9 млрд. человек (5).

Характеризуя стоящие перед Россией проблемы, Т.В. Нефёдова указывает, что политика занятости должна способствовать формированию рациональной структуры занятости, достижению сбалансированности спроса и предложения рабочей силы, созданию новых рабочих мест и развитию трудового и интеллектуального потенциалов.

Основой расширения занятости, а также ликвидации диспропорций на рынке труда является развитие системы рабочих мест, которая должна согласовываться со структурной политикой, являющейся важным элементом управления экономикой России в условиях перехода к постиндустриальной экономике.

В настоящее время в структуре смешанной экономики России прослеживается тенденция увеличения частного сектора. Доля частного сектора в общем числе предприятий и организаций возросла за последние пять лет с 79,2 до 83,3%. При росте числа предприятий и организаций на 11% число предприятий и организаций частного сектора возросло на 18%, при этом муниципальные

и государственные предприятия и организации практически остались на прежних позициях.

Развитие частного сектора в российской экономике находит свое отражение в социально-статусной структуре общества. По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2005 г. 33,7% занятого населения работали на государственных и муниципальных предприятиях, в 2009 г. их число сократилось до 31,3%. Численность занятых на частных предприятиях, напротив, возросла за этот период с 54,1 до 57,8%.

Численность занятого населения, работающего не по найму, в 2009 г. составила 6,9%, в том числе работодателей – 1,4, самозанятых – 5,2%. Общее число работающих не по найму по сравнению с 2005 г. сократилось на 0,4%. Анализ численности занятых по статусу на основной работе свидетельствует о преобладании в данной структуре работающих по найму – 93,1% в 2009 г. и более 90% в период с 2002 по 2009 гг.

На долю работающих не по найму, в состав которых входят работодатели, самозанятые, члены производственных кооперативов и помогающие на семейном предприятии приходится всего 6,9%, при том что в странах Западной Европы этот показатель вдвое выше. Этот факт подтверждает необходимость развития малого и среднего бизнеса в России, который в состоянии значительно повысить занятость населения.

Недостаточное развитие частного предпринимательства находит свое отражение в структуре денежных доходов населения.

По данным государственной статистики России, с 2000 по 2009 г., наибольший удельный вес приходится на оплату труда, составившую в 2009 г. 66,9% всех денежных доходов, социальные выплаты и доходы от предпринимательской деятельности соответственно составили 14,9 и 9,7%. Нефёдова Т.В. обращает внимание на сокращение по сравнению с 2005 г. доли доходов от предпринимательской деятельности на 2%, что указывает на отсутствие благоприятных условий для организации малого и среднего бизнеса в стране.

В странах с развитой рыночной экономикой большое внимание уделяется измерению неравенства, показатели которого используются при разработке социальной политики, направленной на нивелирование различий уровня жизни.

Для измерения неравенства используются коэффициент Джинни и коэффициент фондов.

В соответствии с классификацией, предложенной для стран ОЭСР, существует следующая шкала степеней неравенства: экономика с очень низкой (коэффициент Джинни равен 20–22%), низкой (24–26%), средней (29–31%) и высокой степенью неравенства (33–35%). Чем выше коэффициент Джинни, тем в большей степени доходы концентрируются у более богатого населения.

В России в 2008 и 2009 гг. значение коэффициента Джинни оставалось на уровне 42,2%, что говорит о крайне неравномерном распределении доходов. При этом субъекты Российской Федерации значительно различаются между собой по уровню концентрации денежных доходов, и это создает целый ряд дополнительных сложностей в регулировании социально-экономических отношений в стране.

Коэффициент фондов характеризует степень расслоения общества и показывает отношение среднего уровня доходов 10% самых богатых граждан к среднему уровню доходов 10% самых бедных. По рекомендациям ООН, во избежание социальных потрясений он не должен превышать 8–10. В странах Евросоюза этот коэффициент колеблется в интервале 6–10 и ниже, в России значение данного коэффициента в период с 2000 по 2008 г. постоянно росло и даже после незначительного снижения в 2009 г. составило 16,7, что является крайне высоким.

Модернизация для России означает переход к постиндустриальному обществу, для которого потребуются перестройка существующей структуры занятости по профессиональным группам. По данным статистики, численность специалистов высшей и средней квалификации постоянно растет: соответственно 12 394 тыс. человек и 9701 тыс. человек в 2005 г., и 184 877 тыс. человек и 10 683 тыс. человек в 2008 г. Таким образом, суммарная доля специалистов высшей и средней квалификации превысила 30% всех занятых в экономике. Первостепенной задачей для модернизации экономики на данном этапе является привлечение этих специалистов в наукоемкие отрасли, которые могут придать мощный импульс развитию страны. Необходимо создавать условия специалистам высокой и средней квалификации для реализации своих знаний и применения профессиональных навыков в инновационных секторах экономики.

Для использования политики занятости при осуществлении модернизации, по мнению Т.В. Нефёдовой, необходимо, чтобы приоритетным направлением политики занятости в современных условиях стал переход от политики консервации занятости к поли-

тике стимулирования создания новых рабочих мест и мобильности рабочей силы.

В соответствии с решением правительства о финансировании Программы стабилизации рынка труда в России было выделено 43,7 млрд. руб. на ее реализацию в 2009 г. Программа включала четыре компонента: организация общественных работ, повышение квалификации и переобучение работников, содействие развитию малого предпринимательства (выплата грантов в размере до 58,8 тыс. руб., максимальной суммы годового пособия по безработице), переезд с целью трудоустройства в новый регион (предусматривалось финансирование из расчета 550 руб. в сутки и оплачиваемый проезд). Регионам надлежало покрыть не менее 5% общего бюджета программы по борьбе с безработицей. Как показывает опыт внедрения программы, самым труднореализуемым направлением стало переселение работников с целью трудоустройства: число желающих составило всего 2 тыс. человек, из которых треть воспользовались средствами, выделенными в рамках проектов развития Нижнего Приангарья и других инвестиционных проектов Красноярского края.

По данным Минздрава, наряду с регионами, где программа реализуется, есть регионы, пока еще вообще не приступившие к освоению средств, выделенных федеральным правительством на нужды рынка труда. К первой группе относятся Ульяновская, Брянская, Белгородская области, Татарстан, Приморский и Красноярский края, ко второй – Калининградская и Самарская области. Несмотря на то, что программа на 2009 г. реализована максимум на треть, правительство заявило о готовности продолжать финансировать региональные программы. На эти цели в 2010 г. было выделено 35 млрд. руб., что на 20% меньше суммы предыдущего года. При этом, хотя правительством не приводится никаких данных о востребованности мер по поддержке малого предпринимательства как альтернативы выплаты пособий по безработице, акцент делается на развитии самозанятости населения и профессионального переобучения.

Система профессиональной подготовки и переподготовки работников, указывает Т.В. Нефёдова, должна основываться на детальном анализе конъюнктуры рынка труда.

В настоящее время на российском рынке труда избыточно представлены экономисты, юристы, социологи, психологи. Причем, проблема трудоустройства молодых специалистов, по результатам социологических опросов, заключается в низком уровне подготовки работников и их компетенции. В связи с этим молодые

люди, попадая на рынок труда, не могут устроиться по полученной специальности и со временем вынуждены переквалифицироваться.

На данный момент больше всего российский рынок труда нуждается в специалистах в области естественных и точных наук: биологах, физиках, математиках, инженерах и т.д. Это является следствием пониженного внимания к развитию фундаментальных наук и, в первую очередь, недостаточного финансирования этих отраслей науки на протяжении последних 20 лет. В свою очередь, «утечка умов» также повлияла на интерес молодого поколения к данным специальностям. Создание инновационной экономики будет стимулировать спрос на профессии, которые связаны с нанотехнологиями, специальностями на стыке электроники и биотехнологий. К числу наиболее востребованных профессий также относятся экологи, химики, специалисты сферы услуг.

Рассматривая состояние трудовых ресурсов России А.Н. Полянина и М.В. Золотых указывают, что сама эффективность инновационных процессов, при всем многообразии факторов, определяющих инновационный потенциал государства и возможности его инновационного капитала, зависит от состояния и качества его трудовых ресурсов. Трудовые ресурсы являются ключевым фактором, определяющим весь успех инновационной деятельности (1).

Человеческий потенциал проявляется на различных стадиях и этапах инновационного процесса, а также в отдельных чертах, характеризующих трудовые ресурсы – квалификации, составу кадров, их адаптации к данной деятельности, возрастном составе, психофизиологических качествах, психологическом климате в трудовом коллективе и т.п.

По мнению экспертов, сегодня в России нет отраслей, куда бы могли пойти инновации, так как страна почти ничего не производит. Так, президент инвестфонда «ОНЭКСИМ» М. Прохоров в рамках дискуссионного клуба Международной школы бизнеса Финансовой академии определил «болевые точки» нашей экономики и социальной системы, мешающие проведению реформ в России (2).

М. Прохоров отметил, что руководителями государства поставлена цель к 2020 г. увеличить производительность труда в 2,5–4 раза., т.е. этот показатель должен расти на 12% в год. Но пока производительность труда в России падает каждый год. Россия отстает по этому показателю от США в 4 раза¹ (1).

¹ М. Прохоров: «Россия отстает от развитых стран на 50 лет». – Режим доступа: <http://svpressa.ru/society/article/21402/>. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

Останавливаясь на качестве рабочей силы М. Прохоров указал, что в России 80% молодежи – студенты вузов. Однако, рынком могут быть востребованы только 20% выпускников. 60% молодежи – потенциальные и нынешние безработные. Качество подготовки экономистов, менеджеров и юристов таково, что ведет к дискредитации российского профессионального образования.

Ректор ВШЭ Я. Кузьминов отмечал низкое качество знаний абитуриентов технических и технологических специальностей. Это приводит к тому, что выпущенные вузами специалисты выполняют функции техников, а не инженеров.

Помимо этого на рынке труда ощущается дефицит одних кадров при переизбытке других. Это явилось результатом фактической ликвидации ПТУ, бесконечных реформ школьного и вузовского образования, падения престижа ранее уважаемых профессий, в том числе и научных работников.

На сегодняшний день социально-экономической задачей номер один является стратегическое повышение производительности труда. Для решения этой проблемы необходимо следующее.

Во-первых, следует реализовать программы социальной защиты трудовых ресурсов, к которым относится деятельность государства по поддержанию численности трудоспособного населения. Речь идет о фундаментальной демографической проблеме. По данным Госкомстата, к 2016 г. на 1 тыс. трудоспособного населения будет 556 пенсионеров¹ (1).

Во-вторых, необходимо совершенствование воспитательной работы в трудовых коллективах. Важно обеспечить воспитание у каждого работающего потребности в добросовестном, высокопроизводительном труде, осознание необходимости эффективной работы с тем, чтобы обеспечить развитие и реализацию инновационного процесса. Решение этой задачи во многом зависит от специалистов по организации производства, социологии и инженерной психологии, способных глубоко изучить сущность и особенности влияния человеческого фактора и направить его возможности для решения социальных проблем.

В-третьих, необходимо модернизировать систему профессионального образования и переподготовки, в том числе провести

¹ Бендерский Г.П., Федоров В.К., Кислуха А.Е. Управление инновационным процессом в условиях действия государственного оборонного заказа // Технология машиностроения. – М., 2008. – № 2. – С. 36–42.

реформирование средне-специального образования, возродить профессионально-технические училища.

В целях устранения перекосов в подготовке кадров, нужно заранее знать, специалисты каких профессий, какого уровня подготовки и по каким регионам потребуются в течение ближайших пяти-десяти лет. Однако, государству следует понимать, какие работники в каких видах деятельности будут высвобождаться в результате внедрения инноваций и роста производительности труда. Важно продумать вопрос о том, каковы возможности их переподготовки, какая помощь им потребуется в сфере профессиональной адаптации.

А.Р. Полянин и М.В. Золотых отмечают, что обществу требуется нормальное частное высшее образование, так как частный сектор должен своими деньгами обеспечить подготовку нужных ему кадров. Для бизнеса должны готовиться кадры в учреждениях, которые он сам финансирует и контролирует. Вот почему необходима активизация частного сектора в образовании как важнейшей характеристики постиндустриального общества.

Определенное внимание следует уделять вопросам миграции трудовых ресурсов. Как указывает А.В. Топилин, миграция населения как сложное социально-экономическое явление оказывает разностороннее воздействие на все сферы жизнедеятельности общества.

Основной риск социально-экономического развития, связанный с миграцией, состоит в том, что в условиях экономического кризиса при ужесточении контроля за процессами трудовой миграции со стороны правительства (в частности, на 2009 г. были в 2 раза уменьшены квоты на привлечение иностранной рабочей силы как мера по поддержке безработных россиян во время кризиса; ФМС усилил контроль за использованием квоты там, где она выдана), возрастут масштабы нелегальной миграции со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для страны. Произойдет расширение теневого сектора экономики, в том числе укрепление неформального рынка труда в связи с тем, что безработные мигранты в России будут стремиться устроиться на работу без официальных разрешений.

Например, по данным Управления ФМС по городу Москве, среди уволенных с предприятий города в 1 квартале 2009 г. 40% составляли иностранные работники и жители Подмоскovie. При этом 20–30% потерявших работу иностранных граждан надеются снова найти ее и остаются в Москве. Очевидно, что трудоустро-

иться удастся далеко не всем и часть из них становятся незаконными мигрантами.

Попытки запретительными мерами ограничить приток трудовых мигрантов и освободить рабочие места для местного населения несут в себе определенные угрозы и риски, которые не менее опасны, чем проблемы, связанные с избыточной миграцией. Эти угрозы и риски возможны в связи с оголением непрестижных низкооплачиваемых рабочих мест, традиционно занимаемых трудовыми мигрантами. Таких непривлекательных рабочих мест достаточно много в различных сферах деятельности, прежде всего в строительстве, торговле, сфере обслуживания, жилищно-коммунальном хозяйстве (уборка улиц, погрузочно-разгрузочные работы, дорожное и дачное строительство, обслуживание домохозяйств) и т.д.

Сокращение сферы применения неквалифицированного труда во многом зависит от предпринимателей, их образа мышления, стремления вкладывать средства в развитие человеческого капитала, подготовку и переподготовку кадров. Пока же становится нередким явление, когда работодатель, стремясь привлечь более дешевую иностранную рабочую силу, устанавливает для российских граждан невыгодные условия работы, что ведет к нарушению их прав. Государство должно создать правовое поле, исключающее подобные действия, разрабатывать механизмы, стимулирующие работодателей внедрять новую технику и современное оборудование, экономящие живой труд. Только при этом условии можно свести к минимуму привлечение иностранной рабочей силы в малопривлекательные сектора экономики.

Возрастают риски, связанные с потерей интеллектуального потенциала. В условиях кризиса может возрасти эмиграция из России, которая в последние годы постепенно сокращалась. Причем покинуть страну могут наиболее квалифицированные, молодые и перспективные работники, ученые, высококвалифицированные специалисты (например, врачи в связи с их нехваткой в ряде западных стран), студенты и аспиранты по наиболее востребованным специальностям. Всплеск эмиграции Россия уже переживала не раз, в том числе в начале 1990-х годов прошлого столетия. И здесь единственный путь – скорейший переход экономики на инновационный путь развития, создание передовых научно-инновационных центров на базе крупнейших университетов страны, поддержка развития наукоградов, многократное повышение заработной платы ученым, создание благоприятных условий для закрепления высококвалифицированных кадров.

О.А. Парфенцева рассматривает потребности экономики России в рабочей силе в условиях перехода на инновационный путь развития, в условиях модернизации экономики и перехода на инновационный путь развития.

Указывается, что повышение эффективности управления миграционными процессами в России требует четкой и понятной схемы обоснования потребностей российских регионов в дополнительном притоке внешних трудовых мигрантов. При этом необходимо учитывать социально-экономическое положение территорий и перспективные возможности регионов для ускоренного перехода на инновационный путь развития.

Для определения потребности экономики субъектов РФ в рабочей силе О.А. Парфенцева предлагает систему показателей, объединенных в три блока: «Образование», «Социально-экономическое развитие», «Инновационность», которая позволяет проанализировать и оценить сложившиеся в регионах образовательный и инновационный потенциалы в связи с социально-экономическим развитием территорий.

Уровень образования населения оказывает существенное влияние на формирование и развитие инновационного потенциала региона. Наличие инновационных центров порождает спрос на квалифицированную рабочую силу, способствует росту занятости в отраслях, требующих кадры, обладающие глубокими профессиональными знаниями. Такие инновационные центры в случае нехватки специалистов на месте, могут потребовать для своего развития высококвалифицированных иностранных кадров соответствующего профиля.

Парфенцева О.А. указывает, что только небольшая часть российских регионов способна самостоятельно обеспечивать потребности своей экономики в квалифицированных кадрах – это федеральные города и их городские агломерации, а также области с крупнейшими вузовскими центрами (Новосибирская, Томская, Самарская, Нижегородская), Хабаровский край и др. Основная же часть субъектов РФ по численности обучающихся в вузах и средних профессиональных учреждениях не могут полностью удовлетворить потребности региональной экономики в специалистах. Особое положение занимают Московская и Ленинградская области, входящие в состав регионов-аутсайдеров, по возможностям подготовки молодых специалистов собственными силами. Это обусловлено близостью мощных вузовских центров Москвы и Санкт-Петербурга.

Молодежь этих регионов составляет почти треть учащихся профессиональных учебных заведений Москвы и Санкт-Петербурга.

На основе анализа показателей по трем блокам – «Образование», «Социально-экономическое развитие», «Инновационность» была осуществлена группировка субъектов РФ и обоснованы потребности российской экономики в дополнительном привлечении квалифицированных мигрантов.

По приоритетам в привлечении мигрантов выделяются две группы регионов: регионы постоянного привлечения и регионы выборочного привлечения квалифицированных мигрантов.

О.А. Парфенцева считает, что первоочередное обеспечение высококвалифицированными иностранными специалистами должно осуществляться для регионов, добившихся определенных результатов в инновационной деятельности. Во многих из них есть развитая база высшего и среднего специального образования и подготовки собственных кадров, однако она не в полной мере отвечает потребностям инновационной экономики, и без дополнительного привлечения иностранных специалистов даже этим регионам-лидерам не обойтись.

Потребуются квалифицированные кадры из числа трудовых мигрантов и для регионов, где инновационное развитие находится на низком уровне. В любом случае в каждом таком регионе можно найти вид экономической деятельности, имеющей благоприятные условия для своего развития. Например, в республиках Северного Кавказа это уникальные возможности для развития инфраструктуры рекреационных зон и туристического бизнеса. Создание современной инфраструктуры туризма в этих регионах потребует не только переподготовки собственных трудовых ресурсов из числа безработных, но и привлечения иностранных специалистов, топ-менеджеров по внедрению новых методов управления (4).

С миграционными процессами тесно связано демографическое положение в России.

Рассматривая демографическую ситуацию, сложившуюся в России в последнее десятилетие XX столетия, Н.И. Кожевникова оценивает ее как угрожающую будущему развитию страны. Об этом свидетельствует сокращение современной численности населения России, которое в настоящее время более чем в 2 раза меньше той численности, которую ей прогнозировал в начале XX в. Д.И. Менделеев¹: по его расчетам, оно должно было бы составлять сегодня

¹ Менделеев Д.И. К познанию России. Сочинения. – Л.-М.: Изд-во Академии наук, 1952. – Т. 21. – С. 9.

уже 500 млн. человек (2). Такое отставание численности населения России от ее прогнозируемой величины, свидетельствует о кардинальных изменениях в социально-демографическом развитии страны, произошедших на протяжении прошедшего столетия в результате, прежде всего, кардинальных изменений в ее социально-экономическом развитии. Вместе с тем вектор современного демографического развития России в целом фактически соответствует вектору демографического развития наиболее развитых стран Запада, с которыми граничит ее наиболее заселенная, европейская часть территории, поскольку демографическое развитие и демографические проблемы в этих странах во многом совпадают с общероссийскими.

Большие опасения в области демографического развития России вызывают в настоящий момент процессы обезлюднения, которые наиболее активно идут во всех российских стратегически важных приграничных территориях, в том числе в северных или приравненных к ним регионах. Причем на приграничных территориях это происходит на фоне депрессивности их экономики, с одной стороны, и наличия (начиная с Калининградской области и заканчивая Сахалином), территориальных претензий со стороны сопредельных государств – с другой.

Н.И. Кожевникова указывает, что для стран с отрицательной динамикой населения в контексте их национальной безопасности наиболее опасными являются следующие тенденции. Прежде всего, тенденция сокращения когорты молодого, потенциально военно-обязанного контингента мужского населения даже в условиях современных войн может привести к серьезному падению обороноспособности страны в целом. В рамках современных демографических тенденций, численность 18-летних мужчин в России к 2050 г. будет колебаться, по прогнозам демографов, от 200 до 300 тыс. человек. Затем следуют тенденции в развитии процессов старения населения и негативные сдвиги в половозрастной структуре населения, которые с каждым годом будут все более тяжким бременем для всей экономической системы страны и для систем пенсионного и медицинского обслуживания. В России к 2025 г. ожидается снижение доли трудоспособного населения: с 63,3–63,5% в 2006–2008 гг. до 57,6–57,9% к 2020–2025 гг.¹ Также вызы-

¹ Стратегия демографического развития России / Под ред. В.Н. Кузнецова, Л.Л. Рыбаковского. – М.: Изд-во ЦСП, 2005. – С. 60.

настороженность тенденция к замещению коренного населения новоприбывшими мигрантами, что приводит к изменению этнического состава населения, и, как показали события во Франции, Дании, Голландии и других странах, может способствовать возникновению межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Для демографического будущего России данные процессы выглядят угрожающе, особенно из-за соседства с перенаселенным Китаем (2).

Миграция является наименее инерционным из демографических процессов, а в создавшихся условиях обезлюживания приграничных регионов России именно фактор времени играет важную роль. Для того, чтобы численность российского населения в 2025 г. была 145 млн. человек (в соответствии с целью, поставленной в Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 г.), российское государство должно осуществлять активную иммиграционную политику. Н.И. Кожевникова считает, что для этого необходимо ежегодно привлекать в Россию на постоянное место жительства 400–425 тыс. мигрантов, или 6250 тыс. человек за весь период до 2025 г.¹ В связи с этим основное внимание ученых и практиков в области демографии должно быть перенесено в область качественных аспектов развития российского населения, – в частности, на иммиграционную политику, с одной стороны, и на картину внутрироссийского размещения российского населения по территории, по отдельным субъектам Российской Федерации – с другой.

Н.И. Кожевникова обращает внимание на то, что меры демографической политики реализуются не в стерильной среде, а в условиях противоречивой динамики общественного развития. Существенный рост рождаемости и сокращение смертности в России, начавшиеся в 2006 и 2007 гг., соответственно, происходили в условиях заметной стабилизации социально-экономической и политической жизни в стране. В последующем, начиная с 2008 г., положение стало меняться, что могло сказаться и на затухании эффективности, проводимой в эти годы политики стимулирования рождаемости посредством так называемого «материнского капитала». Подводя итог анализа естественного движения населения России в последнее пятилетие, Н.И. Кожевникова отмечает, что

¹ Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И. Оценка возможных и необходимых масштабов привлечения иммигрантов в Россию. – М.: Экон-информ, 2010. – С. 103.

принимаемые российским государством меры привели к определенным позитивным сдвигам.

Однако, несмотря на незначительные улучшения демографической динамики в России, отмеченные выше, количественные характеристики этих показателей отражают не только наличие суженного типа воспроизводства населения (при котором отсутствует замещение поколений), но и присущий России «двойной демографический прессинг», который характеризуется, с одной стороны, низкой рождаемостью, с другой – высокой смертностью. Это свидетельствует о том, что вектор демографического развития России в настоящее время по-прежнему неблагоприятен.

К основным неблагоприятным факторам Н.И. Кожевникова относит северные территории России – как в европейской, так и в азиатской части. Проблемы демографического развития северных регионов должны стать во главу угла выбора направлений современной демографической политики. Север принадлежит к тем регионам России, которые особенно важны с геополитической точки зрения. Особенно актуальны проблемы демографического развития Российского Севера в контексте социальных перемен. Как указывает Л.Л. Рыбаковский, экономический кризис после распада Союза ССР «приобрел на Севере весьма острый характер в силу специфики данного региона, создал угрозу полного истощения демографического потенциала этого региона»¹ (2).

В заключительной части своих выступлений, участники конференции пришли к следующим выводам.

Т.В. Нефёдова считает, что анализ современного рынка труда позволяет сделать вывод о необходимости структурных сдвигов занятого населения в соответствии с требованиями модернизации экономики и приданием российской экономике черт постиндустриальной экономики. Изучение зарубежного опыта подтверждает, что в период глубоких экономических преобразований возрастает роль государственной политики занятости, государство вместе с работниками берет на себя ответственность за развитие системы эффективных рабочих мест.

Т.В. Нефёдова подчеркивает, что уровень образования в РФ также достаточно высок и по времени обучения сравним с аналогичным показателем европейских стран. Однако на данном этапе следует сосредоточить внимание на повышении качества образо-

¹ Рыбаковский Л.Л. Введение // Социально-демографическое развитие Российского Севера. – М., 1993. – С. 5–6. (Демография и социология., Вып. 9).

вания, внедрении в учебный процесс образовательных технологий в целях соответствия уровня образования требованиям инновационной экономики.

Для осуществления модернизации экономики и перехода к экономике постиндустриального типа наряду с изменением профессиональной структуры занятых необходимо преобразовывать структуру занятого населения в отраслевом разрезе.

По данным Международной организации труда, для стран с постиндустриальной экономикой характерен высокий уровень развития сферы услуг, ядром которой являются наукоемкие услуги – телекоммуникации, информационные, компьютерные, финансовые, медицинские, профессиональные и ряд других. В сочетании с высокотехнологичными промышленными отраслями они образуют базу развитых экономик. Структура занятых в данном аспекте в российской экономике пока остается на уровне индустриальных стран, демонстрируя в первую очередь неразвитость сферы услуг. В этой связи особое внимание, по мнению Т.В. Нефёдовой, следует уделить подготовке специалистов сферы услуг (3).

А.Р. Полянин и М.В. Золотых указывают, что современная Россия страдает от массового износа оборудования и дефицита инвестиций, однако она сохраняет человеческий потенциал, который бы позволил стране сделать резкий рывок вперед, если будет осуществлено комплексное инвестирование в программы модернизации. Модернизация должна быть связана с экологией и экологическими продуктами, с научными разработками и образованием, здравоохранением, жилищным строительством, транспортом, производством и сбережением энергии.

При сохранении своих территориальных и природных преимуществ, в наследие от советских времен России достался новый ресурс – все еще значительное и притом вполне прилично образованное население, сформировавшее новый средний класс. На повестке дня сегодня стоит экономический прорыв России и переход на инновационную модель развития. Все это напрямую зависит от способности наших граждан к систематическому труду и нравственных установок на честный труд и достойную жизнь.

Несмотря на все трудности, окончательный вывод может быть только положительным. У России есть все, что нужно для модернизации и инноваций: сырьевые, земельные ресурсы, умные, энергичные, работающие люди. Задача в том, как все это организовать, чтобы в России было выгодно работать честно и с полной отдачей (1).

Н.И. Кожевникова подчеркивает, что в начале XXI в. как и 100 лет назад Россия оказалась перед очередным серьезным выбором в своей истории. Сегодняшний стратегический выбор требует экономических реформ, которые вводили бы все необходимые

рыночные институты не в виде слепого копирования иностранных образцов, а с учетом специфики России, обеспечивая ее экономике возможности развиваться по собственному пути. Однако для функционирования рыночной экономики нужен соответствующий ее запросам человеческий потенциал. А для России в современных условиях человеческие ресурсы, не столько по их количественным, сколько по их качественным характеристикам (в том числе – с позиций их территориального распределения по российским

территориям), не соответствуют поставленным социально-экономическим задачам. При этом в новых геополитических условиях эту проблему усугубляют не только общепризнанные для России проблемы разности уровней социально-экономического развития и социально-демографических потенциалов с сопредельными, перенаселенными государствами Центральной Азии и Тихоокеанского региона. Для России новые социально-демографические проблемы стали возникать в изменившихся условиях и с сопредельными государствами на постсоветском пространстве. В абсолютном большинстве случаев, как правило, это проблемы, связанные с проблемами миграции – а точнее – возросших объемов нелегальной миграции. Они являются следствием несовершенства законодательства в миграционной сфере, а также отсутствием должного оснащения и пропускных пунктов на вновь образованных участках государственных границ. Рост объемов нелегальной миграции, как миграции, которая не подвергается контролю со стороны государства, это весьма негативное явление даже в обмене с дружественными государствами. Все это требует активизации государственных усилий в области регулирования не только естественного, но и миграционного движения на территории России в целях коррекции вектора ее современного демографического развития (2).

С.Н. Куликова

А.Б. Докторович

СОЦИОИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В XXI в.

В XXI в. человечество вступило в новый этап развития цивилизации. Нынешнее столетие уже не будет эпохой полновластного индустриализма. Существенно возросли роль человека и семьи в обществе и экономике, значимость их гармоничного, продолжительного развития, стандартов уровня и качества жизни, возможностей приобщения к культуре, рациональных взаимоотношений с природой. Наука, образование, высокие технологии и здравоохранение признаны ключевыми факторами социально-экономического развития.

Основу понятийного аппарата исследуемой теории формирует понятие «*человеческий потенциал*».

Теория развития человеческого потенциала

Человеческий потенциал (ЧП) представляет собой системную совокупность качеств (включающую способности) индивида, социальных групп и общества, обеспечивающую их жизнедеятельность, социальную активность и его воспроизводство. В определенных условиях, при наличии необходимых ресурсов ЧП реализуется в труде.

Ядро системной совокупности качеств, формирующих ЧП, составляют следующие ключевые компоненты: *интеллектуальные и физические способности*, обеспечивающие воспроизводство здоровья, знаний, профессиональной квалификации, умений и навыков, получение дохода, восприятие и развитие культуры и этики. В определенных условиях, при наличии необходимых ресурсов совокупность указанных качеств, включающих способности, обеспечивает жизнедеятельность носителей ЧП, процессы труда, а также воспроизводство ЧП.

Носителями ЧП являются индивиды, социальные группы и общество.

Величина ЧП и его изменения оцениваются количественными и качественными характеристиками.

Основные концептуальные положения теории развития человеческого потенциала

Изучаемая теория полагает в качестве *глобальной цели развития человека и человеческого потенциала* и основывается на следующих концептуальных положениях.

– **Продуктивность.** Люди должны иметь возможность повышать продуктивность своей деятельности, полноценно участвовать в процессе формирования дохода и трудиться за денежное вознаграждение. Поэтому теории экономического роста, динамики занятости и заработной платы являются не самостоятельными независимыми теориями, а компонентами глобальных моделей человеческого развития.

– **Равенство.** Все люди изначально должны иметь равные возможности. Все ограничения по признакам пола, расы, национальности, классовой принадлежности, происхождения, места проживания, уровня благосостояния и т.п., препятствующие обретению и расширению возможностей в экономической и политической жизни, должны быть ликвидированы для того, чтобы люди могли участвовать в реализации этих возможностей и пользоваться их благами.

– **Устойчивость.** В основе этого концептуального положения лежит принцип «универсализма человеческих прав», согласно которому доступ к ресурсам и возможности сбалансированного развития должны быть обеспечены не только нынешним, но и будущим поколениям. При этом следует обеспечить расширяющееся воспроизводство всех видов капитала: материального, человеческого, экологического, не оставляя долгов в наследство будущим поколениям. Устойчивость включает также проблему справедливого распределения возможностей развития между нынешним и будущими поколениями, а также внутри каждого поколения, не принося чьи-либо интересы, потребности и возможности в жертву какому-либо другим.

– **Расширение возможностей.** Развитие должно осуществляться усилиями многих людей не только в интересах конкретных социальных групп. Люди должны всемерно участвовать в процессе принятия решений и во всех других процессах, влияющих на их жизнедеятельность. В таких вопросах чрезвычайно велика роль

гражданского общества, социальной политики и общественных организаций. Одним из необходимых условий такого развития является полная подотчетность правительства своим народам. Противоречия между рынком, его государственным и общественным регулированием должны разрешаться, имея в виду, что целью развития общества является развитие человека и его потенциала, расширение диапазона выбора возможностей человека как в настоящем, так и в будущем. Расширение возможностей человека означает также повышение ответственности за судьбы своей семьи, общества, страны и человечества в целом, особенно учитывая современные возрастающие способности человека и возможности технологий привести среду жизнедеятельности к необратимым разрушениям (18, с. 12).

В соответствии с изложенными концептуальными положениями декомпозиция глобальной цели – развития человеческого потенциала может быть представлена следующей системой целей человеческого развития:

- свобода выбора образа жизни и основных жизненных благ;
- долгая здоровая и активная жизнь;
- непрерывное образование, начиная с этапа подготовки, в течение всей последующей жизни;
- возможность получения ресурсов, необходимых для достойного уровня, высокого качества жизни и гармоничного развития (17).

Реализация цели человеческого развития предполагает поиск оптимального соотношения между двумя ключевыми аспектами: расширением возможностей человека (в том числе путем укрепления его здоровья, развития знаний, профессиональной квалификации и умений и т.п.), созданием и развитием благоприятных условий для использования этих возможностей в личной, профессиональной, культурной и общественной жизни.

Представленная Концепция развития определяет цели человеческого развития и анализирует целесообразные пути их достижения.

Методика расчета индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), рекомендуемая ПРООН

В 1998–1999 гг. в рамках Программы развития ООН (ПРООН) был проведен всесторонний анализ различных методических подходов и аналитических соотношений, предложенных экспертами

разных стран для определения и расчетов **индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП)**.

В результате подробного анализа и обстоятельных обсуждений, проведенных независимыми экспертами и аналитиками ПРООН, была принята методика, предложенная Садиром Анандом и Амартия Сеном (1999), согласованы соответствующие аналитические соотношения и процедура расчетов ИРЧП.

Разработанная независимыми экспертами ПРООН процедура расчета ИРЧП была представлена в докладе о развитии (1, с. 159–160) человека за 1999 г. (19) и в пятом национальном Докладе о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 1999 г. (3, с. 159–160), подготовленном коллективом российских экспертов и консультантов.

В настоящей работе представлена современная **Методика расчета индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП)**, содержащая все необходимые аналитические соотношения, параметры и вычислительную процедуру, обеспечивающие выполнение расчета ИРЧП.

Основные положения

Базовая концепция развития человека, выдвинутая Анандом и Сеном, основана на следующих основных положениях.

1. В качестве основных показателей, оценивающих развитие человеческого потенциала, приняты следующие:

- реальные доходы, которые определяются как скорректированный реальный валовой внутренний продукт (ВВП, *англ.* – Gross domestic product, GDP) на душу населения по паритету покупательной способности в долл. США (ППС в долл. США);

- ожидаемая продолжительность жизни (долголетие), вычисляемая по значению показателя ожидаемой продолжительности жизни при рождении;

- достигнутый уровень образования, измеряемый показателями грамотности взрослого населения и совокупной доли учащихся учебных заведений первого, второго и третьего уровней.

2. Для достижения достойного уровня развития человеческого потенциала не требуется неограниченного дохода. В практической реализации данное утверждение выражается в определении максимальной границы достаточного дохода и дисконтировании его величины при расчетах ИРЧП.

3. Показателем, характеризующим уровень жизни, является *замещающий показатель дохода*. Замещающий показатель дохода может быть использован в расчетах ИРЧП и в анализе тех аспектов развития человеческого потенциала, которые не могут быть оценены такими показателями, как долголетие при здоровом образе жизни и знания, полученные в процессе развития.

4. Минимальные и максимальные значения реального ВВП на душу населения (по ППС в долл. США), а также ожидаемой продолжительности жизни должны определяться независимыми экспертами по результатам системного анализа указанных показателей в группе устойчиво развивающихся стран с рыночной экономикой с периодичностью, согласованной с уполномоченными экспертами ПРООН.

Индексы, оценивающие развитие человеческого потенциала

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) представляет собой интегрированный показатель, рассчитываемый как усредненное значение следующих трех *индексов человеческого развития (ИЧР)*:

– I_l – индекса ожидаемой продолжительности жизни (долголетия), который вычисляется по значению показателя ожидаемой продолжительности жизни при рождении;

– I_e – индекса достигнутого уровня образования, измеряемого как совокупный индекс грамотности взрослого населения и совокупная доля учащихся учебных заведений первого, второго и третьего уровней;

– I_{GDP} – индекса ВВП, определяемого как скорректированный реальный ВВП на душу населения (ППС в долл. США).

В обозначениях индексов человеческого развития используется следующая символика.

Субиндекс l , который используется в обозначении индекса I_l ожидаемой продолжительности жизни (долголетия), представляет собой первую букву соответствующего англоязычного термина *life expectancy index*.

Субиндекс e , используемый в обозначении индекса I_e достигнутого уровня образования представляет собой первую букву соответствующего англоязычного термина *education index*.

Аббревиатура I_{GDP} индекса ВВП повторяет соответствующие буквы термина *GDP index*.

Математические соотношения, определяющие ИРЧП и соответствующие индексы человеческого развития

Рассмотрим и проанализируем математические соотношения, определяющие индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) и соответствующие индексы человеческого развития, используемые в его расчете¹.

В общем виде ИРЧП определяется соотношением:

$$\check{D} \times \check{D} = \alpha_1 I_l + \alpha_2 I_e + \alpha_3 I_{GDP}, \quad (1)$$

где:

I_l – индекс ожидаемой продолжительности жизни (долголетия),

I_e – индекс достигнутого уровня образования,

I_{GDP} – индекс ВВП,

$\alpha_1, \alpha_2, \alpha_3$ (α_i $i = 1, 2, 3$) – весовые коэффициенты соответствующих индексов человеческого развития.

Индексы человеческого развития, определяющие ИРЧП, задаются следующими аналитическими соотношениями.

Индекс ожидаемой продолжительности жизни

Индекс I_l ожидаемой продолжительности жизни определяется соотношением:

$$I_l = \frac{x_l - \min(x_l)}{\max(x_l) - \min(x_l)}, \quad (2)$$

где:

x_l – ожидаемая продолжительность жизни при рождении,

$\min(x_l)$ – минимальное значение ожидаемой продолжительности жизни при рождении,

$\max(x_l)$ – максимальное значение ожидаемой продолжительности жизни при рождении.

¹ Аналитические соотношения, определяющие ИРЧП и индексы человеческого развития, представлены в соответствии с новой методикой ПРООН, принятой в 1999 г. (4, с. 140–144).

Индекс достигнутого уровня образования

Индекс I_e достигнутого уровня образования (индекс грамотности населения) характеризует долю образованного населения страны или исследуемого региона и определяется соотношением:

$$I_e = \frac{2I_{e1} + I_{e2}}{3}, \quad (3)$$

где:

I_{e1} – индекс грамотности взрослого населения,

I_{e2} – индекс охвата населения образованием первой, второй и третьей ступени.

Индекс I_{e1} грамотности взрослого населения определяет уровень грамотности взрослого населения страны и оценивается долей грамотного взрослого населения в общей численности всего населения страны.

Индекс I_{e2} определяет охват населения страны образованием первой, второй и третьей ступени. В системе российской государственной статистики данный индекс определяет долю учащихся в возрасте от 7 до 24 лет.

Как видно из соотношения (3), индекс достигнутого уровня образования определяется на две трети грамотностью взрослого населения и на одну треть охватом населения образованием первой, второй и третьей ступени.

Индекс ВВП – индекс скорректированного реального ВВП на душу населения (ППС в долл. США) рассчитывается по формуле:

$$I_{GDP} = \frac{\log y - \log y_{min}}{\log y_{max} - \log y_{min}}, \quad (4)$$

где: y – реальный ВВП на душу населения,

y_{min} – минимальный ВВП на душу населения,

y_{max} – максимальный ВВП на душу населения.

В соответствии с методикой Программы развития ООН (ПРООН) каждый оцениваемый фактор развития человеческого потенциала признается равнозначным, поэтому в формуле (1), определяющей ИРЧП, значение каждого коэффициента α_i принимается равным 1/3.

Таким образом, индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) выражается соотношением:

$$ИРЧП = \frac{I_l + I_e + I_{GDP}}{3}. \quad (5)$$

Пример расчета ИРЧП

Российская система государственной статистики содержит все базы данных, необходимые для расчета индексов человеческого развития и ИРЧП.

В качестве примера использования излагаемой методики проведем расчет ИРЧП в Российской Федерации за 2006 г.

По данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстата РФ), ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Российской Федерации в 2006 г. составляла 66,6 лет (3, с. 198).

Следовательно, индекс ожидаемой продолжительности жизни в Российской Федерации в 2006 г. составил:

$$I_l = \frac{66,0}{0,693} = 8$$

Далее проведем расчет значения индекса I_e для населения Российской Федерации за 2006 г.

В расчете индекса образования уровень грамотности населения РФ (процент грамотного населения страны) принимается равным 99,4% (3, с. 198).

Следовательно, $I_{e1} = 0,994$.

Процент учащихся в возрасте от 7 до 24 лет составлял 73,4% (3, с. 198).

Следовательно, $I_{e2} = 0,734$.

Согласно соотношению (3) индекс достигнутого уровня образования в РФ в 2006 г. составлял:

$$I_e = \frac{2 * 0,994 + 0,734}{3} = 0,907$$

Отметим, что при необходимости индекс I_e достигнутого уровня образования может рассчитываться для отдельных возрастных или любых статистически представительных групп населения.

***Индекс скорректированного реального ВВП
на душу населения (ППС в долл. США)***

ВВП на душу населения по ППС в долл. США в среднем по Российской Федерации в 2006 г. составил 13 252 долл. США.

Рассчитываемый по данной методике индекс ВВП в Российской Федерации в 2006 г. равен:

$$I_{GDP} = \frac{\log 13252 - \log 100}{\log 40000 - \log 100} = \frac{4,122 - 2,0}{4,602 - 2,0} = 0,816$$

Определяемый соотношением (5) индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) в Российской Федерации в 2006 г. равен:

$$\check{D} \times \check{D} = \frac{I_l + I_e + I_{GDP}}{3} = \frac{0,693 + 0,907 + 0,816}{3} = 0,805.$$

Принципиально важным положением теории развития человеческого потенциала, которое необходимо учитывать, является то, что ИРЧП представляет собой показатель, который нецелесообразно максимизировать традиционным способом, допуская ухудшение какого-либо «малозначимого» показателя при росте других. Исходя из генеральной цели человеческого развития и учитывая необходимость непрерывного, сбалансированного развития всех измерений человеческого потенциала, теория развития человеческого потенциала отрицает избыточность любого из них и целесообразность максимизации ИРЧП за счет какого-либо одного или пары показателей, допуская при этом ухудшение значения какого-либо иного. Поэтому максимизация индекса развития человеческого потенциала предусматривает необходимость удовлетворения расширяющихся и возрастающих базовых потребностей людей, снижение неравенства между социальными группами, преодоление отставания в развитии отдельных социальных групп по всем основным показателям и поддержку социально-экономических процессов в наиболее уязвимых регионах. Последнее об-

стоятельство подчеркивает насущную актуальность изучения региональной дифференциации показателей человеческого развития.

Величина ИРЧП может использоваться в качестве критерия классификации стран по уровню человеческого развития. Согласно методике ПРООН, классификация стран по уровню человеческого развития осуществляется *вне зависимости от уровня экономического развития* (будь то развитые или развивающиеся страны).

В 2008–2009 гг. экспертами ПРООН установлена новая классификация стран, которая основана на следующих граничных значениях ИРЧП:

- страны, ИРЧП которых составляет 0,9 или выше, называются *развитыми*, а страны, не достигшие этого уровня – *развивающимися*.

Классификация стран по величине ИРЧП на основе новых данных:

- странами с очень высоким уровнем человеческого развития признаются страны, в которых $0,900 \leq \text{ИРЧП} \leq 1$;

- к странам с высоким уровнем человеческого развития относятся страны, в которых $0,800 \leq \text{ИРЧП} \leq 0,899$;

- страны со средним уровнем человеческого развития – те, для которых $0,500 \leq \text{ИРЧП} \leq 0,799$;

- для стран с низким уровнем человеческого развития ИРЧП $< 0,500$ ¹ (2, с. 15).

Помимо ранжирования и классификации стран на группы с различным уровнем развития, вычисление отдельных индексов развития и ИРЧП в целом позволяет оценивать соответствие характера развития общества и экономики общемировым ориентирам, выраженным в терминах оптимальных значений показателей человеческого развития, а также тенденции процесса социально-экономического развития.

Динамика ИРЧП в Российской Федерации за период 1995–2008 гг.

В составленной автором таблице 1 представлены все показатели человеческого развития, учитываемые в расчете ИРЧП, за период 1990–2008 гг.

¹ Новая классификация – см.: (2, с. 15). Прежняя классификация – см.: (10, с. 119).

Таблица 1

**Индекс развития человеческого потенциала в РФ,
1995–2008 гг.**

Годы	<i>ИРЧП</i>	Индекс ожидаемой продолжительности жизни при рождении	Индекс образования	Индекс ВВП
1990	0,821
1995	0,750	0,660	0,892	0,698
1996	0,761	0,682	0,893	0,708
1997	0,759	0,693	0,893	0,691
1998	0,766	0,700	0,901	0,697
1999	0,759	0,682	0,910	0,686
2000	0,763	0,671	0,913	0,703
2001	0,761	0,672	0,893	0,719
2002	0,766	0,664	0,905	0,730
2003	0,773	0,664	0,906	0,747
2004	0,781	0,671	0,906	0,767
2005	0,792	0,672	0,907	0,797
2006	0,805	0,693	0,907	0,816
2007	0,817	0,686	0,933	0,833
2008	0,825	0,715	0,913	0,848

Источники: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2002 / 2003 годы. Роль государства в экономическом росте и социально-экономических реформах. – М.: Весь Мир, 2003. – С. 88.

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год. На пути к обществу, основанному на знаниях. – М.: Весь Мир, 2004. – С. 99.

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2005. Россия в 2015 году: цели, приоритеты развития. – М., 2005. – С. 198.

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2006 / 2007 годы. Регионы России: цели, проблемы, достижения. – М.: Весь Мир, 2007. – С. 128, 132.

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008. Россия перед лицом демографических вызовов. – М., 2009. – С. 198, 200.

Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие / Пер с англ. – М.: Весь Мир, 2009. – С. 172.

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2010 год. Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее / Под. общ. ред. С.Н. Бобылева. – М.: ООО «Дизайн-проект Самолет», 2010. – С. 150.

Системное сочетание аналитического аппарата теории человеческого развития с моделями оценки величины затрат, необходимых для достижения тех или иных целей человеческого развития, запланированных изменений показателей долголетия, образования, уровня жизни, обеспечивает высокую точность расчетов планируемых объемов финансирования программ человеческого развития на национальном и региональном уровнях.

В составленной автором таблице 2 представлены: численность всех стран, охваченных наблюдением, и соответствующие усредненные показатели человеческого развития, включая ИРЧП, по четырем группам стран (согласно новой классификации) в 2007 г.

Таблица 2

**Усредненные показатели ИРЧП в 2007 г.
(по новой классификации)**

	Количество стран	ИРЧП	Индекс долголетия	Индекс образования	Индекс ВВП
1	2	3	4	5	6
Все страны, охваченные наблюдением	182	0,753	0,708	0,784	0,768
Количество стран, охваченных наблюдением					
Страны с очень высоким уровнем развития человеческого потенциала <i>(ИРЧП 0,900 и выше)</i>	38	0,955	0,918	0,960	0,988
Количество стран					
Страны с высоким уровнем развития человеческого потенциала <i>(ИРЧП 0,800 и выше)</i>	45	0,833	0,790	0,902	0,807
Количество стран					

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6
Страны со средним уровнем развития человеческого потенциала (<i>ИРЧП 0,500–0,799</i>)	75	0,686	0,698	0,744	0,614
Количество стран					
Страны с низким уровнем развития человеческого потенциала (<i>ИРЧП менее 0,500</i>)	24	0,423	0,434	0,477	0,359
Количество стран					

Источник: (2, с. 171–174).

Новая Методика расчета индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП)

Разработанная экспертами ПРООН Методика расчета индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) при всех несомненных достоинствах не лишена недостатков. Как было отмечено выше, авторы исследуемой методики предложили использовать в расчетах ИРЧП и в анализе всех аспектов развития человеческого потенциала *замещающий показатель дохода* – индекс скорректированного реального ВВП на душу населения (ППС в долл. США), вычисляемый по формуле (4).

Автором предлагается новый обобщенный показатель – **индекс инвестиций в развитие ЧП**, который может быть использован в качестве индекса человеческого развития, дополняющего индекс ожидаемой продолжительности жизни и индекс достигнутого уровня образования.

Анализ индекса I_{GDP} *замещающего показателя дохода* начнем с рассмотрения главных предположений, на которых базируется его конструкция с целью оценить их адекватность.

Предположение первое. Весь произведенный за предшествующий год валовой внутренний продукт может быть использован на развитие человеческого потенциала.

Предположение второе. Весь произведенный валовой внутренний продукт справедливо и пропорционально распределяется между всеми домашними хозяйствами.

В реальной экономике и социальной практике ни одно из сформулированных предположений не реализуется в полной мере,

что является весомым аргументом, свидетельствующим о необходимости замены индекса I_{GDP} в соотношении, определяющем ИРЧП, на иной – адекватный индекс.

При всем желании избежать излишних методологических дискуссий по этому вопросу, трудно обойти вниманием коллизию научного творчества одного из авторов теории человеческого развития – лауреата Нобелевской премии Амартия Сена.

В своей лекции на заседании Нобелевского комитета¹, посвященной «обсуждению некоторых сложностей и фундаментальных проблем, с которыми сталкивается теория общественного выбора как дисциплина» (8). А. Сен отмечает: «Утилитаризм оказал значительное влияние на формирование экономической теории благосостояния, в которой долгое время доминировало безоговорочное следование утилитаристскому подсчету выгод и затрат. Однако к 1930-м годам утилитаристская экономическая теория благосостояния оказалась под огнем жестокой критики. Вполне естественно было бы задаться вопросом (как это мастерски сделал Роулз (Rawls, 1971) в своей теории справедливости (theory of justice)) о том, насколько оправдан утилитаристский подход к игнорированию вопросов распределения и концентрации (доходов. – А.Д.) исключительно на суммарной полезности» (8).

При этом, как уже отмечено, второе предположение, на котором основан индекс I_{GDP} , допускает возможность того, что «весь произведенный валовой внутренний продукт справедливо и пропорционально распределяется между всеми домашними хозяйствами» и, более того, формализует это допущение в аналитическом выражении индекса замещающего дохода. Другими словами, в своей лекции перед членами Нобелевского комитета ученый подверг обоснованной критике игнорирование вопросов распределения и концентрации доходов, а в Методике анализа человеческого развития признал возможность пропорционального распределения ВВП между всеми домашними хозяйствами в качестве одного из условий, обосновывающих индекс оценки инвестиций в человеческое развитие. Вот такая коллизия!

Перейдем теперь к конструктивным предложениям по совершенствованию Методики расчета индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП).

¹ Лекция, которую Амартия Сен прочитал 8 декабря 1998 г. в Стокгольме (Швеция) при получении Нобелевской премии по экономике.

1. Источниками инвестиций в развитие ЧП могут быть различные экономические субъекты: государство, домашние хозяйства, международные неправительственные организации, общественные организации, различные фонды и др.

В совокупности перечисленных источников инвестиций в развитие ЧП в качестве основных определяются консолидированные бюджеты органов государственной власти, инвестирующие коллективные услуги сектора государственного управления развитием ЧП и бюджеты домашних хозяйств.

2. Необходимо учитывать структуру государственных и негосударственных расходов на развитие ЧП.

В качестве одного из первичных показателей *государственных инвестиций в развитие ЧП* предлагается использовать обобщенный показатель расходов на коллективные услуги сектора государственного управления.

3. При всей сложности анализа целесообразно учитывать неравенство социального статуса и экономическую дифференциацию различных социальных групп и категорий населения, которые, в свою очередь, порождают неравенство возможностей их доступа к социальным услугам.

4. На уровне домашних хозяйств также существует неравенство возможностей расходов на развитие ЧП, которое можно учесть путем анализа неравенства их доходов.

5. В общем случае значимость инвестиций в коллективные услуги сектора государственного управления и инвестиций домашних хозяйств в развитие ЧП различна. Учет различий значимости инвестиций в коллективные услуги сектора государственного управления и инвестиций домашних хозяйств в развитие ЧП обеспечивается соответствующими коэффициентами: α_g и α_h .

Во всех случаях, когда определение точных значений коэффициента α_g значимости инвестиций в коллективные услуги сектора государственного управления и коэффициента α_h , оценивающего значимость инвестиций домашних хозяйств, затруднительно, допускается полагать их равными: $\alpha_g = \alpha_h$.

Учитывая изложенные методологические положения, предлагается новый **индекс инвестиций в развитие ЧП**, вычисляемый по формуле:

$$I_a = \frac{\alpha_g I_g + \alpha_h I_h}{\alpha_g + \alpha_h}, \quad (6)$$

где:

I_g – индекс инвестиций в коллективные услуги сектора государственного управления,

α_g – коэффициент значимости инвестиций в коллективные услуги сектора государственного управления,

I_h – индекс инвестиций домашних хозяйств в развитие ЧП,

α_h – коэффициент значимости инвестиций домашних хозяйств в развитие ЧП.

Для расчета индекса I_g государственных инвестиций в развитие ЧП предлагается следующее соотношение:

$$I_g = \frac{\log z - \log z_{\min}}{\log z_{\max} - \log z_{\min}}, \quad (7)$$

где:

z – инвестиции в коллективные услуги сектора государственного управления на душу населения (ППС в долл. США),

z_{\min} – минимальная величина инвестиций в коллективные услуги сектора государственного управления на душу населения (ППС в долл. США),

z_{\max} – максимальная величина инвестиций в коллективные услуги сектора государственного управления на душу населения (ППС в долл. США).

Индекс I_h инвестиций домашних хозяйств в развитие ЧП предлагается рассчитывать по формуле:

$$I_h = (1 - G) \frac{\log h - \log h_{\min}}{\log h_{\max} - \log h_{\min}}, \quad (8)$$

в которой:

h – среднедушевые денежные доходы населения (ППС в долл. США),

h_{\min} – минимальная величина среднедушевых денежных доходов населения (ППС в долл. США),

h_{\max} – максимальная величина среднедушевых денежных доходов населения (ППС в долл. США),

G – коэффициент концентрации доходов (коэффициент Джини), характеризующий меру неравенства в распределении доходов населения, рассчитываемый по формуле:

$$G = \sum_{i=1}^{n-1} p_i q_{i+1} - \sum_{i=1}^{n-1} p_{i+1} q_i, \quad (9)$$

где:

p_i – доля населения, имеющего доход не выше, чем его максимальный уровень в i -й группе,

q_i – доля доходов i -й группы в общей сумме доходов населения, исчисленная нарастающим итогом (9, с. 627).

Как оценить величину ИРЧП, вычисляемую по традиционной методике ПРООН и по методике, предлагаемой автором? В соревновании стран за место в мировой таблице рейтингов человеческого развития их достижения оцениваются величиной ИРЧП, вычисляемого с точностью до одной тысячной (10^{-3}). Учитывая, что различие в значениях ИРЧП, вычисленного по методике ПРООН и по предлагаемой методике, составляет величину порядка 0,002–0,003, оно немало, и им вряд ли можно пренебрегать.

В заключение отметим, что поскольку все первичные показатели, используемые в предлагаемой методике, содержатся как в российской государственной системе статистики, так и в статистиках зарубежных стран, входящих в Программу развития человеческого потенциала ООН, применение новой методики на практике вполне реально и не вызовет каких-либо затруднений.

Развитие России в XXI в.: Воспроизводство социального, человеческого и инновационного потенциалов

В современных социальных государствах, к миру которых принадлежит Россия, наряду с фундаментальными ценностями демократии и свободы не менее ценны и особо актуальны такие факторы развития, как социальный, человеческий и инновационный потенциалы. Для практической реализации стратегий устойчивого, динамичного прогресса государства и общества, модернизации экономики необходимо:

– единство глобальных целей развития всей системной триады «государство – общество – бизнес», в совокупности которых вы-

сокоприоритетно расширяющееся воспроизводство социального, человеческого, трудового и инновационного потенциалов;

– формирование и развитие условий, необходимых для сбалансированного социально ориентированного инновационного развития экономики и трудовой сферы;

– развитие инвестиционного климата;

– социальная безопасность;

– развитие условий достойного труда.

Такое глобальное целеполагание и выбор соответствующих приоритетов обеспечивают тот долговременный фундамент, который необходим для гармонизации стратегических целей экономического и социального развития, координации усилий по решению планетарных, национальных и муниципальных проблем. Согласование стратегических целей развития государства и общества, экономики, бизнеса и науки, выбор адекватных приоритетов позволяют вырабатывать сбалансированные стратегии социально ориентированного инновационного развития и реализовывать активную политику, как в масштабе национальной экономики, так и в мировом экономическом пространстве. В соответствии с изложенным инновационное развитие, нацеленное на расширяющееся воспроизводство социального и человеческого, экономического и инновационного потенциалов, сберегающее и эффективное использование потенциала труда по праву можно назвать **социоинновационным развитием**.

Социоинновационное развитие – это процесс гармоничного, сбалансированного развития государства, общества и человека, экономики и социально-трудовой сферы, нацеленный на расширяющееся воспроизводство социального, человеческого, экономического и инновационного потенциалов, обеспечивающий сберегающее и эффективное использование потенциала труда.

В социально ориентированной инновационной экономике человек – главная цель, главный субъект (бенефициант) и наивысший приоритет социально-экономического развития.

Россия – современное социальное государство, и приоритеты ее социально-экономического развития определены в посланиях президента Федеральному Собранию Российской Федерации: «В XXI веке нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация. И это будет первый в нашей истории опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии. Вместо примитивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику,

производящую уникальные знания, новые вещи и технологии, вещи и технологии, полезные людям» (9).

«Забота о будущих поколениях – это самые надежные, умные и благородные инвестиции» (10).

Анализируя цели, приоритеты и задачи, определенные в посланиях президента Федеральному Собранию Российской Федерации, можно убедиться в том, они ориентируют государство и общество на путь социоинновационного развития.

Рассмотрим систему целей социоинновационного развития более подробно.

Целью экономической политики является экономический рост и повышение доходов, воспроизводство экономического потенциала.

Цель социальной политики – повышение уровня и качества жизни, воспроизводство социального потенциала.

Цель инновационной политики – инновационный тип социально-экономического развития и воспроизводство инновационного потенциала.

Имманентная взаимозависимость и взаимосвязь между целями экономической, социальной и инновационной политик порождает *систему целей социоинновационного развития*.

Такая парадигма социально-экономического развития не может быть успешно реализована без расширяющегося воспроизводства социального и человеческого, экономического и инновационного потенциалов, сберегающего и эффективного использования потенциала труда, инновационной активности всех субъектов и отраслей. При таком целеполагании в системной триаде «государство – общество – бизнес» сбалансированное воспроизводство социального и человеческого, экономического и инновационного потенциалов в условиях достойного труда может обеспечить существенный синергетический эффект социально-экономического развития.

Список литературы

1. Доклад о развитии человека за 1999 год. Глобализация с человеческим лицом – Нью-Йорк: Oxford univ. press, 1999. – 200 с.
2. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 1999 год / Под общей ред. проф. Ю.Е. Фёдорова. – М.: Права человека, 1999. – 185 с.

3. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008 г. Россия перед лицом демографических вызовов / Под общей ред. А.Г. Вишневого и С.Н. Бобылева. – М., 2009. – 812 с.
4. Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие / Пер с англ.; – М.: Весь Мир, 2009. – 232 с.
5. Медведев Д.А. Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации. – 12.11.09. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/5979>.
6. Медведев Д.А. Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации. 30.11.10. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/news/9637/print>.
7. Сен Амартия. Как возможен общественный выбор. – Режим доступа: www.econ.pu.ru:9081/wps/wcm/resources/file/ebf4b4076eaf98/resource1.pdf
8. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / [Пер. с англ.; предисл. В.С. Афанасьева]. – М.: Эксмо, 2007.
9. Экономическая статистика: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. / Под ред. проф. Ю.Н. Иванова. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 735 с.
10. Amartya S., Development as capability expansion // Journal of development planning. 1989. – № 19. – P. 41–58.
11. Human development in the 1980s and beyond / Griffin K. and Knight J. (eds) // Journal of development planning. – N.Y., 1989. – N 19 (Special number). – Mode of access: – [http://www.google.ru/#sclient=psy&hl=ru&newwindow=1&q=Griffin+K.+and+Knight+J.+\(eds\).+1989.+%E2%80%9CHuman+Development+in+the+1980s+and+Beyond.%](http://www.google.ru/#sclient=psy&hl=ru&newwindow=1&q=Griffin+K.+and+Knight+J.+(eds).+1989.+%E2%80%9CHuman+Development+in+the+1980s+and+Beyond.%)
12. Human development report, 1993. – New York: Oxford univ. press, 1993. – 158 p. – Mode of access: http://hdr.undp.org/en/media/hdr_1993_en_contents.pdf
13. Human development report, 1995. – New York: Oxford univ. press, 1995. – 115 p. – Mode of access: – http://hdr.undp.org/en/media/hdr_1995_en_contents.pdf
14. Human development report, 1999. – New York: Oxford univ. press, 1999. – 165 p. – Mode of access: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_1999_EN.pdf

Экономические и социальные проблемы России

Сборник научных трудов

2011 № 1

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Редактор-составитель выпуска –
канд. экон. наук **Ивановский Борис Георгиевич**

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 12/V – 2011 г. Формат 60х84/16

Бум. офсетная № 1. Печать офсетная Свободная цена

Усл. печ. л. 11,0 Уч.-изд. л. 9,0

Тираж 500 экз. Заказ № 79

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел/Факс (499) 120-45-14**

E-mail: market@INION.ru

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9

